

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РФ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ВОРОНЕЖСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ТРИБУНА МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

Сборник научных трудов

Выпуск 22

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ
РАЗВИТИЯ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА
И ЦИВИЛИСТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА
(Материалы VII Международной студенческой конференции)

Воронеж
Издательский дом ВГУ
2025

УДК 340.1
ББК 67.0
Т67

Научный редактор –
доктор юридических наук, профессор *О. С. Рогачева*

Трибуна молодых ученых : сборник научных трудов.
Т67 Вып. 22 : Современные тенденции развития гражданского права и цивилистического процесса (материалы VII Международной студенческой конференции) / под ред. О. С. Рогачевой ; Воронежский государственный университет. – Воронеж : Издательский дом ВГУ, 2025. – 151 с.
ISBN 978-5-9273-4321-8

В сборник научных трудов вошли статьи студентов и аспирантов юридического факультета Воронежского государственного университета по материалам VII Международной студенческой конференции «Тенденции развития гражданского права и цивилистического процесса», состоявшейся на юридическом факультете Воронежского государственного университета 13–17 февраля 2025 г.

Для студентов, аспирантов, преподавателей, а также научных работников и практикующих юристов.

УДК 340.1
ББК 67.0

ISBN 978-5-9273-4321-8

© Воронежский государственный университет, 2025
© Оформление, оригинал-макет.
Издательский дом ВГУ, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
-------------------	---

ГРАЖДАНСКОЕ И СЕМЕЙНОЕ ПРАВО

<i>Ермейкина Л. Л.</i> Актуальные вопросы применения статьи 169 ГК РФ по искам о взыскании в доход государства всего полученного в результате совершения сделки, противной основам правопорядка и нравственности	6
<i>Ерин Я. А.</i> К вопросу об использовании инструментария оговорок в государственных контрактах	13
<i>Кичева П. С.</i> Передача имущества как способ уплаты алиментов: проблемы теории и практики	21
<i>Ланкова В. А.</i> К вопросу о мерах ответственности алиментнообязанного лица за ненадлежащее исполнение (неисполнение) соглашения об уплате алиментов	28
<i>Маевская М. А.</i> Реституция по недействительным сделкам в советском гражданском праве: истоки и значение для современного правового регулирования	34
<i>Меджидова А. М.</i> Правовая природа действий адвоката по оказанию юридической помощи	41
<i>Надырова З. Д.</i> Роль семейной медиации в сохранении института семьи и брака	47
<i>Папакина С. Л.</i> Отмена совместного завещания после смерти одного из супругов	54
<i>Разуваева А. А.</i> Актуальные проблемы присуждения компенсации морального вреда	61
<i>Рустамов А. Р.</i> Правовые особенности договора физкультурно-оздоровительных услуг	67
<i>Смирнова А. А., Смирнов Р. В.</i> Действие во времени правил о сроках исковой давности	72
<i>Хмельницкая А. Л.</i> ESG-факторы в законодательстве Российской Федерации о корпоративной ответственности	80

<i>Шемякина Г. Г.</i> Проблемы наследования цифровых прав в России.....	84
<i>Шульгина В. А.</i> Процесс доказывания ведения совместного хозяйства супругами: анализ судебной практики.....	89

ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС

<i>Бикбаев Р. Р.</i> Презумпция предвзятости арбитра из недружественной юрисдикции в контексте признания и приведения в исполнение решения иностранного арбитража в условиях санкционного давления.....	93
<i>Карибова Д. С.</i> Эмоджи, смайлы и другие нетипичные графические доказательства в цивилистическом процессе	101
<i>Князева А. А.</i> К вопросу об отдельных видах злоупотреблений процессуальными правами в цивилистическом процессе.....	108
<i>Колобынина Е. А.</i> Гласность на современном этапе развития гражданского процесса.....	115
<i>Луцаева Т. Д.</i> К вопросу о недобросовестных исках как форме злоупотребления процессуальным правом	120
<i>Меркулова В. Н.</i> Утверждение мирового соглашения в отношении единственного жилья должника, обремененного залогом	127
<i>Попова О. В., Черных Я. П.</i> Процессуальное правопреемство в случае смены пола	132
<i>Трофимова М. Ю., Шилова Д. А.</i> Пересмотр по вновь открывшимся обстоятельствам в гражданском судопроизводстве: значение фактов, установленных в постановлении о прекращении уголовного дела по нереабилитирующим основаниям	139
<i>Шапошников Е. А.</i> Особенности института свидетельских показаний в цивилистическом процессе	146

ПРЕДИСЛОВИЕ

13–17 февраля 2025 года кафедрой гражданского права и процесса Воронежского государственного университета была проведена VII Международная студенческая конференция «Тенденции развития гражданского права и цивилистического процесса». Конференция объединила участников из самых разных городов и стран: Минск, Москва, Санкт-Петербург, Владивосток, Барнаул, Симферополь, Новосибирск, Шахты и многие другие города нашей страны.

Данный выпуск журнала «Трибуна молодых ученых» представляет сборник статей студентов, принявших участие в конференции и представивших свои доклады. Тематика представленных работ охватывает широкий круг проблем – от теоретических основ гражданского права и цивилистического процесса до практических аспектов их применения в судебной и договорной практике. Особое внимание уделено современным тенденциям в развитии вещного и обязательственного права, новеллам семейного права, анализу судебной практики, а также проблеме правоприменения отдельных норм законодательства.

Сборник демонстрирует не только научную активность студентов, но и их готовность вносить вклад в решение актуальных задач современной юридической науки. Благодарим всех участников конференции за их инициативность, вдумчивость и стремление к научному поиску. Выражаем отдельную признательность научным руководителям, оказавшим помощь в подготовке статей и поддержавшим интерес студентов к исследовательской деятельности. Спасибо за участие всем студентам и аспирантам и до новых встреч!

*Кандидат юридических наук
К. А. Галузина
Преподаватель кафедры гражданского права
и процесса ВГУА. Ю. Плисова*

УДК 347.4

Еремейкина Лада Львовна

Алтайский государственный университет, Барнаул

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРИМЕНЕНИЯ СТАТЬИ 169 ГК РФ ПО ИСКАМ О ВЗЫСКАНИИ В ДОХОД ГОСУДАРСТВА ВСЕГО ПОЛУЧЕННОГО В РЕЗУЛЬТАТЕ СОВЕРШЕНИЯ СДЕЛКИ, ПРОТИВНОЙ ОСНОВАМ ПРАВОПОРЯДКА И НРАВСТВЕННОСТИ

Eremeykina Lada Lvovna

Altai State University, Barnaul

TOPICAL ISSUES OF THE APPLICATION OF ARTICLE 169 OF THE CIVIL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION ON CLAIMS FOR THE RECOVERY OF STATE INCOME OF EVERYTHING RECEIVED AS A RESULT OF A TRANSACTION CONTRARY TO THE PRINCIPLES OF LAW AND ORDER AND MORALITY

Аннотация: в статье анализируются подходы, сложившиеся в судебной практике к применению ст. 169 ГК РФ (после принятия Определения Верховным Судом РФ от 13 июня 2023 г.) и особенности недействительных сделок, противоречащих основам правопорядка и нравственности, а также имеющийся зарубежный правовой опыт. Автором формулируется нормативное определение понятия «основы правопорядка и нравственности» и предлагаются меры по реформированию законодательства в этой сфере.

Abstract: the article analyzes the approaches that have developed in judicial practice to the application of Article 169 of the Civil Code of the Russian Federation (after the adoption of the Ruling by the Supreme Court of the Russian Federation dated June 13, 2023)

and the features of invalid transactions that contradict the foundations of law and order and morality, as well as existing foreign legal experience. The author formulates a normative definition of the concept of "fundamentals of law and order and morality" and suggests measures to reform legislation in this area.

Ключевые слова: *недействительные сделки, правопорядок, нравственность.*

Key words: *invalid transactions, legal order, morality.*

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что ст. 169 ГК РФ¹ применяется с определенными сложностями, которые закономерно возникают на практике. Законодатель посредством нормативного закрепления категорий оценочного характера придает им силу правовой нормы, которая является общеобязательным правилом поведения. Однако в правоприменительной практике такие оценочные категории могут толковаться по-разному, что дает основания их относить к «резиновым» нормам, а это приводит к отсутствию их единообразного применения. Квалификация сделок по ст. 169 ГК РФ в этой связи тоже имеет проблемы, решение которых видится в более четком правовом регулировании.

До принятия Определения ВС РФ от 13 июня 2023 г.² сделки, подпадающие под квалификацию ст. 169 ГК РФ, квалифицировались судами, как правило, по п. 2 ст. 168 ГК РФ. Такой подход был отражен в п. 7 Постановления Пленума ВС РФ от 23 июня 2015 г. № 25³, и применение ст. 169 ГК было незначительным.

В целях эффективного применения ст. 169 ГК РФ нужно уделить внимание понятию «основы правопорядка и нравственности». Даже у конституционалистов разные подходы на данное понятие с точки зрения наличия нарушений публичного интереса. Отсутствие единообразного толкования значимой для квалификации сделки терминологии может привести к злоупотреблению со стороны органов власти и подрыву гражданского оборота.

Суды ориентируются на правовые позиции КС РФ, который отмечал, что оценочные понятия применяются с учетом всех обстоятельств конкретного спора и наполняются содержанием, однако для любого правоприменителя нужен некий ориентир, критерии и мерилa той же самой нравственности и морали. По

этой причине полагаться исключительно на правоприменительную практику нельзя, она формируется субъектами с разным уровнем правосознания и правовой культуры.

Сделки, противные основам правопорядка и нравственности, принято считать антисоциальными. При этом антисоциальный характер некоторыми учеными и практиками понимается как несомненный, и если нет сомнений, что сделка именно таковая, то значит так и есть. Но если все-таки сомнения возникают, то значит, ее нельзя относить к антисоциальным. Напр., приобретение топора для убийства мужа или продажа собственного ребенка явно носят антисоциальный характер.

В этой связи ввиду отсутствия правильного понимания основ правопорядка и нравственности ст. 169 ГК РФ, последствия, применения которой носят конфискационный характер, не использовалась на практике, поскольку судьи предпочитали не рисковать.

Выходом из сложившейся ситуации видится нормативное закрепление в ст. 169 ГК РФ понятия «основы правопорядка и нравственности», по которыми предлагается понимать «установленные Конституцией, федеральными законами, Указами Президента Российской Федерации, иными нормативными правовыми актами, а также исходящие из правовых принципов важнейшие традиционные ценности российского общества и государства, включающие в себя основы конституционного строя, публичный правопорядок, жизнь, достоинство, гуманизм, семейные ценности, историческое единство, государственную целостность и иные».

Важно также учитывать непосредственную антисоциальную цель самой сделки, а не отдаленный мотив. К таковым сделкам относят, например, наем убийцы, дачу взятки и т.д.

Определение ВС РФ от 13 июня 2023 г. касается аспектов применения ст.169 ГК РФ. Суть дела заключается в том, что прокурор требовал взыскать в доход государства суммы, полученные стороной в качестве взятки. Судами требования прокурора были удовлетворены, а взятка была квалифицирована как сделка, соответствующая ст. 169 ГК РФ, с чем согласился и ВС РФ, потому как наличие в действиях участников оборота признаков состава преступления не исключает возможности их квалификации в

качестве сделок с точки зрения гражданского законодательства. При этом действия по передаче имущества в виде взятки, в силу своей очевидной антисоциальной направленности, подпадают под действие ст. 169 ГК РФ.

Однако применение принудительных мер уголовно-правового характера в порядке гражданского судопроизводства, тем более после вступления в законную силу приговора суда, которым определено окончательное наказание лицу, осужденному за совершение преступления, является недопустимым, поскольку никто не может быть повторно осужден за одно и то же преступление (ч. 1 ст. 50 Конституции РФ⁴).

Взыскание в доход государства имущества, которое было получено стороной, действовавшей умышленно, возможно в случаях, предусмотренных законом. Как указал ВС РФ, нормы УК РФ о конфискации имущества в качестве такого закона рассматриваться не могут, поскольку конфискация является мерой уголовно-правового характера и применяется на основании обвинительного приговора суда, а не решения суда по гражданскому делу. В итоге дело направлено на новое рассмотрение.

В этой связи с точки зрения дальнейшего правоприменения и возможности заимствования некоторых юридических моделей недействительных сделок интересен зарубежный опыт.

В США, например, приносящая общественному благополучию вред сделка считается противоправной. При этом возникает проблема определения критериев «общественного благополучия», поскольку свобода совершения сделок четкими границами не очерчена⁵.

Ст. 1133 Кодекса Наполеона 1804 г. предусматривает, что акт, противоречащий общественному порядку считается недозволённым⁶.

Парагр. 134 и 138 ГГУ⁷ включают незаконные и противонравственные сделки («недозволенные») соответственно. Поскольку антисоциальные сделки четко не обозначены, то многое остается за их квалификации на усмотрение судьи.

В Японии тоже есть место в правовом регулировании для недействительных сделок, к которым относят договоры, противоречащие публичному порядку и добрым нравам (ст. 90 ГК). При этом отмечается, что при признании сделок недействительными

по этому основанию необходимо опираться на ценности, имеющие значения на данном этапе⁸.

Ст. 40 книги 3 ГК Нидерландов гласит, что сделки, не имеющие юридической силы, противоречат морали или общественному порядку с точки зрения содержания и цели⁹. Аналогичная ситуация отражена в швейцарском законодательстве. Согласно ст. 20 Швейцарского обязательственного закона 1911 г., договор считается недействительным сам по себе, если он направлен на достижение незаконной или неэтичной цели¹⁰.

Анализ норм права и практики их применения за рубежом продемонстрировал, что в иностранных государствах не предусматривается применение конфискационной меры в качестве последствия недействительности такой сделки, как это следует из ст. 169 ГК РФ.

Наиболее серьезные трудности в сфере правопорядка заключаются в сделках, которые считаются недействительными и заключаются в целях, намеренно противоречащих принципам правопорядка и нравственности.

Разумеется, естественным образом повысив уровень правовой культуры граждан, можно избежать неточных толкований законодательства и совершения недействительных сделок в принципе. В то же время своевременное и адекватное реформирование, совершенствование действующего законодательства послужит ориентиром для правоприменителей и облегчит их работу, содействуя единообразию практики.

Полагаем, что в актуальной редакции ст. 169 следует изменить формулировку: «В случаях, предусмотренных законом, суд...», поскольку это создает определенные трудности при рассмотрении дела и взыскании в доход государства полученного по такой сделке, из-за чего эта норма редко применяется. Целесообразно указать, каким именно законом должны регулироваться основания этого взыскания. В противном случае это может расцениваться как коллизия правовых норм.

В заключение следует отметить, что корректировка нормы, закрепленной в ст. 169, позволит обеспечить баланс защиты публичных и частных интересов при взыскании приобретенного в доход государства. Определение ВС РФ от 13 июня 2023 г. послужит ориентиром правоприменителям в целях единого толкова-

ния данной нормы. Однако с учетом нормативно выработанного понятия «основы правопорядка и нравственности» и предложенных мер по усовершенствованию законодательства появится возможность более грамотно и профессионально применять норму ст. 169 ГК РФ.

Таким образом, возможно совершенствование действующего законодательства, регулирующего правоотношения в данной сфере, а также достижение единообразия и стабильности применения норм законодательства на практике, что в конечном счете гарантирует права и свободы физических и юридических лиц и обеспечивает соблюдение конституционных принципов.

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <https://www.consultant.ru> (Дата обращения: 08.01.2025)

² Определение СК по гражданским делам Верховного Суда РФ от 13 июня 2023 г. № 88-КГ23-2-К8 // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <https://www.consultant.ru> (Дата обращения: 08.01.2025)

³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <https://www.consultant.ru> (Дата обращения: 08.01.2025)

⁴ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <https://www.consultant.ru> (Дата обращения: 08.01.2025)

⁵ Каменщиков А. В. «Антисоциальные сделки» в законодательствах зарубежных государств // Актуальные проблемы экономики и права. 2011. № 3. С. 205–211.

⁶ Французский гражданский кодекс / пер. с фр. А. А. Жуковой, Г. А. Пашковской. СПб., 2004. 1101 с.

⁷ Гражданское уложение Германии. Вводный закон к Гражданскому уложению. М., 2004. 816 с.

⁸ Вагацума С., Аргидзуми Т. Гражданское право Японии. Кн. 1 / под ред. Р. О. Халфиной. М. : Прогресс, 1983. 351 с.

⁹ Афанасьев Д. В. Нарушение публичного порядка как основание признания сделки недействительной в российском и зарубежном праве // Недействительность в гражданском праве: проблемы, тенденции, практика: Сборник статей. М., 2006.

¹⁰ Швейцарский обязательственный закон (Вместе с Федеральным законом о дополнении Швейцарского гражданского кодекса...) от 30.03.1911 (с изм. и доп., вступившими в силу 01.03.2012) // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <https://www.consultant.ru> (Дата обращения: 08.01.2025)

*Алтайский государственный
университет
Еремейкина Лада Львовна*

*Altai State University
Eremeykina Lada Lvovna*

Ерин Ян Андреевич

*Крымский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации, Симферополь*

**К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ
ИНСТРУМЕНТАРИЯ ОГОВОРОК
В ГОСУДАРСТВЕННЫХ КОНТРАКТАХ**

Erin Yan Andreevich

*Crimean Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's
Office of the Russian Federation, Simferopol*

**ON THE QUESTION OF THE USE OF INSTRUMENTS
OF CLAUSES IN GOVERNMENT CONTRACTS**

Аннотация: *цель исследования заключается в изучении особенностей и специфики использования в государственных контрактах такого инструментария гражданско-правовых отношений, как оговорки. В данной статье особое внимание уделяется возможности применения сторонами антикоррупционной, ретроактивной, арбитражной оговорки, оговорки о добросовестности в государственных контрактах. Приводятся позиции судебных и уполномоченных контрольных органов по использованию инструментария оговорки в рамках рынка государственных закупок.*

Abstract: *the article concentrates of the study of some the features and specifics of the use of such instruments of civil law relations as clauses in government contracts. Special attention is paid to the possibility for the parties to apply anti-corruption, retroactive, arbitration clauses and good faith clauses in government contracts. The positions of judicial and authorized control bodies on the use of instruments of clauses within the framework of the public procurement market are given.*

Ключевые слова: *государственный контракт, оговорка, рынок государственных закупок.*

Key words: *government contract, clause, public procurement market.*

Инструментарий оговорок имеет огромное значение в гражданско-правовых отношениях. Посредством их включения в договоры стороны фиксируют свои действия в заранее непредвиденных, но возможных ситуациях. Использование данного инструмента имеет свою специфику в государственных контрактах, являющихся особой моделью гражданско-правового договора. Определение возможности включения и применения различного рода оговорок в государственных контрактах является важной задачей по совершенствованию гражданско-правовых отношений сторон договора, а также по реализации публичных функций госконтракта.

Одной из мер, направленной на недопущение коррупции при осуществлении государственных закупок является включение в контракт антикоррупционной оговорки. Как правило, она оформляется отдельным разделом в контракте, где закреплены: запреты на совершение действий коррупционного характера; действия при возникновении подозрений у стороны нарушения контрагентом запретов; права стороны при совершении другой стороной коррупционных нарушений.

Одной из мер противодействия коррупции в сфере государственных закупок выступает включение в контракт антикоррупционной оговорки. Данная оговорка, как правило, оформляется в виде отдельного раздела контракта, в котором регламентируются: запрет на осуществление действий, носящих коррупционный характер; алгоритм действий сторон при возникновении подозрений в нарушении контрагентом установленных антикоррупционных норм; права и механизмы защиты сторон в случае выявления коррупционных нарушений со стороны контрагента.

Подобная мера направлена на минимизацию коррупционных рисков, обеспечение прозрачности процедур закупок и укрепление доверия к институтам государственного управления.

Стоит отметить, что закрепление сторонами в государственном контракте антикоррупционной оговорки носит необязательный характер, в регламентирующей существенные условия госконтрактов ч. 13 ст. 34 Федерального закона «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» от 05.04.2013 № 44-ФЗ (далее – Закон № 44-ФЗ), она не значится¹. В силу п. 4 ст. 421

Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), стороны контракта по своему усмотрению могут включить антикоррупционную оговорку в условия государственного контракта². Однако включение данной антикоррупционной меры носит императивный характер при ее наличии в типовых условиях контрактов, установленных Правительством Российской Федерации, что значится в ч. 11 ст. 34 Закона № 44-ФЗ³. Например, типовые контракты на: оказание услуг по проведению специальной оценки условий труда и обучению работодателей и работников вопросам охраны труда⁴, оказание охранных услуг⁵, оказание услуг в сфере космической деятельности⁶. Данный обязательный характер обусловлен особой публичной важностью регулируемых гражданско-правовых отношений и повышенными рисками злоупотребления сторон.

Таким образом, антикоррупционная оговорка является эффективным инструментом по борьбе с коррупционными проявлениями, который помогает выявить возможные риски коррупционного характера еще до того, как будет совершено правонарушение.

Ретроактивная оговорка является важным инструментом урегулирования обязательственных отношений сторон, представляющая собой условие, позволяющее распространить действия договора на период, предшествовавший его заключению, в соответствии с п. 2 ст. 425 ГК РФ⁷.

Департамент бюджетной политики в сфере контрактной системы Минфина России в письме от 01.08.2024 №24-08-08/71743 сформулировал четкое указание, что исполнение обязательств единственным поставщиком (подрядчиком, исполнителем) до заключения государственного контракта не представляется возможным⁸. Департамент Минфина в данном разъяснении помимо норм Закона № 44-ФЗ и ГК РФ оперирует принципами бюджетного законодательства, отмечая, что исполнение обязательств при отсутствии заключенного контракта влечет возникновение фактической задолженности в условиях отсутствия постановки бюджетных обязательств на бюджетный учет⁹.

Следует отметить, что исполнитель не может быть известен заказчику до начала осуществления закупки как определения лица, исполнение контракта которым в наибольшей степени

будет отвечать целям эффективного использования бюджетных средств. Речь идет о недопущении предоставления хозяйствующим субъектам незаконного преимущества в обход законодательства о контрактной системе.

Заказчику представляется возможным отстоять правомерность использования ретроактивной оговорки в контракте, заключаемом в рамках Закона № 44-ФЗ лишь в случае его заключения с безальтернативными ресурсоснабжающими организациями. Это исключение обусловлено спецификой правоотношений с данными организациями. Данный вывод базируется на положениях п. 21, 22 Обзора судебной практики, утвержденном Президиумом ВС РФ 28.06.2017¹⁰.

Юристы-специалисты отмечают, что зачастую применение ретроактивной оговорки спровоцировано тем, что заказчики – получатели бюджетных средств дожидаются лимитов бюджетных обязательств на очередной финансовый год, без которых они в силу Закона № 44-ФЗ не могут разместить в ЕИС планы-графики закупок¹¹. Выход из ситуации видится во внесении в план-график текущего года закупку, которая будет осуществляться за счет средств будущего финансового периода, с последующим заключением контракта в текущем финансовом году. В этом случае никакая ретроактивная оговорка не понадобится.

Дабы заказчику не прибегать к инструменту ретроактивной оговорки в рамках Закона № 44-ФЗ, необходима грамотная юридическая и финансовая работа по формированию, утверждению и ведению планов-графиков закупок, которая позволит предусмотреть все предстоящие государственные закупки.

В гражданских договорах выделяется такой вид оговорки, как оговорка о добросовестности. Она нашла свое место в закупочном законодательстве в виде письма о добросовестности поставщика (подрядчиков, исполнителей). Данное письмо представляет собой документ, в котором представлена информация, содержащаяся в реестре контрактов, заключенных заказчиками, и подтверждающая исполнение таким участником в течение трех лет до даты подачи заявки на участие в закупке трех контрактов (с учетом правопреемства), исполненных без применения к такому участнику неустоек (штрафов, пеней), при этом цена одного из таких контрактов должна составлять не менее

чем 20 % начальной (максимальной) цены контракта, указанной в извещении об осуществлении закупки, приглашении и документации о закупке¹².

Законом № 44-ФЗ и другими нормативно-правовыми актами не установлена общая форма информационного письма о подтверждении добросовестности поставщика. Практика договорных отношений на рынке государственных закупок показывает, что указывается та информация, которая необходима заказчику для определения поставщика как добросовестного по смыслу Закона № 44-ФЗ, а именно: сведения о заказчике (ИНН и название); реестровый номер записи контракта; цена контракта; предмет контракта; даты заключения и исполнения контракта; указание на наложенные неустойки, пени и штрафы.

Письмо о добросовестности поставщика имеет большое значение для сторон контракта, так как оно заказчику позволяет сделать информированный выбор поставщика, исходя из его прошлого опыта, репутации и соответствия требованиям законодательства, а поставщику – продемонстрировать свою надежность и профессионализм, установить доверительные отношения с заказчиком и повысить свои шансы на успешное заключение контракта.

Стороны гражданско-правового договора имеют право на заключение арбитражного соглашения, которое может оформляться в виде арбитражной оговорки в самом договоре или же отдельным дополнительным соглашением к договору. В нем закреплено согласие сторон о передаче в арбитраж всех или определенных споров, которые возникли или могут возникнуть между ними в связи с каким-либо конкретным правоотношением¹³. При этом не учитывается тот факт, носило ли данное правоотношение договорной характер или нет.

Рассматриваемая арбитражная оговорка на данный момент неприменима в государственных контрактах. Так, в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 10.12.2019 № 53 зафиксировано, что споры, возникающие из отношений, регулируемых Законом № 44-ФЗ, не могут быть переданы в третейский суд пока не будет определено постоянно действующее арбитражное учреждение, которое вправе администрировать данные споры¹⁴.

Таким образом, возможность включения и дальнейшего использования различного рода оговорок в государственных контрактах имеет свои особенности и ограничения в силу уникального сочетания гражданско- и публично-правовых начал в российском закупочном законодательстве. Конкретизация и усовершенствование правового регулирования рассматриваемых специфик оговорок в государственных контрактах требует своего дальнейшего научного изучения. Ведь грамотное и эффективное использование инструментария оговорок сторонами в гражданско-правовых отношениях является необходимым условием для успешного развития отечественного рынка торговли.

¹ Федеральный закон «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» от 05.04.2013 № 44-ФЗ (ред. от 26.12.2024 № 494-ФЗ) [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102164547> (дата обращения: 17.01.2025).

² Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024 № 237-ФЗ) [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102033239> (дата обращения: 17.01.2025).

³ Федеральный закон «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» от 05.04.2013 № 44-ФЗ (ред. от 26.12.2024 № 494-ФЗ) [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102164547> (дата обращения: 17.01.2025).

⁴ Приказ Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 24.12.2018 № 834н «Об утверждении типовых контрактов на оказание услуг по проведению специальной оценки условий труда и обучению работодателей и работников вопросам охраны труда, а также их информационным карт» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201902260031> (дата обращения: 17.01.2025).

⁵ Приказ Федеральной службы войск национальной гвардии РФ от 1 июня 2020 г. № 149 «Об утверждении типового контракта на оказание охранных услуг и информационной карты типового контракта на оказание охранных услуг» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал

правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007290016> (дата обращения: 17.01.2025).

⁶ Приказ Госкорпорации «Роскосмос» от 22.04.2021 № 106 «Об утверждении типовых контрактов на оказание услуг в сфере космической деятельности» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации.

⁷ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024 № 237-ФЗ) [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102033239> (дата обращения: 17.01.2025).

⁸ Письмо Минфина России от 01.08.2024 № 24-08-08/71743 «О рассмотрении обращения» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/409476387/> (дата обращения: 18.01.2025).

⁹ Там же.

¹⁰ «Обзор судебной практики применения законодательства Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд», утвержденный Президиумом Верховного Суда РФ 28.06.2017 [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71606630/> (дата обращения: 18.01.2025).

¹¹ Гурин О. Ю. Контракт заключен 10 января, а услуги оказываются с 1 января: допускает ли Закон № 44-ФЗ ретроактивную оговорку? [Электронный ресурс] // Всероссийский информационный еженедельник «Аукционный вестник». 13.12.2024. № 700. С. 1. URL: https://www.avestnik.ru/pdf/2024/AV_700.pdf (дата обращения: 18.01.2025).

¹² Федеральный закон «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» от 05.04.2013 № 44-ФЗ (ред. от 26.12.2024 № 494-ФЗ) [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102164547> (дата обращения: 17.01.2025).

¹³ Федеральный закон от 29.12.2015 № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» (ред. от 08.08.2024 № 251-ФЗ) [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102386393> (дата обращения: 17.01.2025).

¹⁴ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.12.2019 № 53 «О выполнении судами Российской Федерации функций содействия и контро-

ля в отношении третейского разбирательства, международного коммерческого арбитража» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_340189/ (дата обращения: 18.01.2025).

*Крымский юридический
институт (филиал)
Университета прокуратуры РФ
Ерин Ян Андреевич*

*Crimean Law Institute (branch)
of the University
of the Prosecutor's Office
Erin Yan Andreevich*

Кичева Полина Сергеевна

*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова,
Москва*

**ПЕРЕДАЧА ИМУЩЕСТВА КАК СПОСОБ УПЛАТЫ
АЛИМЕНТОВ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ**

Kicheva Polina Sergeevna

Lomonosov Moscow State University

**TRANSFER OF PROPERTY AS A WAY TO PAY
ALIMONY: PROBLEMS OF THEORY AND PRACTICE**

Аннотация: *передача имущества вместо уплаты алиментов в денежной сумме становится наиболее привлекательным способом выполнения родительской обязанности. В статье обсуждаются проблемы определения стоимости такого имущества, риски его утраты или банкротства, а также способы устранения выявленных проблем.*

Abstract: *the transfer of property instead of paying alimony in cash is becoming the most attractive way to fulfill parental responsibilities. The article discusses the problems of determining the value of such property, the risks of its loss or bankruptcy, as well as ways to eliminate the identified problems.*

Ключевые слова: *алименты, дети, семья, соглашение об уплате алиментов, имущество.*

Key words: *alimony, children, family, alimony payment agreement, property.*

Соглашение об уплате алиментов является новеллой действующего Семейного кодекса Российской Федерации (далее – СК РФ). Вместе с тем, как отмечает М. В. Антокольская, алиментные соглашения допускались и в советский период¹. Так, Указом Президиума Верховного Совета СССР от 21 июля 1967 г. «Об улучшении порядка уплаты и взыскания алиментов на содержание детей»², наряду с судебным предусматривался добровольный

порядок исполнения алиментной обязанности родителей в отношении несовершеннолетних детей, впоследствии закреплённый в ст. 89 Кодекса о браке и семье РСФСР 1969 года³. Вместе с тем, ввиду преобладающего императивного регулирования алиментных отношений, отсутствия принудительности исполнения и правовой защиты алиментного соглашения, в советский период указанный правовой институт оказался не востребован⁴.

Сохранение публично-правовых начал в действующем семейном законодательстве и, в частности, в алиментных правоотношениях обусловлено наличием общественного интереса со стороны государства в защите интересов детей. В связи с тем, что алиментное соглашение является одной из возможных форм реализации не права, а обязанности родителя по уплате алиментов, свобода сторон в определении формы соглашения и его содержания (размера алиментов) ограничивается императивными требованиями закона. В частности, согласно ст. 102 СК РФ, при нарушении законных интересов получателя алиментов, в том числе при несоблюдении требований о минимальном размере законных алиментов (ст. 81 СК РФ), алиментное соглашение по решению суда может быть признано недействительным.

Вместе с тем, признавая наличие гражданско-правовых начал в правовом регулировании соглашения по уплате алиментов, стоит отметить наделение сторон широкими правами в выборе способов и порядка уплаты алиментов по соглашению. Одним из таких способов уплаты алиментов, согласно ст. 104 СК РФ, является передача имущества. Указанный способ соответствует смыслу ст. 80 СК РФ, позволяющей предоставлять алименты в том числе и в натуральной форме⁵. Использование такого способа уплаты алиментов, как правило, осуществляется при разделе имущества супругов, одному из которых по взаимной договоренности сторон передается значительная часть имущества⁶. При этом, стоит отметить, что Семейный кодекс РФ не конкретизирует, что понимается под имуществом. Согласно ст. 128 ГК РФ к имуществу могут быть отнесены вещи, имущественные права, результаты работ и оказания услуг, результаты интеллектуальной деятельности и нематериальные блага. Однако, представляется, что передача такого имущества как нематериальные блага невозможна в рамках соглашения об уплате алиментов.

Много правовых проблем возникает в том числе в передаче в качестве имущества корпоративных прав и бездокументарных ценных бумаг⁷. С одной стороны, при их продаже получатель алиментов приобретает денежные средства, которые должны быть направлены на содержание ребенка. С другой стороны, нестабильность котировок ценных бумаг и рынка может привести к резкому сокращению стоимости как ценных бумаг, так и, например, стоимости доли в компании. В таком случае, существует риск, что получатель алиментов предъявит к их плательщику требование об изменении алиментного соглашения по основанию изменения материального положения. С точки зрения гражданского права такая ситуация недопустима, поскольку с переходом самого права требования/вещи к другому лицу, с ними переходят и все риски изменения стоимости указанного имущества. Однако, с точки зрения семейного права, защищающего интересы детей, в том числе на достойное содержание такие доводы получателя алиментов могут быть приняты судом во внимание.

Наиболее часто в качестве передаваемого имущества выступает объект недвижимости в виде жилого помещения, что обусловлено несколькими факторами. В условиях перепадов экономики недвижимость является наиболее стабильным активом, как правило, растущим в цене. Кроме того, предоставление жилого помещения ребенку разрешает проблему со снятием жилья, что позволяет потратить сэкономленные денежные средства на текущие расходы.

Однако, при оформлении алиментного соглашения возникает множество правовых вопросов, в частности, является ли предоставление объекта недвижимости в собственность детей полностью самостоятельным способом обеспечения материального состояния детей или он может применяться только наряду с выплатой алиментов в денежном эквиваленте? Представляется, что в случае, если стоимость объекта недвижимости в полной объеме покрывает потенциальные расходы на выплату алиментов, предусмотренных законом, то в таком случае передача объекта недвижимости должна быть самостоятельным способом уплаты алиментов по п. 2 ст. 104 СК РФ в алиментном соглашении.

Более сложным является вопрос о том, любой ли объект недвижимости может быть передан. Например, можно ли по соглашению об уплате алиментов передать нежилое помещение или имущественный комплекс (предприятие) как бизнес? С одной стороны, указанные объекты недвижимости помимо своей собственной стоимости способны приносить дополнительный доход в виде арендных платежей или получения прибыли. Вместе с тем, сам размер такого дополнительного дохода невозможно предварительно установить в соглашении об уплате алиментов. Более того, существует значительный риск снижения собственной стоимости указанных объектов недвижимости ввиду ненадлежащего использования помещения арендатором или убыточности бизнеса. Также спорным вопросом является возможность заключения соглашения об уплате алиментов в отношении будущего объекта недвижимости, поскольку способы защиты от рисков невозможности приобретения или строительства указанного имущества в виде возмещения убытков не применимы в отношении алиментного соглашения.

Другая проблема связана с порядком определения стоимости недвижимого имущества и последствиями ее уменьшения. В связи с тем, что рыночная стоимость объекта в краткосрочной перспективе более подвержена изменениям, чем кадастровая, при определении стоимости объекта в соглашении об алиментах предпочтение с точки зрения получателя алиментов должно отдаваться кадастровой стоимости. Однако, поскольку рыночная стоимость, как правило, в значительной степени выше кадастровой стоимости, с точки зрения сопоставления цены объекта и размера алиментных платежей плательщику алиментов выгоднее определять цену объекту через его рыночную стоимость. Таким образом, стороны прямо в алиментном соглашении должны установить способ определения стоимости имущества и/или указать его стоимость.

Более того, стороны соглашения об уплате алиментов должны предусмотреть последствия уменьшения стоимости объекта, в том числе при обнаружении обременений, изменении конъюнктуры рынка, наступлении обстоятельств непреодолимой силы. Например, в случае, гибели объекта недвижимости, например, при пожаре, вопрос о том, обязан ли плательщик алиментов пре-

доставлять иной способ уплаты алиментов должен зависеть от того, был ли передан объект недвижимости получателям (т.е. на ком находился риск гибели) и по чьей вине погиб предмет⁸. Фактически, как и в случае с ценными бумагами, стороны могут предусмотреть способ порядок изменения соглашения об алиментах на случай изменения материального положения плательщика алиментов⁹.

Таким образом, учитывая межотраслевой характер соглашения об уплате алиментов, его содержание в части возможности передачи имущества должно отражать в себе решение проблем гражданского законодательства с учетом определенной императивности семейного права в целях наиболее полного обеспечения детей. Однако, заключение такого соглашения об уплате алиментов не должно сводиться к «узакониванию» механизма вывода имущества.

Так, наиболее значимым проблемным вопросом в отношении передачи имущества по алиментному соглашению является проблема включения такого имущества в конкурсную массу при банкротстве обязанной стороны алиментного соглашения¹⁰.

По смыслу законодательства о банкротстве законодатель не устанавливает запрет на заключение соглашения о выплате алиментов при наличии у плательщиков признаков неплатежеспособности и наличия кредиторской задолженности. Вместе с тем, существенное превышение размера алиментов или стоимости переданного имущества относительно доли от доходов, подлежащей уплате по закону, может рассматриваться как законный механизм вывода имущества из конкурсной массы. В частности, при передаче по соглашению объекта недвижимости, юридически значимыми обстоятельствами для суда будут являться факты об: установлении момента заключения алиментного соглашения - было ли оно заключено в пределах подозрительности; имелась ли реальная задолженность по алиментам¹¹; является ли жилое помещение единственным пригодным жилищем для несовершеннолетних детей; факт проживания детей в жилом помещении, а также «завышенность» стоимости объекта недвижимости. При недоказанности злоупотреблений сторон алиментного соглашения к такому имуществу может быть применен режим

исполнительского иммунитета, в связи с чем оно не будет включено в конкурсную массу должника¹².

Однако, если имущество должника все же было включено в конкурсную массу плательщика алиментов, возникает вопрос о том, как будут обеспечиваться права несовершеннолетних детей. Например, в случае завышения стоимости алиментных платежей соглашение об уплате алиментов признается недействительным в части превышения размера алиментов, но с сохранением соглашения в той части алиментов, которая была бы взыскана при установлении алиментов в судебном порядке¹³.

Таким образом, появление закрепление в СК РФ такого способа уплаты алиментов как передача имущества, безусловно, является перспективным способом материального обеспечения и эффективным механизмом разрешения, например, жилищной проблемы. Однако, отсутствие какого-либо законодательного регулирования по этому вопросу создает неопределённость границ диспозитивности сторон, что впоследствии создает «почву» для злоупотреблений. Представляется, что законодатель должен задать вектор развития указанного способа уплаты, который впоследствии быть уточнен судебной практикой.

¹ Антокольская М. В. Семейное право : Учебник. М.: Юрист, 1996. С. 251.

² Указ Президиума ВС СССР от 21.07.1967 № 1722-VII «Об улучшении порядка уплаты и взыскания алиментов на содержание детей // Свод законов СССР. 1990. Т. 2. С. 157.

³ Кодекс о браке и семье РСФСР (утв. ВС РСФСР 30.07.1969) // Свод законов РСФСР. Т. 2. С. 43.

⁴ Максимович Л. Б. Соглашение об уплате алиментов: вопросы теории и практики // Семья и дети. 2008. № 2. С. 133.

⁵ Качур Н. Ф. Стороны соглашения об уплате алиментов несовершеннолетним детям путем предоставления недвижимо имущества // Семейное и жилищное право. 2007. № 1. С. 32–35.

⁶ Антокольская М. В. Указ. соч. С. 253.

⁷ Актуальность передачи в качестве уплаты по алиментам акций подтверждается судебной практикой. См. напр.: Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 18.11.2019 по делу N 88-322/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

⁸ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Рос-

сиейской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» // СПС «КонсультантПлюс».

⁹ Усачева Е. А. Юридическая природа соглашения об уплате алиментов // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 6. С. 43. Указанное нужно предусмотреть в соглашении в целях соблюдения ст. 103 СК РФ.

¹⁰ Шефас П. Недобросовестность кредиторов в банкротстве. Девять ключевых определений Верховного Суда РФ // Цивилистика. 2018. Выпуск 2. С. 203–204.

¹¹ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 24.01.2023 N Ф05-14294/2021 по делу N А40-147127/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

¹² Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 06.06.2023 N Ф01-2126/2023 по делу N А38-3537/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

¹³ Определение ВС РФ от 27.10.2017 N 310-ЭС17-9405 по делу N А09-2730/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

*Московский государственный
университет имени
М. В. Ломоносова
Кичева Полина Сергеевна*

*Lomonosov Moscow State
University
Kicheva Polina Sergeevna*

Ланкова Виталина Алексеевна

*Дальневосточный юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации, г. Владивосток*

**К ВОПРОСУ О МЕРАХ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
АЛИМЕНТНООБЯЗАННОГО ЛИЦА ЗА
НЕНАДЛЕЖАЩЕЕ ИСПОЛНЕНИЕ (НЕИСПОЛНЕНИЕ)
СОГЛАШЕНИЯ ОБ УПЛАТЕ АЛИМЕНТОВ**

Lankova Vitalina Alekseevna

*Far Eastern Law Institute (Branch)
University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation,
Vladivostok*

**TO THE QUESTION OF EXTENT OF LIABILITY
OF ALIMONY PAYER FOR PRECARIOUS
FULFILLMENT (NON-COMPLIANCE)
OF AN ARRANGEMENT ON THE REFUND
OF MAINTENANCE PAYMENTS**

Аннотация: *представленная статья направлена на всестороннее изучение существующих видов ответственности лица, обязанного уплачивать алименты на основании соглашения об уплате алиментов. Обращено внимание на амбивалентность рассматриваемого соглашения, а также рассмотрены спорные вопросы выплаты неустойки в случае образования задолженности.*

Abstract: *the presented article is aimed at a comprehensive study of the existing types of liability of a person who is obliged to pay alimony on the basis of an agreement on the payment of alimony. Attention is drawn to the ambivalence of the agreement under consideration, as well as the controversial issues of payment of penalties in case of debt formation.*

Ключевые слова: *алименты, алиментное соглашение, неустойка, ответственность.*

Key words: *alimony, alimony agreement, penalty, liability.*

В настоящее время институт алиментного обязательства является достаточно актуальным и значимым, что связано с политикой государства, которая направлена на создание и обеспечение условий для достойного развития и жизни человека, что прямо вытекает из Конституции Российской Федерации, относящейся, в том числе, защиту семьи к полномочиям государства¹.

Институт алиментов прямо направлен на защиту прав несовершеннолетних и, соответственно, нетрудоспособных в силу возраста детей, а также нетрудоспособных родителей и супругов, в отношении которых семейное законодательство тоже предусматривает возможность установления алиментного обязательства. Как отмечается в научной литературе, рассматриваемый институт представляет собой закрепленные на законодательном уровне меры поддержки материального характера для участников семейных правоотношений².

В Семейном кодексе Российской Федерации (далее – СК РФ) алиментным обязательствам членов семей посвящен отдельный раздел. Исходя из анализа семейного законодательства, становится ясно, что возникновение алиментных правоотношений влекут два основных юридических факта: решение суда и соглашение об уплате алиментов. Особое внимание, считаем важным, уделить именно алиментному соглашению, что объясняется диспозитивностью его правовой природы, оставляющей урегулирование вопроса размера, условий и порядка выплаты алиментов на усмотрение сторон данного соглашения, которыми выступают лицо, обязанное выплачивать алименты, и их получатель, а при недееспособности последних – их представители по закону (статья 99 СК РФ)³.

На данный момент, легальное определение алиментного соглашения отсутствует, однако, в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26.12.2017 № 56 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных со взысканием алиментов» в пункте 53 на основании статей 99 и 100 СК РФ дается разъяснение о том, что следует понимать под соглашением об уплате алиментов, а также отмечается его тождественность исполнительному листу⁴.

Факт наличия у алиментного соглашения силы исполнительного документа можно расценивать как возможность исключить

обращение в суд и через судебных приставов произвести принудительное взыскание выплат.

Отсутствие законодательно закрепленного определения порождает в юридической науке многочисленные споры относительно природы соглашения. Ряд ученых, например, А. В. Вишнякова⁵, Е. В. Гончаренко⁶ настаивают на гражданско-правовом характере алиментного соглашения, что обосновывается применением к нему в некоторых вопросах норм Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) (статья 101 СК РФ), а также включением алиментных обязательств в некоторые статьи ГК РФ (статьи 336, 411).

Другие авторы относят его к особому «семейно-правовому договору»⁷ в связи с наличием некоторых отличительных черт, таких как родственные связи между субъектами, что определяет особенность субъектного состава, ситуационность, а также социально-демографические признаки, такие как нетрудоспособность, возраст, нуждаемость и др.⁸.

По нашему мнению, имеют место правовые элементы как гражданского законодательства, так и семейного, поэтому соглашению об уплате алиментов свойственна амбивалентность, позволяющая говорить о его комплексном характере.

При этом, научного осмысления заслуживает вопрос ответственности стороны, обязанной выплачивать алименты на основании рассматриваемого соглашения. В СК РФ данный вопрос урегулирован недостаточно, ему посвящена лишь одна норма, а именно пункт 1 статьи 115 – «в случае образования задолженности, ответственность виновного лица устанавливается сторонами соглашения». В такой ситуации, речь идет о договорной неустойке.

Однако данная норма не рассчитана на ситуацию, когда стороны соглашения не предусматривают ответственность за его неисполнение, или предусматривают крайне несоразмерную ответственность, ущемляющую имущественные права одной из сторон, что, в итоге, не соответствует стимулирующей функции неустойки, направленной на побуждение алиментнообязанного лица добросовестно и своевременного осуществлять установленные выплаты.

В связи с этим представляется целесообразным установить фиксированный размер законной неустойки при образовании задолженности по алиментным платежам на основании соглашения об уплате алиментов, аналогично случаю образования задолженности по вине лица, которое уплачивает алименты по решению суда (пункт 2 статьи 115 СК РФ), или законодательно установить нижний и верхний пределы размера договорной неустойки, чтобы избежать злоупотреблений своими правами со стороны обеих сторон соглашения.

Так, речь шла об, определяемой в науке, семейно-правовой ответственности за ненадлежащее исполнение (неисполнение) соглашения об уплате алиментов⁹. Однако, законодательно предусмотрены и иные, более серьезные виды ответственности в такой ситуации.

Например, в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ), статья 5.35.1 устанавливается ответственность для родителей и совершеннолетних трудоспособных детей за неуплату средств, установленных соглашением, в случае если отсутствие выплат имело место в течение 2 и более месяцев со дня возбуждения исполнительного производства; согласно санкции статьи, ответственность может быть наложена в виде обязательных работ, административного ареста или штрафа¹⁰.

Причем, как конкретизируется в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 апреля 2021 года № 6 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях, связанных с неуплатой средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей», ответственность наступает за неуплату в размере, в срок и способом, которые установлены соглашением¹¹.

В свою очередь, статьей 157 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) предусмотрен состав преступления за неоднократное совершение подобного деяния¹². Пункт 2 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2022 года № 39 «О судебной практике по уголовным делам о неуплате средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей (статья 157 Уголовного кодекса Российской

Федерации)» дает разъяснение относительно «неоднократности» в систематическом толковании со статьей 5.35.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, под которой понимается нахождение лица в статусе подвергнутого административному наказанию (по аналогичному деянию) одновременно с фактом неуплаты последним алиментов в период «поддержания» данного статуса¹³.

Так, санкция соответствующей статьи Уголовного кодекса Российской Федерации (ст. 157 УК РФ) в санкции перечисляет разные виды наказания, самым строгим из которых является лишение свободы. Однако, исходя из анализа судебной практики, становится ясно, что данная мера является крайней и суд назначает, виновным в указанном правонарушении лицам, обычно, около 6 месяцев исправительных работ с удержанием 5% заработной платы в доход государства ежемесячно (приговор № 1-1294/2023 1-237/2024 от 29 января 2024 г. по делу № 1-1294/2023¹⁴; приговор № 1-58/2024 1-723/2023 от 22 января 2024 г. по делу № 1-58/2024¹⁵).

Таким образом, еще раз обратим внимание на значимость института ответственности алиментнообязанного лица за ненадлежащее исполнение или неисполнение соглашения об уплате алиментов, который позволяет надлежащим образом гарантировать право незащищенных социальных групп на достойную жизнь и развитие, а также на необходимость возможного усовершенствования семейного законодательства в части регулирования ответственности за образование задолженности по алиментам на основании соглашения.

¹ Конституция Российской Федерации : официальный текст [принята всенародным голосованием 12.12.1993 с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 01.07.2020 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ от 05.10.2022] // Официальный интернет-портал правовой информации.

² Ненашева Д. М. Регулирование алиментных отношений по алиментному соглашению / Д. М. Ненашева // Социокультурные и психологические проблемы современной семьи: актуальные вопросы сопровождения и поддержки : Материалы IX Международной научно-практической конференции, Тула, 16–17 ноября 2023 года. Чебоксары : ООО «Издательский дом «Среда», 2023. С. 267–272.

³ Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 №223-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26.12.2017 № 56 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных со взысканием алиментов» // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Вишнякова А. В. Комментарий к Семейному кодексу Российской Федерации. 2-е изд. М., 2008. С. 65.

⁶ Гончаренко Е. В. Соглашения об уплате алиментов: правовая природа, соотношения с иными договорами / Е. В. Гончаренко // Семейное и жилищное право. 2006. № 3. С. 13–17.

⁷ Рафикова О. О. Ответственность плательщика алиментов за несоблюдение алиментного соглашения / О. О. Рафикова // Новое слово в науке: стратегии развития : сборник материалов VII Международной научно-практической конференции, Чебоксары, 21 декабря 2018 года. Чебоксары : Общество с ограниченной ответственностью «Центр научного сотрудничества «Интерактив плюс», 2018. С. 156–158.

⁸ Катунина А. И. Особенности алиментного соглашения / А. И. Катунина // 25 лет гражданскому кодексу Российской Федерации: традиции и новации частноправового развития : Материалы международной научно-практической конференции (с элементом школы молодого ученого), Тамбов, 29–30 ноября 2019 года. Тамбов : Принт-Сервис, 2019. С. 771–780.

⁹ Низамидинов Р. Р. Семейно-правовая ответственность за нарушение алиментных обязательств при их уплате по соглашению / Р. Р. Низамидинов // Сборник трудов молодых ученых УВО «университет управления «ТИСБИ». Казань : Университет управления «ТИСБИ», 2020. С. 205–207.

¹⁰ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 №195-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

¹¹ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.04.2021 № 6 // СПС «КонсультантПлюс».

¹² Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 №63-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

¹³ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22.12.2022 № 39 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁴ Приговор Автозаводского районного суда г. Тольятти по уголовному делу № 1-1294/2023 от 29 января 2024 года.

¹⁵ Приговор Ногинского городского суда по уголовному делу №1-58/2024 от 22 января 2024 года.

Дальневосточный юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации

*Ланкова Виталина Алексеевна
E-mail: vitawadcfv@gmail.com*

Far Eastern Law Institute (Branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation

*Lankova Vitalina Alekseevna
E-mail: vitawadcfv@gmail.com*

Маевская Мария Андреевна

НИУ «Высшая школа экономики», г. Москва

**РЕСТИТУЦИЯ ПО НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНЫМ СДЕЛКАМ
В СОВЕТСКОМ ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ:
ИСТОКИ И ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ СОВРЕМЕННОГО
ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ**

Maevskaya Maria Andreevna

Higher School of Economics, Moscow

**RESTITUTION FOR INVALID TRANSACTIONS
IN SOVIET CIVIL LAW: ORIGINS AND SIGNIFICANCE
FOR MODERN LEGAL REGULATION**

Аннотация: *статья посвящена исследованию реституции по недействительным сделкам по советскому гражданскому праву. В статье рассматриваются основания и порядок применения реституции, а также предлагается разрешение вопроса о сущности реституции, в том виде, в котором она была закреплена в советском законодательстве. На основании проведенного исследования делается вывод о сохранении частноправовой природы реституции в советский период, а также о невозможности обоснования степени преемственности советскому гражданскому праву.*

Abstract: *this article is devoted to the study of restitution for invalid transactions under the Soviet civil law. The article examines the grounds and procedure for the application of restitution, as well as proposes a solution to the issue of the essence of restitution, in the form in which it was enshrined in Soviet legislation. On the basis of the study, the author concludes that the private law nature of restitution in the Soviet period is preserved, as well as that it is impossible to substantiate the degree of continuity of the Soviet civil law.*

Ключевые слова: *недействительность сделки, реституция, конфискация.*

Key words: *invalidity of a transaction, restitution, confiscation.*

В последнее время можно столкнуться с увеличением числа исков органов государственной власти о признании сделок недействительными и о применении последствий их недействительности в целях защиты прав неопределенного круга лиц или же нематериальных благ. Вместе с тем, оспаривание сделок относится к области частного права, общим последствием недействительности сделки по действующему законодательству является реституция – то есть возвращение полученного по сделке в отношениях между сторонами.

В связи с этим закономерно возникает риск, что и реституция станет официально восприниматься как самостоятельное правовое средство, которое выходит за пределы частного права и может предусматривать односторонний возврат полученного или же изъятие всего полученного по сделке в доход государства. Такое восприятие, как и связанные с ним представления о необходимости активного вмешательства государства в экономику, как правило, опирается на советский опыт – именно тогда понятие «реституция» было закреплено на законодательном уровне.

Так, существует мнение, что реституция по советскому праву подразумевала взыскание переданного по сделке либо в пользу стороны, либо в доход государства, в связи с чем реституция являлась чрезвычайным специальным средством, не имеющим аналогов в других правопорядках, и что именно такая конструкция реституции стала основой для возникновения реституции в современном отечественном гражданском праве, а потому реституционные правоотношения не подчиняются положениям общей части обязательственного права¹.

Данный тезис представляется автору необоснованным, однако заслуживает проверки.

Реституция применялась для урегулирования отношений, возникших в результате исполнения недействительной сделки, и являлась средством устранения ее последствий. Отношения, возникшие в результате исполнения недействительных сделок, как правило квалифицировали как неосновательное обогащение².

В то же время в советском гражданском праве разделялось неосновательное и незаконное получение имущества при исполнении недействительной сделки. Правовая квалификация зависела от основания недействительности сделки.

В советском гражданском праве в большинстве случаев недействительность сделки понималась как не признание государством правового эффекта волеизъявления сторон и соответствующих юридических последствий, на достижение которых это волеизъявление было направлено³.

При этом существовало разделение между ничтожными и оспоримыми сделками в зависимости от того, нарушали ли действия при заключении сделки или последствия сделки требования и запреты, установленные законом и интересы государства⁴.

В качестве иллюстрации будут приведены положения Гражданского кодекса РСФСР 1922 г., поскольку более позднее законодательство основано на первом кодексе и фактически не претерпело изменений в части недействительности сделок и ее последствий⁵.

При наличии нарушения сделка признавалась ничтожной (см. например, ст. 30 Гражданского кодекса РСФСР 1922 года: «недействительна сделка, совершенная с целью, противной закону или в обход закона, а равно сделка, направленная к явному ущербу для государства»⁶). В отсутствии нарушения сделка признавалась оспоримой.

Так сделки, затрагивавшие напрямую интересы граждан и организаций («потерпевшей стороны»), и косвенно – интересы государства, являются оспоримыми и могут быть признаны недействительными судом при наличии заявления заинтересованных в этом лиц (см. ст. 33 Гражданского кодекса РСФСР 1922 года: «когда лицо под влиянием крайней нужды вступило в явно невыгодную для себя сделку, суд, по требованию потерпевшей стороны или подлежащих государственных органов и общественных организаций, может либо признать сделку недействительной, либо прекратить ее действие на будущее время»⁷).

Можно предположить, что разница между ничтожностью или оспоримостью зависела от степени нарушения интересов государства (и провозглашенных им ценностей) в результате заключения и исполнения сделки.

Незаконное получение имущества имело место в случае исполнения сделок «противоправных или направленных к явному ущербу государства»⁸, то есть ничтожных в силу противозаконности. В литературе можно встретить такой пример незаконного получения имущества, как получение имущества по ничтожному договору аренды земли, являющейся социалистической собственностью, между двумя колхозами. В данном случае, как утверждается, колхоз-арендодатель не имел права получать арендную плату, а колхоз-арендатор не имел права пользоваться землей⁹.

В случае незаконного получения имущества, такое имущество при применении последствий недействительности сделки не возвращалось сторонам, а взыскивалось в доход государства (ст. 147 ГК РСФСР 1922 года)¹⁰.

В случае неосновательного получения имущества возможность возврата по реституции зависела от добросовестности стороны сделки и использовании гражданских прав в соответствии с их «социально-хозяйственным назначением»¹¹, которые в советском праве были неразрывно связаны друг с другом.

Добросовестность необходимо рассматривать в понимании, характерном для советского права, в котором добросовестность определялась «с точки зрения превалирующих в обществе социальных ценностей», которыми государство считало коммунистическую идеологию¹².

«Социально-хозяйственное назначение» гражданских прав, как представляется, во многом обусловлено идеологией, например, недопустимостью эксплуатации человека человеком в советском праве¹³ как основной черты «советского типа права» в противовес «эксплуататорским типам права»¹⁴.

В случае, если оспориемая сделка была признана недействительной как сделка, совершенная под влиянием обмана, насилия, угроз или вследствие злонамеренного соглашения с представителем потерпевшей, а равно с использованием крайней нужды потерпевшей стороны, неосновательное обогащение, образовавшееся у потерпевшей стороны, не подлежало возврату другой стороне, а взыскивалось в пользу государства (ст. 148-150 Гражданского кодекса РСФСР 1922 года)¹⁵.

Можно предположить, что при наличии перечисленных выше оснований всегда имеет место недобросовестность другой стороны сделки и реализация её своих гражданских прав не в соответствии с их «социально-хозяйственным назначением», в этом смысле действия стороны по исполнению недействительной оспоримой сделки также являются противоправными и направленными в ущерб государства (препятствуют построению коммунистического общества, поскольку противоречат коммунистической идеологии).

Таким образом, последствия недействительности сделки, также как и сам вид недействительности (ничтожность или оспоримость), зависели от степени нарушения интересов государства (и провозглашенных им ценностей).

Однако автор, учитывая описанную выше правовую квалификацию оснований недействительности сделки, приходит к выводу о том, что реституция и по советскому гражданскому праву, также как общие последствия недействительности сделок в гражданском праве других стран в тот же период и в современном отечественном гражданском праве, заключалась в возвращении полученного по недействительной сделке имущества (неосновательного обогащения). Действительно, из-за влияния публичного интереса реституция применялась независимо от воли сторон¹⁶, однако этот факт, по мнению автора, не изменяет ее правовую природу.

С другой стороны, в случае, если при заключении недействительной сделки и, как следствие, при передаче своего имущества по недействительной сделке стороны или сторона действовали противоправно: прямо нарушали требования закона или действовали недобросовестно, осуществляли гражданские права в противоречии с их «социально-хозяйственным назначением», применялась также и конфискация как самостоятельная санкция, и неосновательное обогащение не возвращалось, а передавалось государству. В данном случае помимо отношений между сторонами сделки, в рамках которых сохранялась обязанность стороны передать полученное по сделке, а между одной из сторон или каждой из сторон и государством, в рамках которых сторона или стороны лишались права на возвращенное им имущество и такое имущество передавалось государству¹⁷.

Таким образом, основным последствием недействительности сделки являлась реституция, как возвращение сторон в первоначальное положение посредством возврата полученного по сделке, а последствием противоправного поведения при заключении (а значит и последующем исполнении) сделки являлась конфискация, как лишение прав на имущество, подлежащее возвращению¹⁸.

Данная логика прослеживается и в общей норме о неосновательном обогащении, согласно которой «обогатившийся за счет другого лица, вследствие противозаконного или направленного в ущерб государству действия этого лица, обязан внести неосновательно полученное в доход государства» (как пример – ст. 402 Гражданского кодекса РСФСР 1922 года)¹⁹.

¹ Проблема освещена в : Гражданское право : учебник : в 4 т. / отв. ред. Е. А. Суханов. 2-изд., перераб. и доп. Т. I: Общая часть. С. 456. Сделки, представительство, исковая давность: постатейный комментарий к статьям 153–208 Гражданского кодекса Российской Федерации / В. В. Байбак, Р. С. Бевзенко, С. Л. Будьлин и др. ; отв. ред. А. Г. Карапетов. М. : М-Логос, 2018. С. 211. Скловский К. И. Собственность в гражданском праве. М. : Дело, 1999. С. 111. Скловский К. И. 25 лет Кодексу: curriculum vitae // Вестник гражданского права. 2019. № 6. С. 9.

² Флейшиц Обязательства из причинения вреда и из неосновательного обогащения. М., 1951. С. 223.

³ Советское гражданское право. Краткий учебник (ВИЮН) / М. В. Зимелева, Я. Ф. Миколенко, В. И. Серебровский, З. И. Шкундин ; общ. ред. Я. Ф. Миколенко. М., 1940. С. 53.

⁴ Советское гражданское право. Краткий учебник (ВИЮН) / М. В. Зимелева, Я. Ф. Миколенко, В. И. Серебровский, З. И. Шкундин ; общ. ред. Я. Ф. Миколенко. М., 1940. С. 55.

⁵ Закон СССР от 08.12.1961 «Об утверждении Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик» / Ведомости ВС СССР. 1961. № 50. ст. 525; Гражданский кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 11.06.1964) / Ведомости ВС РСФСР. 1964. № 24. ст. 407.

⁶ Гражданский кодекс РСФСР 1922 года.

⁷ Гражданский кодекс РСФСР 1922 года.

⁸ Советское гражданское право. Краткий учебник (ВИЮН) / М. В. Зимелева, Я. Ф. Миколенко, В. И. Серебровский, З. И. Шкундин ; общ. ред. Я. Ф. Миколенко. М., 1940. С. 55.

⁹ Советское гражданское право. Краткий учебник (ВИЮН) / М. В. Зимелева, Я. Ф. Миколенко, В. И. Серебровский, З. И. Шкундин ; общ. ред. Я. Ф. Миколенко. М., 1940. С. 55.

¹⁰ Гражданский кодекс РСФСР 1922.

¹¹ Грибанов В. П. Осуществление и защита гражданских прав. М., 2000. С. 68.

¹² Нам К. В. Принцип добросовестности: развитие, система, проблемы теории и практики. М. : Статут, 2019. С. 103.

¹³ Конституция (Основной Закон) РСФСР (Принята V Всероссийским съездом Советов в заседании от 10.07.1918).

¹⁴ Агарков М. М. Правоотношение (гл. XII макета учебника по теории государства и права 1948 г.) // Вестник гражданского права. 2022. № 3. С. 154.

¹⁵ Гражданский кодекс РСФСР 1922 года.

¹⁶ Тузов Д. О. Теория недействительности сделок : опыт российского права в контексте европейской правовой традиции. М. : Статут, 2007. С. 231.

¹⁷ Флейшиц Обязательства из причинения вреда и из неосновательного обогащения. М., 1951. С. 228–229, Тузов Д. О. Недопущение реституции и конфискация при недействительности сделок (о возникновении права собственности государства по основаниям, предусмотренным статьями 169 и 179 ГК РФ) // Вещные права: система, содержание, приобретение: Сб. науч. тр. в честь проф. Б. Л. Хаскельберга / Под ред. Д. О. Тузова. М. : Статут, 2008. С. 432.

¹⁸ Генкин Д. М. Недействительность сделок, совершенных с целью, противной закону. С. 54–55.

¹⁹ Гражданский кодекс РСФСР 1922 года.

*НИУ «Высшая школа экономики»
Маевская Мария Андреевна
E-mail: mamaevskaya@hse.ru*

*Higher School of Economics
Maevskaya Maria Andreevna
E-mail: mamaevskaya@hse.ru*

Меджидова Асият Мурадовна

Воронежский государственный университет, г. Воронеж

**ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ДЕЙСТВИЙ АДВОКАТА
ПО ОКАЗАНИЮ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ**

Medzhidova Asiyat Muradovna

Voronezh State University, Voronezh

**LEGAL NATURE OF THE ACTIVITIES OF A LAWYER
PROVIDING LEGAL ASSISTANCE**

Аннотация: в статье рассматривается пробел в правовом регулировании, выявленный при соотношении понятий «юридическая помощь» и «юридическая услуга». Анализируется правовая природа указанных категорий, приводятся различные критерии разграничения «юридической помощи» и «юридической услуги». Определяется необходимость отграничения данных понятий.

Abstract: the article is devoted to the gap in legal regulation, which has been identified with regard to the relationship of concepts «legal assistance» and «legal service». The legal nature of these categories is analyzed, various criteria for distinguishing «legal assistance» and «legal services» are given. The need to distinguish these concepts is being studied.

Ключевые слова: услуга, работа, юридическая помощь, правовая природа, коммерческая заинтересованность, адвокатская деятельность.

Key words: service, work, legal assistance, legal nature, commercial interest, advocacy.

Для определения правовой природы юридической помощи адвоката необходимо исследовать понятия «юридическая помощь» и «юридическая услуга». Ключевым моментом в данном вопросе является идентичность данных понятий или, напротив, их различная правовая природа.

Анализ норм гражданского законодательства, посвященных оказанию юридических услуг и предоставлению юридической помощи, а также практики их применения, позволяет утверждать, что между данными понятиями существенных различий не проводится. Услуга, рассматриваемая как объект гражданских прав, представляет собой хорошо известную категорию, однако в отсутствие четкого легального определения она может иметь разнообразные значения – от максимально широкого, включающего практически любую полезную деятельность, до узкоспецифичного, сводящегося к предмету договора возмездного оказания услуг¹. В то же время, понятие «правовая помощь» вызывает разногласия среди ученых и практиков, а также не имеет законодательного закрепления.

Определяя признаки услуги как гражданско-правовой категории, неизменно приходится упомянуть и о другом разграничении, а именно: отграничение понятий «услуга» и «работа». В ч. 1 ст. 779 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) услуга определяется как «действие» и

«деятельность». Однако этого недостаточно для выявления различия вышеупомянутых понятий. Как следует из ч. 2 ст. 779 ГК РФ, нормы главы 39 ГК РФ подлежат применению только к отдельным договорам оказания услуг, специально не урегулированным отдельными главами ГК РФ. В перечисленных в ч. 2 ст. 779 ГК РФ случаях термин «услуга» употребляется в широком (экономическом) смысле, поскольку объектом гражданских прав в названных договорах выступает работа. Представляется необходимым проводить отграничение услуги, как объекта гражданских прав, от работы, которая в экономическом смысле представляет собой услугу материального характера, по тем признакам, которые уже выработаны правовой доктриной: отсутствие овеществленного результата, наличие полезного эффекта услуги, тесная связь с личностью исполнителя, синхронность оказания и получения услуги, моментальность потребления, несохраняемость².

Целям дополнительного разграничения категорий работ и услуг служит классификация обязательств на обязательства по приложению усилий и достижению результата. Нельзя четко отнести данные обязательства исключительно к услуге или к ра-

боте. Юридические услуги относятся к такому виду услуг, для которых характерным является и обязательство по достижению результата (составление юридических документов, регистрация возникновения, перехода, прекращения вещных прав, регистрация юридического лица и т.д.), и обязательство по приложению усилий (представительство в суде), так как при совершении определённых действий гарантировать достижение результата невозможно.

Вернемся к вопросу выявления различий определений «юридическая услуга» и «юридическая помощь».

В юридической доктрине при обсуждении соотношения понятий «помощь» и «услуга» мнения ученых разделяются. Одни авторы (Т. И. Ильина, А. И. Муранов, Д. В. Новак, Г. К. Шаров) отмечают, что эти понятия не имеют различий. Другие, напротив, считают необходимым их противопоставлять³. Среди критериев, на основании которых последние предлагают проводить разграничение, выделяют: во-первых, квалифицированность юридической помощи и отсутствие данной характеристики у юридической услуги, во-вторых, отсутствие коммерческой заинтересованности при предоставлении юридической помощи.

Мы придерживаемся позиции ученых, утверждающих об отсутствии различий обсуждаемых понятий.

Существует ли необходимость разграничивать «юридическую услугу» и «юридическую помощь» при совпадении признаков, которыми характеризуются данные понятия? Отличительные признаки услуги, названные ранее (отсутствие овеществленного результата, наличие полезного эффекта услуги, тесная связь с личностью исполнителя, синхронность оказания и получения услуги, моментальность потребления, несохраняемость, невозможность гарантировать результат услуги), так же характерны и для юридической помощи.

У сравниваемых категорий совпадает и предмет, который заключается в совершении действий или осуществлении определенной деятельности, направленной на достижение результата, но не гарантирующей его. Деятельность частнопрактикующего юриста по предоставлению юридических услуг может быть консультационной, заключаться в составлении документов, участии

в качестве представителя в суде, представлении интересов доверителя в ОГВ, ОМСУ и т.д. К деятельности адвоката по предоставлению квалифицированной юридической помощи так же можно отнести консультирование по правовым вопросам, составление документов правового характера, участие в качестве представителя в суде, представление интересов доверителя в государственных органах и т.д.

Следующее различие между понятиями часто пытаются провести, основываясь на квалифицированности оказываемой помощи или услуги. Квалифицированную юридическую помощь оказывает адвокат, который является специально уполномоченным субъектом. Юридические услуги, как правило, также оказываются лицами, получившими юридическое образование, однако в данный момент отсутствует специальный законодательный акт, который бы регулировал деятельность лиц, оказывающих юридические услуги (по аналогии с Федеральным законом «Об адвокатской деятельности и адвокатуре»), предъявлял требования к их профессиональной подготовке и профессиональной этике.

Исходя из этого, представляется несущественным разграничение понятий «юридическая помощь» и «юридическая услуга» по критерию квалифицированности оказываемой помощи ввиду того, что любая услуга изначально является специфическим видом деятельности, требующим определенной квалификации, отсутствие требований к профессиональной подготовке лиц, оказывающих юридические услуги, не является подтверждением неквалифицированности данной деятельности, это лишь подчеркивает пробел в правовом регулировании.

Еще одним критерием, на основании которого некоторые авторы проводят отграничение услуг от помощи, является наличие коммерческой заинтересованности у лиц, предоставляющих юридические услуги. В соглашении об оказании юридической помощи, которое заключается между адвокатом и доверителем, существенным условием является размер выплаты вознаграждения. Исходя из сути договорного обязательства по оказанию возмездных услуг, данные услуги подлежат оплате. При подобной характеристике соглашения об оказании юридической помощи

сложно утверждать об отсутствии коммерческой заинтересованности у адвокатов. Кроме того, в настоящее время на рынке услуг активно развивается направление юридических услуг, оказываемых бизнес-адвокатами и бизнес-юристами, специализирующихся в области коммерческого права, занятых правовым обеспечением и юридическим сопровождением деятельности предпринимательских структур.

Утверждать об отсутствии коммерческой заинтересованности возможно при оказании адвокатом юридической помощи доверителю в рамках *pro bono*. Определения понятия *pro bono* в российском законодательстве нет, однако в Декларации принципов *pro bono* Международной ассоциации юристов (International Bar Association) указывается, что *pro bono* – это оказание юридической помощи с тем же уровнем качества, который предоставляется коммерческим клиентам, без вознаграждения или ожидания вознаграждения в связи с поддержкой малообеспеченных, уязвимых и оказавшихся на обочине жизни общества слоев населения, а также сообществ или организаций, оказывающих им поддержку.

Подводя итог в вопросе соотношения двух категорий, можно сделать вывод о том, что в соответствии с ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» адвокатура является институтом гражданского общества и как данный институт преследует некоммерческие цели, но в процессе предоставления юридической помощи, адвокат неминуемо выполняет действия, которые подлежат оценке и являются юридическими услугами. При этом, адвокатская деятельность также включает в себя *pro bono* – действия, которые не подлежат оценке и не являются услугой в прямом смысле.

¹ Гражданское право: учебник: в 3 т. Т. 1 / Е. Д. Егоров, И. В. Елисеев [и др.] ; отв. ред. А. П. Сергеев, Ю. К. Толстой. 6-е изд., перераб. и доп. М. : ТК Велби ; Изд-во Проспект, 2006. С. 278.

² Попова Д. Г. Услуга как объект гражданских прав и её соотношение с категорией «социальная услуга» // Вестник КемГУ, 2012. № 4 (52). С. 351–358.

³ Гартина Ю. А. Особенности правового регулирования оказания юридических услуг адвокатами / Ю. А. Гартина, В. В. Ермошина // Электрон-

ный научный журнал «Наука». Общество. Государство». 2020. Т. 8, № 3.
С. 161–168. URL: <http://esj.pnzgu.ru>. - DOI:10.21685/2307-9525-2020-8-3-19.

*Воронежский государственный
университет*

*Меджидова Асият Мурадовна
E-mail: asyamedzhi@icloud.com*

Voronezh State University

*Medzhidova Asiyat Muradovna
E-mail: asyamedzhi@icloud.com*

Надырова Заира Джабраиловна

Воронежский государственный университет, г. Воронеж

**РОЛЬ СЕМЕЙНОЙ МЕДИАЦИИ В СОХРАНЕНИИ
ИНСТИТУТА СЕМЬИ И БРАКА**

Nadyrova Zaira Dzhabrailovna

Voronezh State University, Voronezh

**FAMILY MEDIATION IN PRESERVING
THE INSTITUTION OF FAMILY AND MARRIAGE**

Аннотация: в статье рассматривается роль семейной медиации как эффективного инструмента для сохранения института семьи и брака в России. В условиях растущего числа разводов и конфликтов в семьях, медиация выступает в качестве альтернативного способа разрешения споров, позволяя сторонам находить взаимоприемлемые решения и укреплять семейные связи. Автор анализирует существующие методы медиации, их применение в российских реалиях, а также обсуждает преимущества данного подхода для родителей и детей. В заключение подчеркивается важность повышения информированности населения о возможностях семейной медиации и необходимости интеграции её в систему поддержки семейных отношений в России.

Abstract: the article examines the role of family mediation as an effective tool for preserving the institution of family and marriage in Russia. In the context of the growing number of divorces and conflicts in families, mediation acts as an alternative way to resolve disputes, allowing the parties to find mutually acceptable solutions and strengthen family ties. The author analyzes the existing mediation methods, their application in Russian realities, and discusses the advantages of this approach for parents and children. In conclusion, the importance of raising public awareness about the possibilities of family mediation and the need to integrate it into the family relations support system in Russia is emphasized.

Ключевые слова: семейная медиация, институт семьи, брак, внесудебное регулирование спора.

Key words: family mediation, family institution, marriage, out-of-court dispute settlement.

Институт семьи и брака играет ключевую роль в жизни общества, являясь основой социальной структуры и культурной традиции. Наше общество соткано из разнородных конфликтов¹, а семья является первой ступенью, ячейкой общества, соответственно, без столкновения интересов и конфликтных ситуаций существовать не может.

В связи с динамичными изменениями в современном мире сохранение брака и семьи видится настоящей сложностью. Семейные пары не выдерживают давление многочисленных конфликтов и чаще склоняются к расторжению брака. Конфликты неизбежны, но как их разрешать?

Огромная часть конфликтов не всегда эффективно решается судом в силу их специфики. Особенность данной категории правоотношений состоит в наличии личных, находящихся вне правового поля отношений между участниками, что зачастую требует иного подхода, чем состязательность судебного разбирательства. Одной из альтернатив, которая позволяет договориться самим, но при помощи профессионального посредника, является процедура медиации.

Все большее распространение в России получает процедура медиации, которая используется для урегулирования гражданско-правовых споров в связи с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности, а также споров, возникающих из трудовых и семейных правоотношений. Медиация – это процесс внесудебного решения споров и проведения переговоров с помощью нейтрального посредника (медиатора).

Несмотря на все преимущества, внедрение семейной медиации в России сталкивается с рядом серьезных проблем. Одной из главных проблем является низкая осведомленность населения о возможностях медиации. Безусловно, с введения в действие Федерального закона от 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)»² осведомленность граждан о возможности

подобного внесудебного урегулирования споров возросла, но нельзя не отметить, что, по-прежнему, для многих людей это понятие является абстрактным, существующим только в теории, малоэффективным, а кто-то и вовсе с ним не знаком.

Процедура медиации при грамотном ее проведении, соблюдении основных принципов и учете специфики затрагиваемого конфликта, может дать, действительно, стоящие результаты. Первое, что приходит на ум, говоря о семейных спорах – это бракоразводный процесс с его последствиями, хотя нельзя не отметить разнообразие проблематики семейных отношений, предполагающих согласование воли и интересов всех членов семьи, включающих вопросы воспитания детей, приобретения и отчуждения имущества, наследственные отношения и т.д.

В подобных ситуациях может применяться процедура семейной медиации. Семейная медиация – переговоры между участниками семейного спора или конфликта с целью достижения обоюдного, взаимовыгодного решения с учетом интересов и потребностей каждого члена семьи в присутствии независимого посредника (семейного медиатора).

Семейная медиация обладает рядом значительных преимуществ по сравнению с судебным разбирательством. Во-первых, медиация – это более быстрый и менее затратный способ разрешения споров. Стороны могут достичь соглашения в течение нескольких медиативных сессий, в то время как судебное разбирательство может затянуться на месяцы или даже годы. Кроме того, расходы на медиацию обычно значительно ниже, чем судебные издержки.

Во-вторых, медиация – это более гибкий и конфиденциальный процесс. Стороны сами определяют порядок проведения медиации, выбирают медиатора и решают, какие вопросы будут обсуждаться. Это создает атмосферу доверия и способствует более открытому и конструктивному диалогу.

В-третьих, медиация позволяет сторонам сохранить контроль над процессом и результатом. В отличие от судебного разбирательства, где решение по делу выносит судья, в медиации стороны сами определяют договоренности и несут ответственность за их исполнение. Это способствует более осознанному и ответственному подходу к разрешению спора и

повышает вероятность того, что соглашение будет исполнено добровольно.

В-четвертых, медиация способствует улучшению отношений между сторонами. В ходе медиации стороны учатся слушать и понимать друг друга, выражать свои чувства и потребности, искать компромиссы и договариваться. Это помогает им не только разрешить текущий спор, но и улучшить коммуникацию и взаимопонимание в будущем.

Изучая мировую практику, можно прийти к выводу о многоплановости и уникальности каждого семейного спора, но в то же время и возможности их урегулирования мирным и экологичным для всех участников путем, «то есть, они медиабельны ввиду особенности конфликтной ситуации и готовности участника конфликта к переговорам»³. Наша страна не является исключением. Верховный Суд РФ, анализируя Закон о процедуре медиации, отмечал, что сторонами для урегулирования в ходе медиации выбираются следующие виды споров, возникающих из брачно-семейных отношений: о расторжении брака, разделе совместно нажитого имущества супругов, о признании брачного договора недействительным, об определении порядка общения с ребенком, об оспаривании отцовства, о возврате ребенка⁴.

Семейные споры признаются одними из самых «благоприятных» для проведения процедур медиации, поскольку именно в этом случае вероятность заключения медиативного соглашения считается максимально высокой⁵.

На страницах некоторых научных трудов, а также в рамках различных форумов и юридических сайтов можно встретить предложения о введении обязательной процедуры медиации по семейным спорам. А с сентября 2024 года стало известно, что Министерство юстиции РФ прорабатывает вопрос о законодательном введении в России обязательной процедуры примирения, предшествующей бракоразводному процессу. Бесспорно, медиация адаптивна и органична для применения во многих семейных конфликтах, но, по нашему мнению, не для всех, поэтому полагаем малоэффективным излишне «навязывать» данную процедуру по ряду причин.

Во-первых, это может привести к противоречию одному из ключевых принципов проведения процедуры медиации – добровольности.

Во-вторых, необходимо подчеркнуть недопустимость использования медиации в вопросах ограничения, лишения родительских прав, отмене усыновления (удочерения), а также в случаях домашнего насилия, так как при наличии данных обстоятельств априорно речь идет о защите нарушенных прав и последующей ответственности за их нарушение⁶.

Рассмотрим роль семейной медиации в сохранении института семьи в России. К сожалению, анализируя данные Федеральной службы государственной статистики, можно прийти к выводу о высочайшем дисбалансе между количеством заключения браков и их расторжением. Согласно официальной статистике, в 2024 году, который был официально объявлен годом Семьи, количество разводов резко увеличилось. Если раньше распадалось 6 браков из 10, то в этом году – больше 8.

Неочевидной, но преобладающей над остальными, причиной столь бурного роста числа разводов являются выплаты и пособия, положенные матерям-одиночкам. По этой схеме семья, «упраздненная юридически» продолжает существовать фактически. Вышеуказанная причина расторжения брака делает проблему разводов в России – социально-экономической.

Следующим распространенным фактором, оказывающим влияние на предпочтение расторгнуть брак, не только в отдельно взятых субъектах, а, в целом, по стране, является конфликт интересов. Представим ситуацию, супруги состоят в браке длительный период, жена является адвокатом, а мужа назначают судьей. Возникает вопрос: отказаться от должности или развестись «на бумаге», де-факто продолжая совместную жизнь? Супруги принимают решение расторгнуть брак, «сохраняя» семью.

Резюмируя вышесказанное, следует отметить, что неправильно связывать все разводы с конфликтными ситуациями. В указанных случаях, медиатор не может помочь таким парам, так как помощь им не требуется, они ведь продолжают совместную жизнь, только без штампа в паспорте.

Справедливо возникает вопрос: какова тогда «целевая группа» профессионального медиатора?

Помощь необходима тем парам, которые, действительно, находятся в состоянии конфликта и намереваются развестись по причине невозможности прийти к взаимовыгодному решению по конкретному вопросу.

Чем же может помочь медиация парам, склоняющимся к прекращению брачных отношений в связи с возникшим конфликтом? Почему не представляется возможным ограничиться п.2 ст. 22 СК РФ? Суд определяет срок для примирения супругов, также судья в начале судебного заседания сообщает сторонам о возможности обратиться к процедуре медиации. Но может ли такое информирование помочь супругам обратиться к медиатору? К сожалению, нет.

Экспрессивность семейных споров, как раз, и предполагает необходимость участия в переговорах третьего нейтрального лица в целях отделения эмоций от конкретных проблем, требующих решения. Информационная встреча с медиатором на этом этапе была бы очень эффективна. Медиатор может помочь рационально оценить ситуацию, сформулировать предложения сторон, но, в первую очередь, создаст условия для того, чтобы супруги просто поговорили и выслушали друг друга.

Несмотря на проработанность законодательства, судебные тяжбы могут привести к ухудшению межличностных отношений, также, учитывая повышение размера государственных пошлин в суде, отметить возможность избежать материальные затраты. Если медиатор видит, что корень проблемы в отсутствии психологического контакта супругов, он также может порекомендовать им обратиться к семейному психологу/психотерапевту для преодоления кризиса и решения проблемы.

Таким образом, семейная медиация, содержащая в себе все вышеуказанные преимущества, может поспособствовать в упрочении межличностных отношений между супругами и сохранении института семьи

¹ Худойкина Т. В. Юридическая конфликтология : от исходных позиций теории до практики разрешения и предупреждения конфликта: монография / Т. В. Худойкина. Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2001. С. 10.

² Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» // СЗ РФ. 2013. № 27. Ст. 3477.

³ Бесемер Х. Медиация. Посредничество в конфликтах / Х. Бесемер. Калуга, 2004. С. 57, 64.

⁴ Справка о практике применения Федерального закона «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 6 июня 2012 г.); Справка о практике применения судами Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» за период с 2013 по 2014 год (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 1 апреля 2015 г.); Справка о практике применения судами Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» за 2015 год» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 22 июня 2016 г.) (СПС «КонсультантПлюс»);

⁵ Величкова О. И. Медиация при разрешении семейных споров: некоторые теоретические проблемы // Развитие медиации в России : теория, практика, образование: сб. ст. / под ред. Е. И. Носыревой, Д. Г. Фильченко. М. : Инфотропик Медиа ; Берлин, 2012. С. 216–230.

⁶ Если в семейно-правовых отношениях присутствует насилие или жестокое обращение, то медиации может применяться при ряде исключений.

Воронежский государственный университет *Voronezh State University*

Надырова Заира Джабраиловна *Nadyrova Zaira Dzhabrailovna*

Папакина Софья Леонидовна

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва

**ОТМЕНА СОВМЕСТНОГО ЗАВЕЩАНИЯ
ПОСЛЕ СМЕРТИ ОДНОГО ИЗ СУПРУГОВ**

Papakina Sofya Leonidovna

The Higher School of Economics, Moscow

**CANCELLATION OF A JOINT TESTAMENT AFTER
THE DEATH OF ONE OF THE SPOUSES**

Аннотация: данная научная статья посвящена исследованию вопросов, связанных с отменой совместного завещания после смерти одного из супругов. Автор рассматривает текущее российское регулирование, а также подвергает анализу опыт Германии, США и Англии по данному вопросу. Ввиду неоднозначности толкования абз. 5 п. 4 ст. 1118 ГК РФ, автором предлагаются рекомендации по совершенствованию данной правовой нормы с учетом существующей российской судебной практики.

Abstract: this scientific article is devoted to the issues related to the revocation of a joint will after the death of one of the spouses. The author examines the current Russian regulation and analyzes the experience of Germany, the USA, and England on this issue. Due to the ambiguity in interpreting paragraph 5 of part 4 of Art.1118 of the Russian Civil Code, the author proposes recommendations for the improvement of this legal norm, taking into account existing Russian judicial practice.

Ключевые слова: совместное завещание, отмена завещания, последующее завещание.

Key words: joint will, revocation of a will, subsequent will.

Федеральным законом №217-ФЗ от 19 июля 2018 года был введен ранее неизвестный российскому праву институт совмест-

ного завещания супругов, благодаря которому у супругов появилась возможность согласовывать свою волю по поводу имущества в случае их смерти¹. Принятие новеллы вызвало дискуссии среди исследователей, в том числе в части отмены такого завещания.

Так, согласно абз. 5 п. 4 ст. 1118 ГК РФ, один из супругов в любое время, в том числе после смерти другого супруга, вправе отменить совместное завещание супругов. Данное правило является императивным: в завещании не может содержаться указание на невозможность его отмены. Как следствие, возникает вопрос: такое распоряжение пережившего супруга прекращает действие завещания в целом или касается только завещательных распоряжений пережившего супруга?

Кажется, что из буквального толкования, совместное завещание полностью утрачивает свою силу. Особенно, если опереться на подход, согласно которому совместное завещание – это общее волеизъявление супругов в отношении всего имущества. Можно сделать вывод, что в таком случае согласованности волеизъявлений супругов уже не будет.

Однако такое понимание этой нормы вызвало шквал критики. Например, по мнению Цокур Е.Ф., это правило нивелирует все плюсы совместного завещания супругов, так как завещательные распоряжения одной из сторон оказываются ничем не защищены². Также указывается, что такая правовая норма нарушает принцип свободы завещания и нарушает право на реализацию последней воли наследодателя³. Более того, согласно Экспертному заключению по проекту Федерального закона N 801269-6, легкость в отказе от совместного завещания сводит на нет все его функциональное назначение⁴.

В литературе приводятся разные варианты решения этой проблемы. Например, Цокур Е. Ф. предлагает внести изменения в ГК РФ и предусмотреть, что изменение или отмена завещания только при жизни супругов, поскольку такая отмена идет вразрез с волей завещателя⁵. Другие авторы предлагают утвердить перечень оснований, которые бы могли быть признаны судом в качестве обстоятельств, позволяющих отменить совместное завещание. Например, тяжелая болезнь, трудное материальное положение, некоторые другие⁶. Однако могут возникнуть вопросы

о критериях признания таких обстоятельств в качестве оснований, позволяющих отменить совместное завещание.

Еще один подход, который предлагается в литературе, состоит в установлении срока, по истечении которого переживший супруг приобретал бы возможность безусловной отмены завещания. О. М. Родионова считает подходящим срок 15 лет. Также предлагается сделать этот срок зависимым от жизненных обстоятельств (рождение детей у пережившего супруга, приобретение или утрата имущества)⁷.

Наконец, М. Д. Герасимова указывала, что последующее завещание, которое отменяет совместное, не должно действовать в отношении того имущества, права на которое уже оформлены наследниками умершего супруга⁸. Думается, что данная позиция может быть так же применима и к отмене совместного завещания совершением распоряжения о его отмене.

Ввиду наличия споров в доктрине, необходимо так же обратиться к зарубежному законодательству по этому вопросу, поскольку институт совместного завещания находится на стадии становления в России, но в странах Западной Европы и США он используется достаточно долго⁹.

Так, в англо-американском праве совместные завещания бывают трех видов, в зависимости от вида решается вопрос о возможности отмены такого завещания после смерти другого супруга. Например, по взаимному завещанию супруги взаимно обязуются включить в завещания определенные положения. При совершении пережившим супругом нового личного завещания в части, в которой его положения будут отличаться от взаимного завещания, оно будет признано недействительным. В то же время в зеркальных и общих завещаниях, нет взаимных обязательств не отзывать завещания¹⁰.

В Германии во взаимозависимых завещаниях, которые предполагают, что распоряжение одного супруга не было бы сделано без распоряжения другого¹¹, отмена завещания после открытия первого наследства либо прямо запрещена, либо допускается лишь в случае отказа пережившего супруга от выгод по завещанию умершего¹².

Таким образом, в зарубежном законодательстве предусмотрена более гибкая система, которая позволяет супругам выбрать

наиболее подходящую для них модель. Один из вариантов для российского законодательства - доработать данную правовую норму с учетом иностранного опыта, например, так же предусмотреть виды завещаний. Другой вариант - пойти по более сбалансированному пути, учесть текущее российское законодательство, волю наследодателя и право на распоряжение имуществом пережившим супругом.

Думается, на данный момент для российского законодательства наиболее обоснованной является точка зрения, согласно которой переживший супруг не вправе отменить совместное распоряжение в части, касающейся имущества умершего ранее супруга.

Во-первых, потому что это следует из системного толкования ст. 1119 и 1130 ГК РФ, согласно которым отмена завещания возможна лишь завещателем. Кроме того, смерть одного из супругов порождает права и обязанности с момента его смерти (открытия наследства), любые последующие действия супруга не могут повлиять на динамику данного наследственного правоотношения. Все дальнейшие действия супруга следует рассматривать как действия завещателя в отношении неисполненной части совместного завещания¹³. В то же время любое ограничение прав пережившего супруга (в частности, права на отмену завещания) привело бы к умалению его имущественных интересов и лишило бы его права отменить завещание в любое время после его совершения.

Кроме того, эта позиция подтверждается судебной практикой, которая начинает формироваться. Так, согласно материалам дела N 2-484/2022¹⁴, в собственность мужа бесплатно был предоставлен земельный участок, было зарегистрировано право собственности. Нотариусом было удостоверено совместное завещание супругов, которое предусматривало следующее: в случае одновременной смерти супругов земельный участок и все расположенные на нем строения включаются в наследственную массу мужа и переходят в наследство внуком. Аналогично, в случае смерти супруга это имущество также включается в его наследственную массу и наследуется внуком. Однако в случае смерти супруги указанное недвижимое имущество не входит в ее наследственную массу.

После смерти мужа, пережившая супруга отменила совместное завещание и обратилась к нотариусу с заявлением о выдаче свидетельства о праве на долю в праве общей собственности на земельный участок. Нотариусом было отказано в выдаче свидетельства пережившей супруге, в связи с наличием спора о праве, который подлежит рассмотрению в суде.

Пережившая супруга обратилась в суд с требованием признать совместно нажитым имуществом супругов земельный участок, выделить 1/2 супружеской доли из наследственного имущества умершего супруга, признать право собственности на 1/6 долю в праве общей долевой собственности на земельный участок в порядке наследования.

Как указал суд первой инстанции, земельный участок приобретен супругом в период брака, имущество является общим. В связи с чем суд выделил из наследственного имущества умершего супруга 1/2 супружескую долю истицы, однако отказал истице в присуждении обязательной доли в праве собственности на земельный участок.

В апелляционной жалобе истица указала, что отмена истцом совместного завещания распространяется полностью на все завещание, а не только на часть истца, так как в гражданском законодательстве РФ не содержится запрета на отмену одним из супругов совместно завещания. При этом из толкования абз. 5 п. 4 ст. 1118 ГК РФ не следует, что переживший супруг вправе отменить совместное завещание супругов только в той его части, которая касается прав и охраняемых законом интересов этого супруга.

Суд апелляционной инстанции согласился с выводами суда первой инстанции в части выделения 1/2 доли истицы в праве собственности на земельный участок и, кроме того, признал за истицей право на обязательную долю. Как указала судебная коллегия, «завещательные распоряжения умершего супруга, имеющиеся в совместном завещании, должны быть исполнены после его смерти вне зависимости от действий пережившего супруга после открытия наследства по отмене совместного завещания супругов или составлению нового личного завещания. Таким образом, распоряжением об отмене завещания истица «отменила совместное завещание супругов лишь в части себя касающейся».

Принадлежащая внуку 1/2 доля в праве общей собственности на земельный участок не подлежит наследованию по закону, поскольку в отношении данной доли имеется «неотменное завещание наследодателя в его пользу». Иное толкование, по утверждению суда апелляционной инстанции, нарушило бы принцип наследственного права – приоритет воли наследодателя.

Третий кассационный суд общей юрисдикции поддержал выводы суда апелляционной инстанции. Таким образом, отменив совместное завещание, истица отменила только свое распоряжение, доля, которая причиталась внуку от мужа переходит ему.

Подводя итог, ввиду неоднозначности толкования абз. 5 п. 4 ст. 1118 ГК РФ, думается, следует внести следующие изменения в указанное положение: «один из супругов в любое время, в том числе после смерти другого супруга, вправе <...> отменить совместное завещание супругов в части, не касающейся имущества умершего ранее супруга». Такое толкование в т.ч. следует из пункта 8.11 Методических рекомендаций по удостоверению завещаний и наследственных договоров.

¹ Кириллова Е. А. Институт совместных завещаний супругов в гражданском праве Российской Федерации // Наследственное право. 2021. № 3. С. 38.

² Цокур Е. Ф. Совместные завещания супругов в России : проблема отмены и изменения завещаний // Наследственное право. 2024. № 3. С. 14–16 (доступ с помощью СПС «КонсультантПлюс»).

³ Цыбульская А. Д. Актуальные проблемы совместных завещаний супругов // Молодой ученый. 2020. № 18 (308). С. 342.

⁴ Экспертное заключение по проекту Федерального закона № 801269-6 «О внесении изменений в ч. 1, 2 и 3 Гражданского кодекса РФ, а также в отдельные законодательные акты РФ» // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Цокур Е. Ф. Указ. соч.

⁶ Сауткина Е. А. Супруги как единый субъект права в контексте реализации их способности к правопреемству посредством совместного завещания супругов // Семейное и жилищное право. 2020. № 2. С. 15–17 (доступ с помощью СПС «КонсультантПлюс»).

⁷ Родионова О. М. Гражданско-правовая сущность совместного завещания супругов // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2019. № 5(130). С. 100.

⁸ Потенциальные проблемы исполнения совместных завещаний и наследственных договоров // Гарант.ру.

⁹ Герасимов Е. В. Совместное завещание супругов: вопросы толкования и применения // Тенденции развития науки и образования. 2020. № 58–6. С. 22, Демичев А. А. Совместное завещание супругов в российском праве // Наследственное право. 2018. № 4. С. 11.

¹⁰ Шестакова Е. С. Сравнительно-правовой анализ совместных завещаний супругов в Англии и Российской Федерации // Нотариус. 2021. № 6. С. 45–48 (доступ с помощью СПС «КонсультантПлюс»).

¹¹ Крашенинников П. В. Наследственное право (включая наследственные фонды, наследственные договоры и совместные завещания). М. : Статут, 2019. 302 с. (доступ с помощью СПС «КонсультантПлюс»).

¹² Будылин С. Л. Договор с покойником. Реформа наследственного права России и зарубежный опыт // Закон. 2017. № 6. (доступ с помощью СПС «КонсультантПлюс»). Путинцева Е.П. Совместное завещание супругов по законодательству Федеративной Республики Германия // Актуальные вопросы наследственного права / Под редакцией П. В. Крашенинникова. М. : Статут, 2016. С. 105–110 (доступ с помощью СПС «КонсультантПлюс»).

¹³ Соломин С. К., Соломина Н. Г. Юридические факты и иные жизненные обстоятельства : цивилистический очерк : монография. М. : Юстицинформ, 2022. 168 с.

¹⁴ Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 22.05.2023 № 88-9722/2023 по делу № 2-484/2022.

*Национальный исследовательский
университет «Высшая школа
экономики»*

*Папакина Софья Леонидовна
E-mail: slpapakina@edu.hse.ru*

The Higher School of Economics

*Papakina Sofya Leonidovna
E-mail: slpapakina@edu.hse.
ru*

Разуваева Алена Александровна

Воронежский государственный университет, г. Воронеж

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИСУЖДЕНИЯ
КОМПЕНСАЦИИ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА**

Razuvaeva Alyona Aleksandrovna

Voronezh State University, Voronezh

**CURRENT ISSUES OF AWARDING COMPENSATION
FOR MORAL DAMAGE**

Аннотация: в статье рассматривается проблема определения размера компенсации морального вреда в российском гражданском праве. Анализируется действующее законодательство, а также изучается зарубежный опыт, в частности, система тарификации, применяемая в Англии. Проводится сопоставление понятийного аппарата российского и английского права в части возмещения вреда личности, особое внимание уделяется категориям "неэкономические убытки", "боль и страдания", и их соотношению с российским понятием "моральный вред".

Abstract: the article examines the problem of determining the amount of compensation for moral damage in Russian civil law. Current legislation is analyzed, and foreign experience is studied, in particular, the tariff system used in England. A comparison is made of the conceptual apparatus of Russian and English law in terms of compensation for personal harm, with special attention paid to the categories of "damages for non-pecuniary harm", "pain and suffering", and their relationship with the Russian concept of "moral damage".

Ключевые слова: компенсация морального вреда, размер компенсации, система тарификации.

Key words: compensation for moral damage, amount of compensation, tariff system.

Компенсация морального вреда – традиционный институт, способ защиты нематериальных благ, применяемый при неправомерном посягательстве. А также при нарушении прав потребителей (имущественных по своей природе) в качестве исключения. На данный момент существует некоторый массив правовых норм, который регламентирует порядок компенсации, а также критерии, согласно которым суммы назначаются. Однако сложно спорить с тем, что размер этих компенсаций весьма мал.

В связи с этим хотелось бы рассмотреть опыт зарубежных стран, с целью выявления основных критериев при назначении сумм компенсаций, а также вывести предложения для возможного улучшения национальной системы.

Для начала обратимся к статье 151 Гражданского кодекса Российской Федерации. Данная норма права устанавливает, что под моральным вредом понимаются физические или нравственные страдания гражданина, полученные в связи с действиями, нарушающими его личные неимущественные права либо посягающими на принадлежащие гражданину нематериальные блага¹.

Также, обращаясь к 1101 ГК РФ нужно отметить, что в ней перечислены весьма общие критерии при определении суммы компенсации, в виде характера причиненных потерпевшему страданий (физических и нравственных), степень вины причинителя вреда, а также требования разумности и справедливости.

Пункт 14» вводит некоторую конкретику относительно того, что следует понимать под нравственными страданиями, а именно: «страдания, относящиеся к душевному неблагополучию (нарушению душевного спокойствия) человека (чувства страха, унижения, беспомощности, стыда, разочарования, осознание своей неполноценности из-за наличия ограничений, обусловленных причинением увечья, переживания в связи с утратой родственников и т.д. Потерей работы, невозможностью продолжать активную общественную жизнь, раскрытием семейной или врачебной тайны, распространением не соответствующих действительности сведений, порочащих честь, достоинство или деловую репутацию, временным ограничением или лишением каких-либо прав и другие негативные эмоции)»².

Однако несмотря на эти разъяснения, используемые термины всё ещё весьма оценочны и расплывчаты. Во сколько мож-

но было бы оценить чувство страха или боли при полученной травме не совсем ясно³.

Полагаем, что в судебной практике или законе должны быть определены критерии, пользуясь которыми можно определить справедливый размер компенсации морального вреда.

В качестве зарубежного примера, хотелось бы рассмотреть опыт Англии, где весьма успешно применяется система «тарификации».

Однако, чтобы не было разночтений, для начала стоит дать определение терминам, что будут использоваться.

В странах общего права основным средством судебной защиты (remedy) в деликтном праве является взыскание убытков (damages). Так называют все выплаты потерпевшему в деликтном иске.

Основной вид убытков – компенсаторные (compensatory). Они подразделяются на экономические (damages for pecuniary harm) и неэкономические (damages for non-pecuniary harm).

Компенсаторные неэкономические убытки (compensatory damages for non-pecuniary harm) соответствуют нашей компенсации морального вреда.

Компенсаторные убытки еще делят иным образом, а именно, на общие (general) и специальные (special). Общие убытки – это весьма типичные и рядовые для подобного вида деликта, поэтому даже отсутствует необходимость специально заявлять их в иске, в то время как специальные нуждаются в этом (alleged).

Обращаясь к более узкой теме причинения вреда личности (harm to the person), обычно подразумевающей причинение вреда здоровью, стоит отметить, что этот вред включает в себя как экономические убытки от понесённых лицом (медицинские расходы, потеря заработка, ущерб бизнесу или имуществу потерпевшего), так и неэкономические.

Неэкономические убытки включают в себя телесный вред (bodily harm) и эмоциональное расстройство (emotional distress). Физическая боль (pain) рассматривается как форма телесного вреда, наряду с общим ухудшением функций организма. Эмоциональные расстройства могут проявляться в виде унижения, страха и других подобных чувств. Все это в совокупности часто обозначается термином «боль и страдания» (pain and suffering).

Этот тип убытков соответствует понятию морального вреда в российском законодательстве⁴.

«Боль и страдания» относят к общим убыткам (general damages). Иначе говоря, если в иске заявлено причинение вреда здоровью, то отдельно выделять «боль и страдания» в нем не обязательно, точно также как и доказывать наличие отрицательных эмоций. Напротив, экономические убытки (медицинские расходы и т.п.) обычно признаются специальными. То есть они подлежат отдельному заявлению в иске и, разумеется, последующему доказыванию.

Можно сказать, что в исках о причинении вреда здоровью термин «общие убытки» практически синонимичен термину «неэкономические убытки», а этот термин, в свою очередь, почти эквивалентен термину «боль и страдания».

В Англии на данный момент принят официальный «прейскурант», устанавливающий примерную сумму компенсации за возможные травмы и увечья.

Таблицу ведет Судебный колледж, официальная организация, преимущественно занятая образовательными программами для английских судей. Полное название документа – «Руководство Судебного колледжа по оценке общих убытков в делах о причинении телесных повреждений» (Judicial College Guidelines for the Assessment of General Damages in Personal Injury Cases).

Первая редакция документа была выпущена ещё в 1992 году и с тех пор обновляется согласно уровню инфляции и в тесной связи с судебными прецедентами. на данный момент действует 17 редакция, опубликованная в марте 2024 года.

Для большей наглядности приведём полный список разделов, а также несколько примеров ориентировочных расценок.

Итак, 17 редакция таблицы включает в себя разделы:

1. Травмы, приведшие к смерти
2. Травмы, включающие паралич
3. Травмы мозга и головы
4. Психиатрические и психологические повреждения
5. Травмы, влияющие на органы чувств
6. Травмы внутренних органов
7. Ортопедические травмы
8. Профессиональные заболевания конечностей

9. Хроническая боль
10. Травмы лица
11. Рубцы на других частях тела
12. Повреждение волос
13. Дерматит и другие кожные заболевания
14. Незначительные травмы.

Говоря о суммах компенсации, например, для травм рук предусмотрена весьма обширная градация повреждений от полной потери обеих рук, при которой может быть назначена сумма компенсации 171 680–245 900 фунтов стерлингов, до незначительных травм кистей, которые заживут в пределах шести месяцев, а сумма компенсации составит до 5800 фунтов стерлингов.

Говоря о суммах в другом разделе, здесь они будут колебаться от 18 180 до 29 220 фунтов стерлингов в связи с множественными переломами лицевых костей, вызывающие некоторую деформацию лица постоянного характера до 2 830–3 650 фунтов стерлингов при простом переломе скуловой кости, не требующего хирургического вмешательства и при котором наступает полное выздоровление⁵.

Хотелось бы также заметить, что данный документ не является обязательным для применения и носит рекомендательный характер. Однако судьи добровольно ему следуют, поскольку это значительно облегчает работу. Впрочем, это всё ещё не лишает стороны состязательности, поскольку они всё так же могут приводить аргументы и доказательства в пользу своей позиции. А у судьи в свою очередь не связаны руки, и он может как повышать, так и понижать сумму в зависимости от конкретных обстоятельств того или иного дела. Так что определенная степень судебной дискреции сохраняется.

Основываясь на вышесказанном, представляется вполне логичным высказать предложение об использовании подобной системы “тарификации” и в России.

Внедрение фиксированных ставок компенсаций способно поднять средний размер выплат, присуждаемых судами. Обладая четким ориентиром, основанным на общепринятых стандартах, суды смогут назначать разумные суммы, отклоняясь от них лишь в исключительных случаях, когда этого требуют уникальные обстоятельства дела.

Более того, стандартизация сумм компенсаций упростит процесс досудебного урегулирования споров. Зная потенциальный размер выплаты, ответчики станут более склонны к мирному разрешению конфликта, что снизит нагрузку на судебную систему и сэкономит ресурсы всех сторон.

При этом, адаптация английского опыта к российским реалиям требует учета специфики национального законодательства, экономических условий и судебной практики. Необходимо разработать собственные тарифы, учитывающие уровень жизни в России, инфляцию и другие факторы, влияющие на размер компенсации.

В конечном счете, внедрение системы с фиксированными ставками способствует созданию более справедливой и эффективной системы компенсации вреда, обеспечивая предсказуемость и прозрачность выплат.

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации. Ч.1: Федеральный закон от 30 ноября 1994 г. №51-ФЗ: принят Государственной Думой 21 октября 1994 г. [в ред. от 08 августа 2024 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.

² О практике применения судами норм о компенсации морального вреда: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2022 № 33 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2023. фев. № 2.

³ Соловьев В. Ю. Процессуальные особенности определения формы и размера компенсации морального вреда, как способа защиты гражданских прав // Образование и право. 2022. №10.

⁴ Бойко С. В. Боль и страдания в странах общего права: преискурент или судебная дискреция?

⁵ Соловьев В. Ю. Процессуальные особенности определения формы и размера компенсации морального вреда, как способа защиты гражданских прав // Образование и право. 2022. №10.

*Воронежский государственный
университет*

*Разуваева Алена Александровна
E-mail: razunaewa.a@yandex.ru*

Voronezh State University

*Razuvaeva Alyona Aleksandrovna
E-mail: razunaewa.a@yandex.ru*

Рустамов Артур Русланович

*Санкт-Петербургский государственный экономический
университет, г. Санкт-Петербург*

**ПРАВОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ДОГОВОРА
ФИЗКУЛЬТУРНО-ОЗДОРОВИТЕЛЬНЫХ УСЛУГ**

Rustamov Artur Ruslanovich

*St. Petersburg State University of Economics,
Saint Petersburg*

**LEGAL FEATURES OF THE CONTRACT OF PHYSICAL
CULTURE AND RECREATION SERVICES**

Аннотация: *в исследовании рассматривается договор об оказании физкультурно-оздоровительных услуг как публичный. В труде выясняется обозначение изучаемого договора и изучаются маркеры его применения в области физкультурно-оздоровительных услуг. Рассматривается проблема правоотношений сторон в договоре. Изучены основные регламенты законодательства, предписанные для физкультурно-оздоровительных услуг, предоставляемых в фитнес-клубах, фитнес-центрах, оказывающих физкультурно-оздоровительные услуги. В выводе говорится о важности закрепления термина «результат».*

Abstract: *the study considers the contract for the provision of physical education and recreation services as a public one. The work clarifies the designation of the contract under study and examines the markers of its application in the field of physical education and wellness services. The problem of the legal relations of the parties in the contract is considered. The main legislative regulations prescribed for physical education and wellness services provided in fitness clubs and fitness centers providing physical education and wellness services have been studied. The conclusion speaks about the importance of fixing the term "result".*

Ключевые слова: договор физкультурно-оздоровительных услуг, фитнес-клуб.

Key words: sports and recreation services agreement, fitness club.

Ввиду постоянных изменений в общественной жизни, здоровье не всегда находится в том, состоянии, котором нам хотелось бы, исходя из этого, тренировки по фитнесу являются одним из способов поддержания здоровья при занятиях физкультурно-спортивной деятельностью. В этой связи важно обеспечить правильный механизм реализации тренировок изучив нормы регулирующие данные правоотношения в этой сфере услуг физкультурно-оздоровительного направления. В последнее десятилетие занятие фитнесом в нашей стране приобрело небывалую популярность¹.

Глава 39 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ) регулирует отношения по договору возмездного оказания услуг. В ст. 779 ГК РФ содержится норма-дефиниция этого вида договора: это соглашение, по которому исполнитель обязуется по заданию заказчика оказать услугу (совершить определенные действия или осуществить определенную деятельность), а заказчик обязуется оплатить эти услуги. Помимо ГК РФ к рассматриваемым правоотношениям в сфере ФКиС применяются и ФЗ № 329-ФЗ, и закон РФ от 07.02.1992 «О защите прав потребителей» (далее – Закон РФ о ЗПП)².

Заказчик – лицо, которое хочет получить услуги при заключении договора или приобрести услуги (физическое лицо, юридическое лицо, ИП), а исполнитель – лицо, оказывающее услуги (ИП, юридическое лицо).

Безусловно, что фитнес-услуги, как и любые другие услуги, оказываемые потребителям, должны отвечать определённым требованиям качества и безопасности³. Крайне действенным барьерным контролем, гарантирующим предусмотреть предпочтения клиентов, по нашему мнению, выступает страхование риска физкультурной организации. Гражданское законодательство подразумевает несколько видов охраны гражданской ответственности (ст. 931, 932 ГК РФ) и страхование частного профриска (ст. 933 ГК РФ)⁴. Нормативным регулированием определяется, что предоставление услуги включает в себя обеспечение ква-

лифицированным обслуживающим персоналом. Требования к квалификации тренеров установлены п. 24 ст. 2 Федерального закона от 04.12.2007 № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации». Тренером в соответствии с законодательством может являться физическое лицо, имеющее соответствующее средне-профессиональное образование или высшее образование и осуществляющее проведение со спортсменами тренировочных мероприятий, а также осуществляющее руководство их состязательной деятельностью для достижения спортивных результатов⁵. Важно отметить, что названным нормативно-правовым актом, также устанавливается, что перечень видов физкультурно-оздоровительных услуг и правила их оказания утверждаются Правительством Российской Федерации⁶.

В соответствии с частью 2 статьи 10 Федерального закона о физической «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» и статьей 39 Закона Российской Федерации «О защите прав потребителей» и Постановлением Правительства Российской Федерации от 30.01.2023 № 129 «Об утверждении Правил оказания физкультурно-оздоровительных услуг». Один из примеров, Верховный Суд опубликовал Определение № 8-КГ21-12-КЗ от 20 апреля 2021 года по спору о расторжении фитнес-центром договора с потребителем за отрицательный отзыв, опубликованный на сайте клуба, в данном деле фитнес-клуб с нарушением в одностороннем порядке расторг договор, с потребителем из-за нарушения последним одного из пунктов договора, в котором было отмечено о запрете на распространения недостоверных сведений о фитнес-центре и работниках данного фитнес-центра в связи с написанием комментария, это напоминает нам о важности поступательного внесения изменений в действующее законодательство.

Услуги в сфере физической культуры могут быть перенесены из режима физического присутствия в зале, в режим дистанционного взаимодействия между потребителем и исполнителем услуг, этот важный компонент взаимодействия субъектов данного договора и обеспечение вариативности функций данного договора говорит о том, что такой подход также можно охарактеризовать как ещё одну опцию, которую можно прописать в данном договоре в случае наступления обстоятельств непредвиденной

силы при которых очное присутствие в зале будет невозможно ввиду понятных причин. Любая услуга так или иначе – это воздействие стороной исполнителя на сторону заказчика, которое не всегда заканчивается результатом, которого ожидал потребитель (клиент), но с внесением изменений в уже существующие нормативно-правовые акты и внедрение новых законов в данной сфере с указанием обязательного нюанса о достижении «результата» поможет избежать излишних недоговоренностей и обеспечит стабильную и слаженную работу персонала и исправное функционирование договора оказания физкультурно-оздоровительных услуг. С правильным выбором вектора направления, которое помимо спорта объединяет и личную тайну (персональные данные) № 152-ФЗ «О персональных данных», требование к здоровью № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», которые тоже выступают для стороны потребителя как одной из опций при заключении данного вида договора и дальнейшего взаимодействия с исполнителем услуг для реализации своих поставленных желанных целей, задач и получение конечного результата по итогам тренировочного процесса. Упомянутые положительные стороны и недостатки указанного договора оказания физкультурно-оздоровительных услуг считаются обязательными, также с точки зрения дискуссий для прибытия к общему пониманию сложившейся на данный момент ситуации, а также развитию целой отрасли услуг физкультурно-оздоровительной направленности

¹ Диденко Ю. А. Правовое регулирование фитнеса (фитнес-услуг) в Российской Федерации // Физическая культура, спорт, туризм: научно-методическое сопровождение: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (18–20 апреля 2019 года), г. Пермь, Россия / ред. кол. : Е. В. Старкова (глав. ред.), Т. А. Полякова (науч. ред.); Перм. гос. гуманитар.-пед. ун-т. Пермь, 2019. С. 62–67.

² Костромин А. А. Гражданско-правовое регулирование оказания услуг в сфере физической культуры и спорта в эпоху цифровой экономики // В сборнике : Правовое регулирование спорта в условиях современных вызовов. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (23 октября 2021 года) / Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина. Тамбов: Издательский дом «Державинский», 2022. С. 35–40.

³ Кванина В. В., Спиридонова А. В., Тихомирова А. В. Страхование ответственности фитнес-центров как инструмент защиты прав потребителей фитнес-услуг // Журнал : Человек. Спорт. Медицина. 2019. Т. 19, № S2. С. 129–139.

⁴ Кванина В. В., Спиридонова А. В., Тихомирова А. В. Страхование ответственности фитнес-центров как инструмент защиты прав потребителей фитнес-услуг. Журнал: Человек. Спорт. Медицина. С. 133.

⁵ Тупицына Е. Г. Проблемы обеспечения требований к обслуживающему персоналу при оказании физкультурно-оздоровительных и спортивных услуг. Журнал : Право и общество. 2022. № 1 (6). С. 54–57.

⁵ Рогачев Д. И., Воронцов Д. И. Возможные подходы к определению видов физкультурно-оздоровительных услуг на основе 16 общероссийского классификатора видов экономической деятельности // Журнал: Право и государство : теория и практика. 2021. № 10 (202). С. 188–190.

*Санкт-Петербургский
государственный
экономический университет
Рустамов Артур Русланович
E-mail: arturrustamovvv@
yandex.ru*

*St. Petersburg State University
of Economics, Saint Petersburg
Rustamov Artur Ruslanovich
E-mail: arturrustamovvv@
yandex.ru*

**Смирнова Александра Александровна,
Смирнов Роман Витальевич**

НИУ «Высшая школа экономики», г. Москва

ДЕЙСТВИЕ ВО ВРЕМЕНИ ПРАВИЛ О СРОКАХ ИСКОВОЙ ДАВНОСТИ

**Smirnova Aleksandra Aleksandrovna
Smirnov Roman Vitalievich**

National Research University “Higher School of Economics”, Moscow

THE VALIDITY OF THE STATUTE OF LIMITATIONS RULES IN TIME

Аннотация: *данная статья посвящена рассмотрению процесса изменения гражданского законодательства в области сроков исковой давности. Особое внимание обращается на историю возникновения в российском правовом регулировании такого института, как объективный срок исковой давности, возможные причины и последствия его появления. Также в статье проводится сравнение различных способов введения в действие норм, изменяющих правила исковой давности.*

Abstract: *the article is devoted to the review of the process of changing the civil legislation in the field of limitation periods. Special attention is paid to the history of the emergence of such an institution in Russian legal regulation, such as the objective statute of limitations, possible causes and consequences of its appearance. The article also compares the various ways of putting into effect the rules governing the limitation period.*

Ключевые слова: *срок исковой давности, изменение правового регулирования, объективная исковая давность, гражданское право.*

Key words: *statute of limitations, changes in legal regulation, objective statute of limitations, civil law.*

Такой институт гражданского права как исковая давность (далее – И.Д.) направлен на рационализацию, повышение определенности и стабильности гражданско-правовых отношений¹. Этот правовой механизм заключается в возможности лица, право которого нарушено, защититься в суде только в течение определённого срока, после которого право обращения в суд, хоть и не пропадёт, но по заявлению ответчика в судебной защите истцу будет отказано². Несмотря на то что законодатель предпринимает усилия по усовершенствованию данного института, порой возможно возникновение некоторых проблем в его использовании. В данной работе будут рассмотрены некоторые аспекты изменения правил И.Д. и их исторические причины.

В последнее время в соответствии с Концепцией развития гражданского законодательства Российской Федерации (2009 г.) (далее – Концепция) проводятся значительные изменения гражданского законодательства. Это обусловлено переменами общественной жизни, которые произошли после введения в действие первой части ГК РФ. Эти изменения коснулись и правил И.Д.: начиная с 2013 года в 12 главу ГК РФ «Исковая давность» различными федеральными законами были внесены поправки³.

Общий срок исковой давности (далее – СИД) составляет три года. Однако с 1 сентября 2013 года Федеральным законом от 7 мая 2013 г. № 100-ФЗ (далее – № 100-ФЗ) в ГК РФ было введено положение, согласно которому срок исковой давности не может превышать 10 лет со дня нарушения права, для защиты которого этот срок установлен. Чуть позже Федеральным законом от 2 ноября 2013 г. № 302-ФЗ было добавлено исключение из так называемого объективного срока исковой давности – случаи, установленные Федеральным законом от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму». Как указано в пояснительной записке к проекту Федерального закона от 7 мая 2013 г. новелла о 10-летнем пресекательном сроке исковой давности имела своей целью ввести ясность в исчисление сроков исковой давности путём введения объективного критерия её определения⁴. То есть этот срок по общему правилу, как и раньше составляет три года с момента, когда лицо узнало или должно было узнать о нарушении своего права, включая сведения о его нарушителе (в чём

выражается субъективный элемент), но он не может быть более десяти лет со дня нарушения права (проявление объективного элемента)⁵. Эта идея отражена в статьях ГК РФ под номерами 181, 196, 200 и др.

Интересен тот факт, что в Гражданский Кодекс РФ за период своего существования уже знал 10-летний СИД. Он устанавливался первоначальной редакцией 1 части ГК РФ в отношении СИД для применения последствий недействительности ничтожной сделки и действовал до 2005 года, пока Федеральный закон от 21 июля 2005 г. № 109-ФЗ не сократил его до 3х лет⁶. Конечно, это был не пресекательный СИД. Но стоит обратить внимание, на цель внесения тех поправок – воспрепятствование переделу собственности, усиление стабильности гражданского оборота и развитие возможностей инвестирования в стране.

Если обратиться к истории, то данное регулирование включало пересмотр итогов приватизации 90-ых годов. Однако в 2013 году № 100-ФЗ вводил новый порядок начала течения СИД. Если раньше его течение начиналось, когда лицо узнало или должно было узнать о нарушении своего права, то 100-ФЗ добавил ещё и критерий осведомлённости, кто является надлежащим ответчиком по иску о защите права. Кроме того, для лица, не являющегося стороной сделки, СИД стал течь со дня, когда это лицо узнало или должно было узнать о начале ее исполнения. Указанные нововведения могли допустить ситуации рассмотрения дел, имевших место в 90-е. А как отмечал профессор РШЧП Сергей Сарбаш в таких ситуациях возникает проблема довольно за давних споров, которые прибавляют дел и без того перегруженной судебной системе⁷. По мнению Сергея Васильевича, максимальный срок давности (long-stop period), выступает в качестве баланса субъективной давности и направлен как раз на решение описанной проблемы⁸.

Однако также необходимо отметить тот факт, что процессы, происходившие в 90-е, носили стихийный и довольно коррупционный характер, что может и в настоящее время влиять на процесс принятия тех или иных законов.

Но кроме того, введение такого правила также можно связывать с тем, что законодатель учёл успешную мировую прак-

тику по данному вопросу. Объективный СИД можно встретить в Швейцарском Гражданском Кодексе 1907 года, Коммерческом кодексе Греции 1835 г и т.д. Помимо того, данный институт успешно применяется и на уровне международных унификаций (Принципы УНИДРУА, PECL, DCFR, Проект CESL)⁹.

В любом случае поставленная в Концепции задача, которая заключалась в выработке компромиссной модели регулирования СИД была выполнена. Однако также можно отметить, как была закрыта проблема первоначального накопления капитала в России.

Стоит обратить отдельное внимание на дальнейшее развитие истории с новеллами 2013 года. Первоначальной редакцией № 100-ФЗ применение новых СИД было установлено к требованиям, сроки предъявления которых не истекли до 1 сентября 2013 года. То есть законодатель распространил действие новых норм и на уже существовавшие гражданские отношения. Соответственно ретроспективную силу имел и новый 10-летний пресекательный срок, что оказалось непродуманным аспектом.

В том же 2013 году, уже после вступления в силу № 100-ФЗ, КС РФ рассмотрел дело гражданина Потоцкого, которому отказано в требовании о возвращении долга по бессрчному займу, который был выдан в 2000 году, в связи с истечением 10-летнего СИД. В Постановлении КС РФ № 3-П от 15 февраля 2016 года КС РФ отметил, что имеющееся регулирование исключает возможность судебной защиты лиц, состоящих в длительных договорных отношениях. КС РФ указал на необходимость установления периода для адаптации граждан к изменениям, что не было соблюдено законодателем в рассматриваемом случае (в случае со № 100-ФЗ гражданам было предоставлено меньше 4-х месяцев для приспособления к новому регулированию). Вместе с тем КС не исключил возможность законодателя устанавливать и изменять правила исковой давности постольку, однако признал неконституционным распространение действие объективного СИД на отношения, возникшие до введения её в действие¹⁰.

На сложившуюся ситуацию законодатель отреагировал довольно оперативно и Федеральным законом от 28 декабря 2016 г. № 499-ФЗ в № 100-ФЗ было изменено правило введения в

действие норм, устанавливающих объективный СИД. А именно, добавилось важное уточнение о том, что десятилетние СИД в редакции № 100-ФЗ начинают течь не ранее 1 сентября 2013 года. В связи с этим были внесены изменения и в судебную практику: Пленум ВС РФ указал, что в связи с тем, что 10-летний срок начинает течь не ранее 1 сентября 2013 года, то применяться он будет не ранее 1 сентября 2023 года. Кроме того, лицам, которым уже было отказано в судебной защите по основанию истечения десятилетних сроков, предоставили право обжаловать судебные акты.

Стоит отметить, что установленный порядок действия рассматриваемых поправок отличается от классического правила о действии во времени норм гражданского права, которое заключается в применении изменений к правоотношениям, возникшим после дня их вступления в силу (а в случае с уже существующими правоотношениями – к тем правам и обязанностям, которые возникнут после дня вступления их в силу). Однако в случае с преклюзивным сроком нет формулировки, что срок «применяется к правоотношениям, возникшим после вступления в действие...». Буквальное толкование фразы, что сроки «начинают течь не ранее 1 сентября 2013 года»¹¹ говорит о том, что возможна обратная сила закона, но с учётом отсрочки, которую установил законодатель для начала применения данной нормы. То есть изначальная норма о применении поправок требованиям, сроки предъявления которых не истекли до 1 сентября 2013 года, сохраняет своё действие. К ней только добавилось особое (и довольно уникальное) регулирование, касающееся начала её действия.

При этом данное регулирование не является и классическим вариантом отсрочки вступления в силу изменений. Например, тот же № 100-ФЗ включал в себя норму о том, что пункт 22 статьи 1 № 100-ФЗ (касающийся пункта 2 статьи 177 ГК РФ) вступает в силу со 2 марта 2015 года¹². Но правило о пресекательном сроке уже вступило в силу. Просто законодатель установил особый порядок начала течения данного срока, в чём и заключается особенность его действия во времени.

Что касается обратной силы сроков исковой давности и правила их исчисления, то нельзя забывать, что при решении дел,

возникших ранее 1 сентября 2013 года, следует учитывать также прежнюю редакцию соответствующих норм ГК РФ. Похожее регулирование, касающееся действия закона во времени было предусмотрено Федеральным законом от 21 июля 2005 г. № 109-ФЗ "О внесении изменения в статью 181 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации", который, как было рассмотрено выше, сократил субъективный срок исковой давности с 10 до 3х лет. Переходные положения № 109-ФЗ предусматривали применение нового регулирования также к требованиям, ранее установленный срок предъявления, которых не истек до дня вступления в силу изменений. Однако отсрочка действия некоторых норм, установленных № 100-ФЗ является довольно нетипичным регулированием, которое отличается от рассмотренных классических случаев. Однако стоит отметить, что данное регулирование является проявлением того, что законодатель следует указанному КС РФ принципу поддержания доверия граждан к закону и действиям государства, создавая определённый переходный период для адаптации населения к новым реалиям.

Резюмируя вышесказанное, можно выделить не так много вариантов регулирования действия закона во времени. Во-первых, это классический вариант применения изменений только к последующим правоотношениям или к последующим правам и обязанностям, если отношения длящиеся. Во-вторых, можно назвать обратный вариант – придание поправкам действия и применительно к уже сложившимся отношениям. В-третьих, возможен вариант, когда введение в действие той или иной новеллы будет отсрочено для того, чтобы дать возможность гражданам приспособиться к новому регулированию. Отдельно стоит выделить непохожий на другие способы вариант с введением в действие такого института как объективный срок исковой давности, где законодатель устанавливает специальное правило начала течения срока, не указывая при этом на исключительное применение этой нормы к будущим отношениям, а лишь вводя особую отсрочку начала исчисления такого срока. При этом стоит обращать отдельное внимание на исторические изменения правового регулирования, которые отражают определённые недочёты законодателя, и их исправление для более успешного

проведения дальнейших реформ. Вместе с этим может быть полезно принятие во внимание иностранного опыта разрешения тех или иных проблем, поскольку тема действия закона во времени действительно сложная и требует чёткого продуманного регулирования, особенно когда это касается такого важного права человека, как гарантированная судебная защита.

¹ Гонгало Б. М. Гражданское право: учебник. М.: Статут, 2017. С. 300.

² Суханов Е. А. Гражданское право, учебник. М.: Статут, 2019. С. 558; Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права. М.: «СПАРК», 1995. С. 13.

³ «Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации» (одобрена решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 07.10.2009)

⁴ Пояснительная записка к проекту федерального закона № 47538 «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

⁵ Пояснительная записка к проекту федерального закона № 47538 «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации»

⁶ Карапетов А. Г. Комментарии к гражданскому законодательству. М.: М-Логос 2020. С. 403.

⁷ Иванов А., Сергеев А., Байбак В., Соломин С., Сарбаш С., Латыев А., Варул П., Павлов А., & Белов В. (2016). Объективная исковая давность. Закон, (3), С. 22–23.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Постановление Конституционного Суда РФ от 15 февраля 2016 г. № 3-П «По делу о проверке конституционности положений части 9 статьи 3 Федерального закона «О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела I части первой и статью 1153 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации»

¹¹ Федеральный закон от 07.05.2013 № 100-ФЗ (ред. от 28.12.2016), ст. 3, п. п. 9.

¹² Федеральный закон от 07.05.2013 № 100-ФЗ (ред. от 28.12.2016) «О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела I части первой и статью 1153 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации», ст. 3, п. 2.

НИУ «Высшая школа экономики» Higher School of Economics
Смирнова Александра Smirnova Aleksandra
Александровна Aleksandrovna
E-mail: alexa.smr.working@gmail. E-mail: alexa.smr.working@gmail.
com com

Смирнов Роман Витальевич Smirnov Roman Vitalievich
E-mail: romansmirnovworking@ E-mail: romansmirnovworking@
gmail.com gmail.com

Хмельницкая Анна Леонидовна

*Московский государственный юридический университет
имени О. Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва*

**ESG-ФАКТОРЫ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ О КОРПОРАТИВНОЙ
ОТВЕТСТВЕННОСТИ**

Hmelnitskaya Anna Leonidovna

*Moscow State Law University
named after O. E. Kutafin (MGUA), Moscow*

**ESG-FACTORS IN THE RUSSIAN FEDERATION'S
CORPORATE RESPONSIBILITY LEGISLATION**

Аннотация: в данной статье рассматривается концепция факторов, рисков и возможностей, связанных с окружающей средой, обществом и корпоративным управлением (далее – ESG-факторы). Автором было проанализировано действующее законодательство ЕС и РФ, воздействие на законодательство факторов ESG.

Abstract: this article discusses the concept of factors, risks, and opportunities related to the environment, society, and corporate governance (hereinafter referred to as ESG-factors). The author analyzed the current legislation of the EU and the Russian Federation, the impact of ESG factors on legislation.

Ключевые слова: ESG-факторы, законодательство РФ, корпоративная ответственность, устойчивое развитие.

Key words: ESG-factors, Russian legislation, corporate responsibility, sustainable developmen

В условиях тенденции расширения компаний на международном уровне, появления высоких технологий, влияния антропогенных факторов на окружающую среду и гуманизации в корпоративных отношениях, концепция ESG-факторов становится

как никогда актуальной, сочетая в себе все вышеперечисленные критерии. ESG-факторы – это набор характеристик, по которым можно оценить социальную и экологическую ответственность бизнеса, меры, которые принимает компания, чтобы улучшить окружающий мир.

Данные принципы широко распространены в странах Европы и находятся под императивным регулированием многочисленных Директив ЕС. Например, Директива ЕС о корпоративной отчетности в области устойчивого развития (CSRD), принятая в 2022 г.¹ Требования строго обязывают крупные компании ЕС, компании, акции которых допущены на рынок ценных бумаг в ЕС, компании не находящиеся на территории ЕС, но представленные на рынке, ежегодно предоставлять отчет о том, как производство подотчетного объекта влияет на окружающую среду и общество. Данные отчета помогают инвесторам получить информацию о показателях устойчивого развития. Определение устойчивого развития было дано Всемирной комиссией ООН по окружающей среде и развитию в 1987 году² как «развитие, при котором удовлетворение потребностей нынешних поколений осуществляется без ущерба для возможностей будущих поколений удовлетворять собственные потребности». Оно тесно связано с исследуемыми в статье факторами ESG.

Внедрение в российское право на данный момент находится на ранних стадиях. Императивного требования сдачи финансовой отчетности законодательство не содержит, только в отдельных сферах, что не соответствует стандарту полноценной ESG-отчетности. Однако, рекомендации, данные Правительством, Минэкономразвития, Центральным Банком в информационных письмах, упоминание этого направления Президентом на съезде Российского союза промышленников и предпринимателей в 2023г., включение в федеральное законодательство в сфере экологии базовых принципов, являющихся неотъемлемой частью ESG, дают основания полагать о серьезности намерений включить соответствующие нормы в основной массив законодательства РФ в скором времени. В своем информационном письме «О рекомендациях по учету финансовыми организациями ESG-факторов, а также вопросов устойчивого развития при организации корпоративного управления» от 2022 г.³ 4 ЦБ РФ, как

мегарегулятор, говорит о важности для кредитных и некредитных финансовых организаций следования принципам экологического, социального и корпоративного управления независимо от вида деятельности, организационно-правовой формы, масштаба осуществляемых операций, уровня и сочетания принимаемых рисков. Соблюдение положений, по мнению ЦБ РФ, поможет России укрепиться при переходе к экономике, основанной на принципах устойчивого развития. К слову, хотя и легального определения устойчивого развития в РФ нет, но понимание его несколько отличается от данного комиссией ООН и предполагает «решение социально-экономических задач, обеспечивающих экологически ориентированный рост экономики, сохранение благоприятной окружающей среды, биологического разнообразия и природных ресурсов для удовлетворения потребностей нынешнего и будущих поколений, реализации права каждого человека на благоприятную окружающую среду, укрепления правопорядка в области охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности».

Значение факторов в корпоративном праве определяется, по мнению автора, повышением роли инвестирования и перераспределением капитала в «эко-социо-предприятия», отвечающие последним трендам «зеленой экономики». ESG-отчет, как следствие, является для потенциального инвестора предметом надежности и повышением вероятности получения долгосрочной прибыли от спонсируемого предприятия с низким уровнем риска. Мнение автора находит отражение в информационном письме ЦБ «о рекомендациях по учету советом директоров публичного акционерного общества ESG-факторов, а также вопросов устойчивого развития»⁵.

В своем письме Центральный Банк предлагает органам управления оценивать нефинансовые риски и отражать их в отчетности, выбирать стратегию, основанную на управлении социальными и экологическими рисками, их минимизации и готовности к гибкому управлению, вызванному изменениями климатических условий. Подобный подход создает благоприятные условия для кредиторов. Автором подразумевается, что компании с декларируемой в отчетах системой управления и пониженными денежными потерями могут претендовать на по-

лучение кредитных средств под сниженный процент, который будет зависеть от количества интегрированных в производство ESG-принципов, показателей устойчивого развития и рейтинга опасности. Управление должно осуществляться на всех организационных уровнях компании, повышая информированность, компетенцию и навыки у работников. Отдельное внимание должно быть уделено мероприятиям, направленным на повышение личной заинтересованности работников в увеличении эффективности путем создания благоприятных условий труда.

Анализируя взаимосвязь корпоративной ответственности и ESG-факторов, напрашивается вывод о том, что ее проявление перед государством прослеживается через создание продукта, представляющего наименьшую опасность на этапах разработки и реализации, предоставление полной нефинансовой отчетности, за исключением сведений, содержащих коммерческую тайну. Следование рекомендациям является основанием для стимулирования и поддержки инноваций таких компаний.

¹ Directive (eu) 2022/2464 of the european parliament and of the council of 14 December 2022 // eur-lex

² Report of the World Commission on Environment and Development 1987: Our Common Future // UN Documents

³ Информационное письмо «О рекомендациях по учету финансовыми организациями ESG-факторов, а также вопросов устойчивого развития при организации корпоративного управления» от 28.12.2022 № ИН-02-28/145 // Банк России

⁴ Там же.

⁵ Информационное письмо «О рекомендациях по учету советом директоров публичного акционерного общества ESG-факторов, а также вопросов устойчивого развития» от 16.12.2021 № ИН-06-28/96 // Банк России.

*Московский государственный
юридический университет
имени О. Е. Кутафина (МГЮА),
г. Москва*

*Хмельницкая Анна Леонидовна
E-mail: hmlnrsk@mail.ru*

*Moscow State Law University named
after O. E. Kutafin (MGUA),
Moscow*

*Hmelnitskaya Anna Leonidovna
E-mail: hmlnrsk@mail.ru*

Шемякина Галина Геннадьевна

*Читинский институт Байкальского государственного
университета*

ПРОБЛЕМЫ НАСЛЕДОВАНИЯ ЦИФРОВЫХ ПРАВ В РОССИИ

Shemyakina Galina Gennadievna

Chita Institute of Baikal State University

PROBLEMS OF DIGITAL RIGHTS INHERITANCE IN RUSSIA

Аннотация: в статье исследуются возможности наследования цифровых прав. На основе зарубежной практики, а также работ исследователей в сфере наследственных правоотношений, предлагаются пути решения проблемы. Рассмотрены варианты наследования цифрового имущества по завещанию. В большей степени изучается порядок наследования аккаунта в социальных сетях.

Abstract: the article explores the possibilities of inheriting digital rights. Based on foreign practice, as well as the work of researchers in the field of hereditary legal relations, ways to solve the problem are proposed. Options for inheritance of digital property by will are considered. The order of inheritance of an account in social networks is being studied to a greater extent.

Ключевые слова: цифровые права, наследование, аккаунт в социальных сетях.

Key words: digital rights, inheritance, account.

В современных реалиях наследственное право активно развивается – это связано с появлением новых объектов в гражданском праве. Так, в 2019 году в гражданском законодательстве появился такой объект как цифровые права. Однако на сегодняшний момент так и не предусмотрен порядок наследования таких прав.

Под цифровыми правами понимаются обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы¹. Такое определение можно широко трактовать, в связи с чем в данной работе под цифровыми правами будут пониматься объекты гражданского права, которые могут существовать лишь в цифровом пространстве. Так, аккаунт в социальных сетях представляется возможным отнести к цифровым объектам. Но при этом в отношении аккаунта действует цифровое право – право пользования лица аккаунтом. Под аккаунтом следует понимать учетную запись пользователя в информационной системе, содержащую сведения о пользователе².

Выделяют также в научной литературе такое понятие как «виртуальное имущество. Под ним следует понимать объекты нематериального мира, обладающие экономической ценностью и используемые только в цифровом пространстве. Рожкова М. А. отмечает в своей научной работе, что к виртуальному имуществу относятся игровое имущество, криптовалюта, токены, доменные имена³. В настоящее время аккаунты в виртуальных играх, социальных сетях имеют материальную ценность. Поскольку аккаунты с большим количеством подписчиков часто интересуют рекламодателей, аккаунты в играх несут в себе ценность в существовании определенных наград, уровней, предусмотренных в играх, которые накапливаются в связи с продолжительным периодом времени. Аккаунты организаций являются средством получения прибыли, рекламы своей продукции.

Законодатель не устанавливает порядок наследования таких видов имущества. На сегодняшний день проблема остается все также нерешенной и требует принятия мер. Проанализировав зарубежную практику, а также работы исследователей в сфере наследственных правоотношений, предлагаются следующие пути решения.

Если говорить о наследовании по завещанию или наследственному договору аккаунтов в социальных сетях, то для решения этой проблемы предлагается, чтобы наследодатель дал согласие в завещании для распоряжения его аккаунтами в социальных сетях и получения в целом доступа к его личной информации. Самым простым представляется внесение в завещание

данных, позволяющих получить доступ к цифровым правам⁴. Так, в завещании можно указать место, где будет храниться информация об аккаунтах, например, на USB- накопителе, который будет содержать в себе пароль. Этот пароль будет и у наследодателя, а также будет передан на хранение нотариусу.

Но как будут обстоять дела с аккаунтом, который не завещан или если в целом имущество наследуется по закону? В таком случае, нельзя забывать о конституционном праве, которое гласит, что каждый имеет право на тайну переписки. При этом многие родственники стремятся получить доступ в целях скрыть информацию или сообщить сведения о гибели лица. Некоторые же и вовсе пытаются получить материальную выгоду, используя аккаунт умершего.

Разберем политику передачи аккаунта в социальной сети «ВКонтакте» в порядке наследования по закону. Наследники вправе либо удалить аккаунт умершего человека, либо ограничить доступ к профилю, а также вместе с этим закрыть от внешнего воздействия (то есть запретить публиковать материалы на страницы умершего). Для этого им необходимо обратиться в техподдержку «ВКонтакте» и предоставить документы, подтверждающие права наследников (свидетельство о смерти). При этом платформа акцентирует свое внимание на том, что они не предоставляют доступ к аккаунту умерших лиц. То есть наследники вправе совершать лишь ограниченный перечень действий с аккаунтом наследодателя и только посредством техподдержки социальной сети.

Еще одним примером, свидетельствующим о непередаче по наследству аккаунта, является случай 2019 года. Мужчина обратился к корпорации «Mail.ru Group» с просьбой предоставления доступа к электронному ящику своей умершей матери. Мужчина подтвердил, что является наследником и убеждал компанию в необходимости получения доступа в связи с тем, что на электронной почте все культурное наследие его матери – фото, видео с концертов. Однако он получил отказ на свое обращение. Техподдержка «Mail.ru» ссылалась на российской законодательство, которое в свою очередь гарантирует тайну сообщений, передаваемых в том числе по сетям электросвязи и сетям почтовой связи. Отсюда следует, что наследование аккаунта в Российской

Федерации недопустимо, в основе этого лежит конституционная норма.

Зарубежные приложения, в частности такие как, «Apple», «Google» допускают доступ к аккаунту, в случае, если лицо назначает себе «цифрового наследника» (до 5 человек), который в случае смерти первого получит доступ к аккаунту. Такому наследнику передается ключ QR-код, которым он потом подтверждает свое право на наследование аккаунта. В зарубежной практике наследник получает полный доступ к аккаунту умершего, и последний приравнивается к имуществу и документам, удостоверяющим личность.

Наследование аккаунтов в видеоиграх и стриминговых платформах, а соответственно и виртуального имущества, которое имеется на таком аккаунте, недопустимо. Поскольку в данном случае лицо, которое приобретает игру, фильм, книгу только получает право пользования таким цифровым активом. Пользовательские соглашения в большинстве случаев не допускают правопреемства аккаунта.

Порядок наследования аккаунта в социальной сети нуждается в единообразии. Так, можно законодательно закрепить следующее: юридические лица, имеющие доступ к аккаунтам социальных сетей, не вправе предоставлять доступ к личным данным умершего. При этом лица, подтвердившие свое право на наследование соответствующими документами, вправе предъявлять требования либо удалить аккаунт умершего человека, либо ограничить доступ к профилю.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод о том, что российское законодательство не регулирует вопросы наследования цифровых прав. Поэтому порядок получения виртуального имущества, доступа к аккаунту зависит от политики конкретных цифровых сервисов, а также судебной практики.

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 года № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024 с изм. от 31.10.2024). [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 15.01.2025)

² Козлова В. Н. Правовая природа аккаунта как объекта гражданских прав // Право и государство : теория и практика. 2022. № 9 (213). С. 76–79.

³ Рожкова М. А. Цифровые активы и виртуальное имущество: как соотносится виртуальное с цифровым [Элек-тронный ресурс] // Закон.ру. 2018.

⁴ Анисимова Ю. К вопросу о цифровых правах в наследственных правоотношениях на примере наследования аккаунта // Молодой ученый. 2022. № 38 (433). С. 82–85

<i>Читинский институт Байкальского государственного университета</i>	<i>Chita Institute of Baikal State University</i>
<i>Шемякина Галина Геннадьевна</i>	<i>Shemyakina Galina Gennadievna</i>

Шульгина Виктория Александровна

*Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», г. Москва*

**ПРОЦЕСС ДОКАЗЫВАНИЯ ВЕДЕНИЯ
СОВМЕСТНОГО ХОЗЯЙСТВА СУПРУГАМИ:
АНАЛИЗ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ**

Shulgina Viktoria Aleksandrovna

National Research University Higher School of Economics, Moscow

**IL PROCESSO DI PROVA DELLA CONVIVENZA
DEI CONIUGI: UN'ANALISI DELLA
PRATICA GIUDIZIARIA**

Аннотация: данная статья посвящена вопросу доказывания факта фактического прекращения брачных отношений, так как раздельное проживание супругов в течение длительного времени создает дисбаланс имущественных интересов в связи с тем, что имущество фактически приобреталось не на совместные средства супругов.

Автор анализирует различные судебные решения и определяет, какие аргументы и доказательства подтверждают факт прекращения ведения супругами совместного (общего хозяйства).

Abstract: this article is devoted to the proving of the fact of actual termination of marital relations, as such a situation creates an imbalance of property interests if some assets have been acquired during the period of separation. The author analyses various court decisions and determines what evidence confirm the fact of termination of running a joint household by the spouses.

Ключевые слова: раздел имущества, общее хозяйство, совместное хозяйство, режим совместной собственности.

Key words: division of property, common household, joint household, joint property regime.

В соответствии со ст. 25 Семейного кодекса РФ, брак, расторгаемый в органах записи актов гражданского состояния, прекращается со дня государственной регистрации расторжения брака в книге регистрации актов гражданского состояния, а при расторжении брака в суде – со дня вступления решения суда в законную силу¹. Иными словами, российское законодательство предусматривает две процедуры расторжения брака: судебную и административную².

Зачастую супруги после фактического распада семьи не спешат официально оформлять развод: кто-то еще надеется на воссоединение, а кто-то считает, что такая формальность ни на что не влияет. Тем не менее, риски такого поведения очевидны для любого специалиста, особенно, в части раздела имущества: режим раздельной собственности на приобретаемые объекты устанавливается только после официального расторжения брака³, то есть пока супруги состоят в браке, их активы все еще составляют единый «имущественный комплекс», подлежащий разделу в равных долях. При этом в то время, пока супруги фактически не живут вместе, имущественная масса может значительно сократиться (например, если второй супруг что-либо продаст, потратит крупную сумму или возьмет кредит «на семейные нужды») или, наоборот, увеличиться (но в этом не будет финансового вклада второго супруга).

При этом согласно п. 4 ст. 38 Семейного кодекса РФ суд может признать имущество, нажитое каждым из супругов в период их раздельного проживания при прекращении семейных отношений, собственностью каждого из них. Соответственно, чтобы разделить активы по справедливости, пострадавшему супругу важно доказать момент фактического прекращения брачных отношений, от которого будет зависеть порядок раздела имущества.

Одним из аргументов супругов для подтверждения прекращения семейных отношений является аргумент об отсутствии ведения общего (совместного) хозяйства.

Анализ судебной практики позволяет прийти к выводу, что суды в полной мере не дают толкование и определение «ведения общего хозяйства», как и многим другим семейно-правовым конструкциям, и оценивают доказательства сторон на предмет

достаточности для подтверждения позиции в каждом отдельном случае индивидуально.

На основании судебной практики можно сделать следующие выводы о понимании судами «ведения совместного хозяйства» супругами:

1. Под ведением общего хозяйства понимается не только постоянное проживание в одном пространстве, но и регулярные непродолжительные периоды совместного проживания (так называемый «гостевой брак») и совместные приобретения, при этом единократный совместный отдых или периодические встречи не являются подтверждением ведения общего хозяйства (Апелляционное определение Нижегородского областного суда от 24.04.2012 по делу № 33-2864, Апелляционное определение Московского городского суда от 20.06.2016 по делу № 33-21044/2016, Определение Рязанского областного суда от 19.01.2011 № 33-29).

2. Отсутствие совместного быта подразумевает проживание по разным адресам (в том числе, с другой семьей), не поддержание постоянных контактов (Определение Московского областного суда от 11.08.2011 по делу № 33-16645, Апелляционное определение Московского городского суда от 02.11.2015 по делу № 33-40360/2015).

3. Суд отказывает в установлении более ранней даты прекращения брачных отношений по сравнению с датой обращения в суд с иском о расторжении брака, если есть доказательства, что стороны вели общий бюджет, совместно несли расходы на питание, одежду, медицинские, транспортные и коммунальные услуги, если обучение и развлечения для семьи оплачивались совместно (Апелляционное определение Московского городского суда от 06.07.2020 по делу № 33-21902/2020, 2-4023/2019). Однако в этом вопросе важно учитывать, какой порядок был введен в семье до прекращения фактических брачных отношений: в случае, если всегда существовал совместный бюджет, а затем каждый из супругов стал вести бюджет и планировать траты самостоятельно, с этого момента можно пытаться признать дату фактического прекращения брачных отношений. Если же стороны всегда вели бюджет раздельно и это подтверждается доказа-

тельствами (например, перепиской или банковскими переводами), то это не будет очень убедительным аргументом.

4. Переписки в мессенджерах, публикации в социальных сетях и фотографии принимаются как способ подтверждения общего хозяйства (Апелляционное определение Московского городского суда от 02.11.2016 по делу № 33-43326/2016).

Таким образом, понятие «ведение общего хозяйства» толкуется судом казуально в зависимости от обстоятельств дела и аргументов сторон. Однако можно сделать вывод о том, что проживание в разных местах при отсутствии регулярных встреч и поддержания постоянных контактов является основанием для признания отсутствия ведения общего хозяйства. Для подтверждения позиции можно использовать письменные доказательства (выписку из домовой книги об отсутствии регистрации по одному адресу, ответы на запросы из ФСБ о пересечении границы, выписки с банковских счетов о самостоятельных тратах на бытовые нужды и отсутствии регулярных переводов, переписку, фотографии и др.), показания свидетелей, подтверждающие отсутствие совместного проживания и общего хозяйства и другие доказательства.

¹ «Семейный кодекс Российской Федерации» от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 23.11.2024) // СПС «КонсультантПлюс».

² Антокольская М. В. Семейное право : Учебник. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Юристъ, 2002. 336 с.

³ Семейное право : Учебник / Б. М. Гонгало, П. В. Крашенинников, Л. Ю. Михеева и др. ; под ред. П. В. Крашенинникова. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Статут, 2019.

*Национальный
исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
Шульгина Виктория
Александровна
E-mail: vika.shulgina@mail.ru*

*National Research University
"Higher School of Economics"
Shulgina Viktoria Aleksandrovna
E-mail: vika.shulgina@mail.ru*

Бикбаев Руслан Рястямович

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации»

**ПРЕЗУМПЦИЯ ПРЕДВЗЯТОСТИ АРБИТРА
ИЗ НЕДРУЖЕСТВЕННОЙ ЮРИСДИКЦИИ
В КОНТЕКСТЕ ПРИЗНАНИЯ И ПРИВЕДЕНИЯ
В ИСПОЛНЕНИЕ РЕШЕНИЯ ИНОСТРАННОГО
АРБИТРАЖА В УСЛОВИЯХ САНКЦИОННОГО
ДАВЛЕНИЯ**

Bikbaev Ruslan Ryastyamovich

MGIMO University

**PRESUMPTION OF BIAS OF AN ARBITRATOR
FROM AN UNFRIENDLY JURISDICTION
IN THE CONTEXT OF RECOGNITION
AND ENFORCEMENT OF A FOREIGN ARBITRAL
AWARD UNDER SANCTIONS PRESSURE**

Аннотация: *в настоящем исследовании автор рассматривает актуальные тенденции споров о признании и приведении в исполнение решений иностранных арбитражей. Одной из таких тенденций стала презумпция предвзятости арбитра из недружественной юрисдикции. Автор исследует вопрос природы «непредвзятости», после чего переходит к анализу актуальных российских судебных решений, которыми и была установлена указанная презумпция, дает свою оценку относительно ее формирования.*

Abstract: *the author examines current trends in the recognition and enforcement of foreign arbitral awards. One of such trends is*

the presumption of bias of an arbitrator from an unfriendly jurisdiction. The author examines the nature of 'impartiality' and then proceeds to analyze actual Russian court judgements that have established this presumption and gives his assessment of its formation.

Ключевые слова: презумпция предвзятости, недружественные юрисдикции, санкции.

Key words: *presumption of bias, unfriendly jurisdictions, sanctions.*

Вопрос непредвзятости арбитров и судей является одним из краеугольных камней юридической доктрины и практики. Интерес к этому вопросу понять несложно, ведь он непосредственно оказывает влияние на законность и обоснованность выносимых арбитражных и судебных решений. Непредвзятость безусловно является одним из важнейших профессиональных навыков как судьи, так и арбитра¹.

Стоит отметить, что требование о непредвзятости арбитра является одним из фундаментальных принципов арбитражного разбирательства. Данный принцип нашел свое закрепление в Типовом законе ЮНСИТРАЛ о международном торговом арбитраже², Законе РФ от 07 июля 1993 г. № 5338–1 «О международном коммерческом арбитраже»³ и во всех регламентах авторитетных арбитражных институций.

При этом, если говорить о вынесении арбитражного решения, то вопрос непредвзятости арбитра становится не только вопросом вынесения справедливого решения, но и последующей его судьбы с учетом того, что арбитражное решение по умолчанию не обеспечивается государственным принуждением. Особо актуально изложенное для стороны, в чью пользу в итоге было вынесено решение.

Так, исходя из заявленной темы, в первую очередь речь пойдет о влиянии непредвзятости арбитров на исполнимость иностранных арбитражных решений с учетом особенностей, налагаемых санкционным давлением.

Механизм признания и приведения в исполнение решений иностранных арбитражей является одним из важнейших для существования арбитражных институций в принципе. Логично

предположить, что в его отсутствие арбитражные институты не обладали бы такой популярностью ввиду невозможности практически повсеместного исполнения вынесенных решений. Для реализации повсеместного исполнения арбитражных решений служит Конвенция Организации Объединенных Наций о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений (Заклучена в г. Нью-Йорке в 1958 г.) (далее – «Нью-Йоркская конвенция»)⁴, которая на январь 2025 г. действует в более чем 170 юрисдикциях⁵.

Статьей V Нью-Йоркской конвенции предусмотрен ряд оснований для отказа в признании и приведении в исполнение решений иностранных арбитражей. В практически неизменном виде данные основания были закреплены в ст. 244 АПК РФ⁶ и ст. 417 ГПК РФ⁷.

Нью-Йоркская конвенция и процессуальные кодексы предусматривают такое основание для отказа в признании и приведении в исполнение решений иностранных арбитражей как противоречие публичному порядку. Профессор А. Ван ден Берг отмечает, что данное основание включает в себя в том числе случаи предвзятости арбитров⁸. Изложенный подход полностью поддерживается позицией высших российских судов⁹. То есть вопрос непредвзятости арбитров в любом случае подлежит государственному контролю при приведении арбитражного решения в исполнение, что только подчеркивает его важность¹⁰.

Под публичным порядком в разъяснениях Верховного Суда РФ понимается «фундаментальные правовые начала (принципы), которые обладают высшей императивностью, универсальностью, особой общественной и публичной значимостью, составляют основу построения экономической, политической, правовой системы Российской Федерации»¹¹. При этом суды склонны применять категорию публичного порядка достаточно широко, в частности, в спорах о признании и приведении в исполнение решений иностранных судов и арбитражей¹².

Соответственно, в рамках рассматриваемой проблематики видится промежуточный вывод о крайней важности непредвзятости арбитра для последующего исполнения арбитражного решения.

При этом стоит понимать, что имеется в виду под непредвзятостью арбитров. Считается, что непредвзятость имеет место в случае совпадения критериев независимости и беспристрастности. При этом некоторые авторы отмечают, что понятия «независимость» и «беспристрастность» имеют некое тождество¹³, однако другие авторы с этим не соглашаются, поскольку в основе данных понятий лежат различные критерии – субъективный и объективный¹⁴.

Второй подход нам видится более логичным. Так, под независимостью в юридической доктрине понимается отсутствие между сторонами каких-либо отношений, которые могли бы оказать влияние на мнение арбитра при принятии решения¹⁵. То есть в данном случае речь идет об объективной критерии – отношения либо есть, либо их нет.

Под беспристрастностью понимается такое состояние арбитра, когда у него отсутствует какая-либо заранее сформированная позиция относительно предмета спора и лиц, участвующих в деле¹⁶. Соответственно, беспристрастность является субъективным критерием, который заключается в отсутствии неких сформированных предубеждений относительно всего, что связано с рассмотрением спора. В таком случае найти какие-либо доказательства обратно гораздо сложнее, если арбитр ранее публично не озвучивал свою точку зрения на этот счет.

При этом относительно беспристрастности выделяется также тот факт, что арбитр может не осознавать отсутствие у него беспристрастности. Справедливо отметить, что каждый человек является продуктом воспитания, окружения, образования и так далее, что накладывает определенные ограничения. В частности, касательно сформированного мировоззрения¹⁷. Мы согласимся с автором, что данный подход заслуживает внимания, однако в любом случае на практике должен применяться с осторожностью, поскольку, как нам представляется, в попытке доказать предвзятость у потенциального арбитра возможно столкнуться с очевидными проблемами предвзятости у самого лица, которое выбирает арбитров.

В практике Европейского суда по правам человека отмечалось, что непредвзятость судьи (на наш взгляд, применимо к арбитражу) имеет место в случае, когда отсутствуют какие-либо

сомнения касательно того, что у судьи не имеется заинтересованности в исходе дела, а также личной предубежденности. При этом непредвзятость презюмируется до тех пор, пока не доказано обратное¹⁸.

Отметим, что внешние обстоятельства могут вносить те или иные коррективы в устоявшееся понимание проблематики и накладывать на юристов новые вызовы относительно стандартов непредвзятости арбитров. Так, в частности, Правительством России был утвержден перечень иностранных государств, которые совершают недружественные действия в отношении Российской Федерации¹⁹. Как известно, в рамках данного перечня ограничения налагаются не только на сами государства, но и на условно недружественных лиц, которые являются гражданами / юридическими лицами или резидентами таких государств.

В деле *C. Thywissen GmbH* о признании и приведении в исполнение решения Арбитража Федерации ассоциаций торговли масличными культурами, семенами и жирами от 16 ноября 2022 г. № 4760²⁰ Верховный Суд РФ прямо высказал правовую позицию по рассматриваемому вопросу. Изначально Суд указал на общепринятую позицию о том, что непредвзятость судей или арбитров презюмируется до тех пор, пока не доказано обратное. Однако в последующем отметил, что все арбитра, принимавшие участие в рассмотрении спора против российского общества, были гражданами недружественных стран – Великобритании, Дании и Украины. Исходя из чего Верховный Суд указал, что в контексте современных реалий отсутствие непредвзятости презюмируется пока не доказано обратное. В результате чего дело было возвращено на новое рассмотрение.

Следующее важное дело в контексте рассматриваемой проблематики является дело АО «НС Банк»²¹. В данном деле рассматривались требования АО «НС Банк» о взыскании денежных средств у гаранта по еврооблигациям. Судом первой инстанции иск был оставлен без рассмотрения, поскольку в проспекте облигаций содержалась арбитражная оговорка о передаче всех споров в Лондонский международный арбитражный суд (LCIA). АО «НС Банк» ссылалось на ст. 248.1 АПК РФ, однако такие ссылки не были приняты во внимание судами, поскольку в отношении сторон спора не были введены ограничительные меры.

Суды апелляционной и кассационной инстанций засилили такой подход.

Однако Верховный Суд отменил судебные акты трех инстанций с той мотивировкой, что фактическая возможность ведения спора в иностранной юрисдикции еще не означает полный доступ к правосудию. Так, Верховный Суд отметил значительные обременения по ведению спора в Великобритании со ссылкой на сложности в поиске представителей, уплаты сборов и иные проблемы. Особое внимание Верховный Суд обратил на тот факт, что спор потенциально может рассматриваться арбитрами из недружественных юрисдикций, что будет явно свидетельствовать об отсутствии у них непредвзятости, результатом чего станет вынесение несправедливого решения.

Резюмируя вышесказанное, в актуальной судебной практике явно прослеживается презумпция отсутствия непредвзятости у арбитров из недружественных юрисдикций. С одной стороны, арбитры из недружественных юрисдикций действительно могут иметь предубеждения относительно российских лиц. Однако, как нам представляется, такие предубеждения не должны презюмироваться. В любом случае, стороны в ходе арбитражного разбирательства всегда могут заметить объективную предвзятость и воспользоваться механизмом отвода арбитра. Презумпция же предвзятости арбитра, как нам представляется, крайне несправедлива как по отношению к самому арбитру, так и по отношению к сторонам разбирательства.

¹ Как судьи принимают решения : эмпирические исследования права / под ред. В. В. Волкова. М., 2012. С. 147.

² Типовой закон ЮНСИТРАЛ о международном торговом арбитраже (Принят в г. Нью-Йорке 21 июня 1985 г. на 18-ой сессии ЮНСИТРАЛ) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

³ Закон РФ от 7 июля 1993 г. № 5338–1 «О международном коммерческом арбитраже» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Конвенция Организации Объединенных Наций о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений (Заключена в г. Нью-Йорке в 1958 г.) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Contracting States // The Official Website of the New-York Convention URL: <https://www.newyorkconvention.org/contracting-states> (date of reference: 24.01.2025).

⁶ Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁷ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁸ Van den Berg A.J. Report on the Challenge Procedure // *The Arbitral Process and the Independence of Arbitrators*. New York, 1991. P. 90.

⁹ П. 12 Информационного письма Президиума ВАС РФ от 26 февраля 2013 г. № 156 «Обзор практики рассмотрения арбитражными судами дел о применении оговорки о публичном порядке как основания отказа в признании и приведении в исполнение иностранных судебных и арбитражных решений» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹⁰ Курочкин С. А. Государственные суды в третейском разбирательстве и международном коммерческом арбитраже. М.: Волтерс Клувер, 2008.

¹¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 декабря 2019 г. № 53 «О выполнении судами Российской Федерации функций содействия и контроля в отношении третейского разбирательства, международного коммерческого арбитража» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹² См. например, Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 13 июля 2018 г. № 305-ЭС18-476 по делу № А40-118786/2017; Постановление Арбитражного суда Московского округа от 13 июня 2024 г. № Ф05-9463/2024 по делу № А40-204812/2021 и др. // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹³ Ванюкова Е. М. Независимость и беспристрастность арбитров в международном коммерческом арбитраже // *Вестник международного коммерческого арбитража*. 2014. № 2.

¹⁴ Очирова С. Б. Непредвзятость арбитров в международном коммерческом арбитраже: подходы к оценке // *Международное правосудие*. 2018. № 1 (25).

¹⁵ Born G. V. *International Commercial Arbitration*. 2nd ed. Alphen aan den Rijn: Kluwer Law International, 2014. P. 1777.

¹⁶ Fouchard Ph., Gaillard E., Goldman B. *On International Commercial Arbitration* / ed. by E. Gaillard, J. Savage. The Hague: Kluwer Law International. 1999. P. 564.

¹⁷ Кроль К. И. Проблема предвзятости арбитра // *Аналитика. Arbitration*. ru. 2021. № 6 (30).

¹⁸ Постановление ЕСПЧ от 09 января 2018 г. по делу «Ревтюк (Revtyuk) против Российской Федерации» (жалоба № 31796/10) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹⁹ Распоряжение Правительства РФ от 05 марта 2022 г. № 430-р «Об утверждении перечня иностранных государств и территорий, совершающих недружественные действия в отношении Российской Федерации, российских юридических и физических лиц» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

²⁰ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 26 июля 2024 г. № 304-ЭС24-2799 по делу № А45-19015/2023 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

²¹ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 28.11.2024 N 305-ЭС24-13398 по делу № А40-214726/2023 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

МГИМО МИД России

Бикбаев Руслан Рястямович

E-mail: Ruslan.Bikbaiev.dn@gmail.com

MGIMO University

Bikbaev Ruslan Ryastyamovich

E-mail: Ruslan.Bikbaiev.dn@gmail.com

Карибова Диана Спартаковна

Южный федеральный университет (ЮФУ), г. Ростов-на-Дону

**ЭМОДЖИ, СМАЙЛЫ И ДРУГИЕ НЕТИПИЧНЫЕ
ГРАФИЧЕСКИЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА
В ЦИВИЛИСТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ**

Karibova Diana Spartakovna

Southern Federal University (SFedU), Rostov-on-Don

**EMOJIS, EMOTICONS, AND OTHER ATYPICAL
GRAPHIC PROOFS IN THE CIVIL PROCESS**

Аннотация: целью работы является исследование эмоджи, смайлов и других нетипичных графических доказательств, под призмой их особенностей, таких как: неподготовленность судей, трудности толкования, многогранная культура веб сленга и различия в отображении эмоджи и смайлов на разных технических устройствах. Проведен анализ соответствующей нормативно-правовой базы, обзор как отечественной, так и зарубежной судебной практики по делам, в которых сторонами были представлены вышеперечисленные нетипичные графические доказательства, рассмотрение статистики числа дел с использованием эмоджи в качестве доказательств в разных правовых системах, изучение позиций экспертов в социо-культурной сфере, а также в сфере судебной лингвистики.

Abstract: the aim of the work is to study emoji, emoticons and other atypical graphic evidence, in view of their characteristics such as: unprepared judges, difficulties of interpretation, the diverse culture of web-slang and differences in displaying emoji and emoticons on different devices. Analysis of the relevant legal framework, review of both domestic and foreign jurisprudence in cases where the parties presented the above-mentioned atypical graphic evidence, to examine the statistics of cases involving emoji as evidence in

different legal systems, and to study the positions of experts in the socio-cultural sphere, as well as in the field of judicial linguistics.

Ключевые слова: *оценка нетипичных доказательств, судебная лингвистика, использование эмодзи в суде.*

Key words: *atypical evidence assessment, judicial linguistics, use of emoji in court.*

Институт доказательств и доказывания занимает важное место в любой отрасли процессуального права. Так и в гражданско-процессуальном праве доказательства представляют собой особую судебную категорию, являющуюся основой для осуществления правосудия. Абзац 2 ч. 1 статьи 55 ГПК РФ¹ указывает, что сведения о фактах могут быть получены лишь в строго установленном законом порядке, тем самым ставя нормативные рамки не только в отношении самих доказательств, но и в выборе средств доказывания, т.е. источников тех самых «сведений о фактах». Однако, судебная практика в целом и комментарии к данной статье доказывают тот факт, что перечень средств доказывания может быть растолкован достаточно расширительно, с учетом индивидуальных обстоятельств в каждом гражданском процессе.

Закон ускорения исторического времени утверждает, что на каждую последующую стадию развития общества уходит меньше времени, чем на предыдущую. Не удивительно, что законодатель просто не успевает идти в ногу с общественным прогрессом во всех областях права, так как процесс законотворчества требует огромных интеллектуальных ресурсов и тщательной проработки норм, во избежание появления негативных политических, социальных, экономических и правовых последствий.

Примером экстенсивности толкования может послужить появление в процессуальной практике эмоджи, смайлов и других нетипичных графических судебных доказательств. Поскольку эмоджи и их «родственники» смайлы стремительно превратились из веб-сленга в неофициальный язык эпохи Интернета, количество примеров использования подобных нетипичных доказательств в судебном процессе растёт.

Популярность эмодзи в США резко возросла после того, как Apple в 2011 году включила клавиатуру с эмодзи в свой iPhone. По оценкам рекламной кампании Swyft Media, каждый день отправляется 6 миллиардов смайликов и других пиктограмм². По словам Эрика Голдмана, профессора права Университета Санта-Клары, который отслеживает обнародованные судебные акты, число дел с использованием эмоджи в качестве доказательств в Америке увеличилось с 33 в 2017 году до 53 в 2018 году, а уже на первую половину 2019 года составило почти 50³.

«Китайские судебные органы зарегистрировали 158 исков, в которых эмоджи и другие онлайн-пиктограммы были признаны доказательствами за последние пять лет», – писал Верховный суд восточной провинции Цзянсу⁴. Число дел, в которых это современное средство коммуникации используется в качестве доказательства в судебных процессах, увеличилось всего с восьми в 2018 году до 61 в 2021 году. Использование смайликов, стикеров и мемов, которые по-китайски называются biaoqingbao, уже давно стало частью лексикона социальных сетей. Опрос 2021 года, проведенный China Youth Daily, показал, что более 70% из 4 351 респондента-студента использовали такие визуальные элементы для передачи своих эмоций⁵.

Таким образом, ещё пару лет назад дел с использованием нетипичных смайлов-доказательств было не так много, однако в наши дни подобная процессуальная практика набирает обороты и встречается все чаще. Возможно, это связано с техническим прогрессом и развитием возможностей сети «Интернет». Возможно, с новой фазой социально-культурного развития, где коммуникация приобретает преимущественно электронный характер. Возможно, ситуацию накалила пандемия, когда люди были заперты в онлайн-пространстве, и, соответственно, правоотношения стали также приобретать онлайн характер.

Исследование эмоджи, смайлов и других нетипичных графических доказательств обладает рядом особенностей: неподготовленность судей, трудности толкования, многогранная культура веб-сленга и различия в отображении эмоджи и смайлов на разных технических устройствах. Рассмотрим каждый из этих аспектов более подробно.

Суд производит оценку доказательств на основании конкретных норм законодательства и собственного правосознания. В случае же нетипичных доказательств суд вынужден полагаться только лишь на собственное правосознание и аналогию закона, что, само собой, зачастую ставит судей в трудное положение.

«Судьи не готовы к такому наплыву подобных доказательств, особенно те, кто уже в возрасте и, возможно, не знаком с интернет-культурой», – сообщает партнер юридической фирмы Vinson & Elkins Джейсон Левин, который работал над делами, в которых эмодзи использовались в качестве доказательств⁶. Что имеется в виду под трудностями толкования? По словам аналитика ABI Research Стефани Томсетт, эмодзи могут быть абсолютно неверно истолкованы, когда используются без текста. Например, лицо в солнцезащитных очках можно использовать, чтобы транслировать, с одной стороны – «солнечный день», а с другой – «смирись с этим». Аналогично, эмодзи с дымом, выходящим из носа, можно интерпретировать как «злость», но в то же время оно может означать «триумф»⁷. Практически невозможно истолковать смайлы и эмоджи, когда они не сопровождаются текстовыми пояснениями. Следовательно, эмоджи нельзя считать универсальным языком. В соответствии с Unicode версии 13.0 существует 3 304 символа эмодзи, они подразделяются на 10 блоков Unicode, начиная от еды и напитков и заканчивая жестами рук и выражением лица.

Поскольку за последние несколько лет использование эмодзи во всем мире быстро возросло, возникла путаница в их значении и использовании – как внутри разных культур, так и между ними. В каждом конкретном случае суды должны учитывать контекст переписки, социальный круг, к которому принадлежат ее участники, личное отношение лиц к написанному и друг к другу. Иногда для определения смысла переписки суды прибегают к лингвистической экспертизе, с привлечением специалистов в области лингвистики и социальной психологии.

Но на практике суды чаще самостоятельно трактуют эмодзи по собственному усмотрению.

Интересно, что в 2017 году Today Translations⁸ представило первого в мире эксперта по переводу эмодзи. Этот профессионал – Кит Брони, сказал: «Нет никаких сомнений в том, что

эмодзи являются мощными коммуникативными инструментами, позволяющими выражать эмоции и понимать их, особенно там, где могут существовать традиционные языковые барьеры. Однако мы знаем, что не в каждой культуре одни и те же эмодзи интерпретируются одинаково»⁹. Так, например, поднятый вверх большой палец был предметом дискуссий как оскорбительный или вульгарный на Ближнем Востоке, в то время как в других частях мира это признак чего-то хорошего. Точно так же в Китае ангел-эмодзи, который на Западе может обозначать невинность, невинность или доброе дело, используется как знак смерти и может восприниматься как угроза.

Также известно, что эмоджи отображаются по-разному на различных платформах. Хотя консорциум Unicode устанавливает стандарт для эмодзи, производители программного обеспечения затем разрабатывают версии для своих платформ, открывая путь для несоответствий и недопонимания. Например, эмодзи "пистолет" на одних устройствах выглядит как настоящий пистолет, а на других – как водяной или игрушечный пистолет.

В своей работе я бы хотела привести несколько конкретных примеров реальных дел, где нетипичные доказательства сыграли свою роль.

Так, например, в Китае суд промежуточной инстанции в городе Шэньчжэнь признал ответ с использованием эмодзи «солнце» одобрением продления договора аренды. Но, с другой стороны, Окружной суд в восточной провинции Аньхой в 2020 году заявил, что значок, отсылающий к жесту "ОК", не является доказательством акцепта кредитного договора¹⁰.

Что касается российской практики, то в пример можно привести уголовное дело № 1-144/2019. В данном случае в числе доказательств было предоставлено электронное сообщение, в котором обвиняемая использовала значок денежного мешка (эмодзи), сообщая о необходимости подготовить денежную сумму для передачи в ближайшие дни¹¹.

В уголовном деле № 1-58/2019 в качестве доказательства мошенничества суду была представлена переписка обвиняемого с потерпевшим. При вынесении приговора суд также учитывал, что в данной переписке обвиняемый использовал грустные смайлики для убедительности и проявления жалости¹². По

причине специфики института нетипичных доказательств на практике они встречаются преимущественно в уголовном процессе. Однако в гражданском процессе также можно встретить подобное правовое явление. Так, Мосгорсуд признал законным отказ в иске москвичу, который пытался взыскать с Apple почти 1 000 000 рублей за размещение в смартфонах смайликов с изображением однополых семей¹³. В качестве доказательств в данном деле были приложены изображения «Эмодзи», указанные в протоколе осмотра письменных доказательств, оформленном нотариусом.

Таким образом, эмоджи-доказательства могут появляться в материалах дела как в контексте переписки, так и вне текстового сопровождения. Возможно именно поэтому законодатель пока не готов обобщить рассматриваемую процессуальную практику, разработав специальную нормативную базу для урегулирования вопроса представления нетипичных доказательств. На данный момент стороны в гражданском процессе вынуждены ориентироваться на аналогию закона, соблюдая при процессуальных действиях смежные нормы.

Я бы хотела завершить свою статью высказыванием на рассматриваемую тему Эрика Голдмана, профессора школы права Университета Санта-Клары и директора Института права высоких технологий. «С распространением любой новой технологии наступает период адаптации для всех, включая судей», – сказал он, – «По мере того, как судьи будут лучше знакомиться с эмодзи, они будут находить наилучшие способы адаптировать существующие правовые принципы к ним».

¹ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» от 14.11.2002 № 138-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002 г. № 46. Ст. 4532 с изм. и допол. в ред. от 28.12.2024.

² A 12-year-old girl is facing criminal charges for using certain emoji. She's not alone. // The Washington Post. URL: <https://www.washingtonpost.com/news/local/wp/2016/02/27/a-12-year-old-girl-is-facing-criminal-charges-for-using-emoji-shes-not-alone/> (дата обращения: 28.01.2025).

³ Emojis are increasingly coming up in court cases. Judges are struggling with how to interpret them // CNN Business. URL: <https://edition.cnn.com/2019/07/08/tech/emoji-law/index.html> (дата обращения: 28.01.2025).

⁴ Chinese Courts See Rise in Emojis Used as Evidence in Lawsuits // Sixth Tone. URL: <https://www.sixthtone.com/news/1010658> (дата обращения: 28.01.2025).

⁵ Chinese Courts See Rise in Emojis Used as Evidence in Lawsuits // Sixth Tone. URL: <https://www.sixthtone.com/news/1010658> (дата обращения: 28.01.2025).

⁶ Emojis are increasingly coming up in court cases. Judges are struggling with how to interpret them // CNN Business. URL: <https://edition.cnn.com/2019/07/08/tech/emoji-law/index.html> (дата обращения: 28.01.2025).

⁷ Emojis are increasingly coming up in court cases. Judges are struggling with how to interpret them // CNN Business. URL: <https://edition.cnn.com/2019/07/08/tech/emoji-law/index.html> (дата обращения: 28.01.2025).

⁸ Бюро переводов со штаб-квартирой в Лондоне, Великобритания.

⁹ The World's First Emoji Translator // Today Translations. URL: <https://www.todaytranslations.com/news/the-worlds-first-emoji-translator/> (дата обращения: 28.01.2025)

¹⁰ Chinese Courts See Rise in Emojis Used as Evidence in Lawsuits // Sixth Tone. URL: <https://www.sixthtone.com/news/1010658> (дата обращения: 28.01.2025).

¹¹ Приговор Ленинского районного суда г.Перми (Пермский край) от 08.07.2019 № 1-144/2019 // СудАкт: Судебные и нормативные акты РФ. 2019.

¹² Приговор Яшкульского районного суда Республики Калмыкия от 4 сентября 2019 г. № № 1- 58/2019 // СудАкт: Судебные и нормативные акты РФ. 2019.

¹³ Апелляционное определение Московского городского суда от 18.12.2015 № 33-41370/2015 // Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы. 2015.

*Южный федеральный
университет (ЮФУ)
Карибова Диана Спартаковна
E-mail: dikaribova@yandex.ru*

*Southern Federal University
(SFedU)
Karibova Diana Spartakovna
E-mail: dikaribova@yandex.ru*

Князева Анна Анатольевна

*Волго-Вятский институт (филиала)
Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), г. Киров*

**К ВОПРОСУ ОБ ОТДЕЛЬНЫХ ВИДАХ
ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЙ ПРОЦЕССУАЛЬНЫМИ
ПРАВАМИ В ЦИВИЛИСТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ**

Knyazeva Anna Anatolyevna

*Volgo-Vyatka Institute (branch)
O. E. Kutafin University (MSAL), Kirov*

**ON THE ISSUE OF CERTAIN TYPES OF ABUSE
OF PROCEDURAL RIGHTS IN CIVIL PROCEEDINGS**

Аннотация: в статье поднята проблема злоупотребления процессуальным правом сторонами судебного разбирательства в цивилистическом процессе, рассмотрены отдельные виды злоупотребления правами на примерах конкретных дел из судебной практики. Выделены основные признаки злоупотребления процессуальным правом, а также подчеркнуты проблемные вопросы в правовом регулировании, относительно фактов выявления и пресечения судами случаев злоупотребления со стороны участников процесса.

Abstract: this article raises the problem of abuse of procedural rights by parties to a civil trial, examines individual types of abuse of rights using examples of specific cases from the judicial practice. The main signs of abuse of procedural rights are identified, and problematic issues in legal regulation are emphasized regarding the facts of detection and suppression by courts of facts of abuse by participants in the process.

Ключевые слова: злоупотребление процессуальными правами, гражданский процесс, виды злоупотребления, недобросовестное поведение.

Key words: abuse of procedural rights, civil procedure, types of abuse of rights, bad faith behavior.

В настоящее время возрастает тенденция злоупотребления процессуальными правами со стороны участников гражданского процесса. Данный негативный аспект, безусловно, сказывается на работе всей судебной системы. Участники процесса пытаются использовать представленные им процессуальные права не в соответствии с их прямым назначением, что проявляется на протяжении всей процедуры рассмотрения дела в суде, начиная от подачи заведомо безосновательных исковых заявлений на начальном этапе и заканчивая уклонением сторон от исполнения судебных решений.

В результате указанного противоправного поведения возникают такие негативные последствия как: снижение авторитета судебной власти перед гражданами, юридическими лицами и субъектами процесса, происходит затягивание судебного разбирательства, увеличение судебных расходов на услуги представителей, длительное восстановление нарушенных прав и обязанностей сторон.

Одним из ключевых моментов, который существует в рассматриваемой теме – это отсутствие нормативно закрепленного и устоявшегося перечня видов злоупотреблений процессуальными правами, несформированность критериев, по которым суд и стороны могли бы эффективно пресекать выявленные факты злоупотребления правом, а также судебная практика, которая находится еще в стадии формирования и становления.

Но данные обстоятельства лишь подчеркивают значимость и актуальность затронутой темы. В настоящей статье будут рассмотрены некоторые виды злоупотребления процессуальными правами, которые были допущены участниками гражданского процесса. Анализ приведенных ситуаций позволит иметь более четкое представление об отдельных видах злоупотреблений, действуя по принципу «процессуального врага нужно знать в лицо».

Перед тем как обратиться к конкретным примерам, стоит пояснить, что в научной литературе виды злоупотреблений подразделяются на те, которые совершаются в активной форме (действия) и пассивной форме (бездействие). Данную классификацию приводит в своей работе О. В. Третьякова¹.

В свою очередь злоупотребление правом в активной форме подразделяется на: злоупотребление правом в целом (к данной

категории относят подачу заявления для возбуждения заранее проигрышного дела, подачу искового заявления в суд для затягивания другого процесса), а также на злоупотребление конкретным правом (злоупотребление правом на отложение судебного заседания, подачу заявлений о назначении судебных экспертиз, которые не способствуют разрешению спора по существу).

К числу же злоупотребления в пассивной форме можно отнести неполучение судебных извещений, уклонение от выполнения указаний суда, уклонение участников от участия в примирительных процедурах и прочие.

Теперь, на основе судебной практики арбитражных судов рассмотрим наиболее часто встречающиеся виды (способы) злоупотребления процессуальными правами.

В приведенной выше классификации был упомянут такой способ злоупотребления, как заявление безосновательного ходатайства об отложении судебного разбирательства.

Данный факт на стороне истца был усмотрен Арбитражным судом Кировской области при рассмотрении дела №А28-15555/2022. Исковое заявление было подано ресурсной организацией к потребительскому кооперативу и администрации города об обязанности освободить охранную зону тепловых сетей на земельном участке путем выноса надземных овощных кладовок. Истец в судебные заседания не обеспечивал явку, в судебном заседании после которого судом было принято решение по делу, ходатайствовал об очередном отложении, поскольку ему необходимо провести повторное актирование нарушений, при наличии неточностей при подаче искового заявления. Сторона ответчиков возражала против удовлетворения ходатайство и указала, что истец, являясь профессиональным субъектом, собственными силами уже провел актирование. При этом истец обладает специальными познаниями, специальными измерительными приборами и обученными кадрами. Ответчик не оспаривает результаты актирования и согласен с ними. Получается, что истец, ходатайствуя о повторном актировании, своими действиями хочет опровергнуть свои же действия, что в данном случае не является основанием для назначения экспертизы, если в последующем будет ее заявлять, что будет являться основанием для общеправового принципа эстопель.

Ответчик указывает на недобросовестное поведение со стороны истца.

Суд, усмотрев злоупотребление процессуальным правом со стороны истца и полагает, что его действия направлены на затягивание рассмотрения настоящего дела, в связи с чем, отказывает в удовлетворении ходатайства об отложении судебного разбирательства. К тому же, как указал суд первой инстанции, выбранный истцом способ защиты права влечет за собой существенное нарушение прав ответчика на основе формальных критериев в отсутствие доказательств реального ущемления прав и законных интересов истца. Ну и, как следствие, истцу было отказано в удовлетворении исковых требований.

Из приведенного примера следует два факта злоупотребления правом со стороны ответчика – заявление безосновательного искового заявления в отсутствие доказательств ущемления прав и интересов истца, а также подача ходатайств, направленных на затягивание судебного разбирательства².

Следующий момент, который хотелось бы затронуть – подача встречного искового заявления для затягивания судебного разбирательства. Данное обстоятельство было отражено в постановлении Второго арбитражного апелляционного суда по делу №А28- 2071/2023. В рамках данного дела истец обратился в суд к ответчику с заявлением о взыскании задолженности за тепловые ресурсы. После принятия заявления судом к производству от ответчика поступило встречное исковое заявление с требованием об обязанности истца произвести перерасчет излишне начисленной платы за коммунальные ресурсы за период, который был заявлен первоначальным истцом. Суд первой инстанции вернул встречное исковое заявление, что явилось основанием для подачи апелляционной жалобы. Суд апелляционной инстанции согласился в решении и выводами суда первой инстанции и указал: в соответствии с разъяснениями, изложенными в абзаце 3 пункта 32 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.12.2021 № 46 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в суде первой инстанции», арбитражный суд, установив, что встречный иск не был своевременно подан лицом, участвующим в деле, вследствие злоупотребления процессуальным правом и

его подача со всей очевидностью направлена на воспрепятствование рассмотрению дела (затягивание судебного разбирательства), на основании части 2 статьи 41, части 5 статьи 159 АПК РФ вправе вынести определение о возвращении встречного иска. К рассматриваемому делу, суд указал, что рассмотрение встречного иска не будет способствовать более быстрому, правильному рассмотрению дела, а приведет к значительному увеличению сроков рассмотрения первоначального иска ввиду необходимости подготовки сторон с учетом вновь заявленных встречных требований, что является основанием для возврата встречного искового заявления³.

Отметим, что исходя из анализа решений судов, можно подчеркнуть, что проблема подачи безосновательных исков достаточно актуальна, и стороны процесса активно используют данный механизм для затягивания судебного разбирательства. В качестве примера укажем также постановление Арбитражного суда Кировской области от 5 октября 2022 г. по делу № А28-5182/2021, решение Арбитражного суда Кировской области от 13 сентября 2022 г. по делу № А28-16769/2021. Во всех данных актах суды установили злоупотреблением правом на подачу встречного искового заявления.

В качестве примера безосновательного заявления ходатайств отметим решение Арбитражного суда Кировской области от 5 июля 2022 г. по делу № А28-6073/2021. В данном судебном акте суд указал, что обращение истца в арбитражный суд с заявлением о фальсификации доказательств по истечении года с момента представления их в суд самим истцом, без указания конкретных признаков материального подлога, ходатайства о проведении экспертизы с целью проверки этого заявления, в день судебного разбирательства, без заблаговременного направления копии заявления ответчику (что исключило представление письменной позиции и доказательств в опровержение указанного заявления), с очевидностью свидетельствует о том, что данное заявление направлено исключительно на затягивание рассмотрения спора, срыв судебного заседания. При этом суд принял во внимание, что истец ранее неоднократно допускал несвоевременное представление доказательств и ходатайств ответчику, не привел объективных причин, по которым данное хо-

датайство не было заявлено им ранее. К таковым суд не может отнести неосведомленность истца о таком способе процессуальной защиты при наличии у него профессионального представителя. На основании изложенного, в удовлетворении заявления истца о фальсификации доказательств было отказано⁴.

Из указанного дела следуют также два примера злоупотребления правом – это не направление заблаговременно противоположной стороне приобщаемых к процессу документов, а также заявление безосновательных ходатайств о фальсификации доказательств.

Как можно заметить, видов злоупотреблений процессуальными правами со стороны участников процесса достаточно много и они проявляются совершенно в разных аспектах. Приведенные примеры из судебной практики, конечно, не содержат исчерпывающего перечня видов злоупотреблений правом, но позволяют иметь представление о некоторых из них.

Проанализировав указанные судебные дела, мы можем подытожить, что при установлении факта злоупотребления процессуальными правами суды устанавливают:

1) наличие или отсутствие цели совершения процессуального действия, отличного от цели, обычно преследуемой при реализации соответствующего субъективного права;

2) наличие или отсутствие действий лиц, участвующих в деле, превышающих пределы дозволенного правом осуществления правомочий;

3) наличие или отсутствие негативных правовых последствий для производства по конкретному делу, а также прав и законных интересов других участников процесса.

Обнаружив данные обстоятельства, суды устанавливают на стороне участников процесса злоупотребление, следовательно, данные пункты следует рассматривать и как признаки злоупотребления процессуальным правом на стороне участников разбирательства.

Учитывая, что злоупотребление сторонами своими правами все чаще встречается в процессе рассмотрения и разрешения дел, а также принимая во внимание многообразие видов этих злоупотреблений, представляется, что устранению существующих противоречий в оценке фактов злоупотребления процес-

суальными правами в значительной мере способствовала бы реализация унифицированного подхода к решению данной проблемы в процессуальном законодательстве, а также формирование Верховным Судом Российской Федерации соответствующей судебной правовой позиции, которая поможет судам выявлять признаки злоупотребления права, обозначить возможные формы его проявления, а также определить последствия совершения злоупотребления. Данные положения облегчат работу судебной системы и будут способствовать ускорению судебного разбирательства и разрешению дел, а как следствие, будет реализован механизм по наиболее скорому восстановлению нарушенных прав пострадавшей стороны.

¹ Третьякова Т. О. Проблемы злоупотребления процессуальным правом в гражданском и арбитражном процессе // БГЖ. 2018. № 2 (23). С. 418–420.

² Решение Арбитражного суда Кировской области от 31.05.2023 года по делу №А28-1555/2022 [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации.

³ Постановление второго арбитражного апелляционного суда от 13.12.2022 года по делу №А28-1273/2022[Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации.

⁴ Решение Арбитражного суда Кировской области от 5 июля 2022 г. по делу № А28-6073/2021[Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации.

<i>Волго-Вятский институт (филиала) Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА)</i>	<i>Volgo-Vyatka Institute (branch) O. E. Kutafin University (MSAL)</i>
<i>Князева Анна Анатольевна E-mail: kniajna@list.ru</i>	<i>Knyazeva Anna Anatolyevna E-mail: kniajna@list.ru</i>

Колобынина Екатерина Алексеевна

*Казанский филиал Российского государственного университета
правосудия г. Казань*

ГЛАСНОСТЬ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССА

Kolobynina Ekaterina Alekseevna

Kazan Branch of the Russian State University of Justice, Kazan

GLASNOST AT THE CURRENT STAGE OF THE DEVELOPMENT OF THE CIVIL PROCEDURE

Аннотация: цифровые технологии играют всё более важную роль в правовой системе, трансформируя разрешение споров и традиционное понимание судопроизводства. Данная статья исследует влияние цифровизации на основополагающие начала гражданского процесса, фокусируясь на изменении принципа гласности. Автор рассматривает как положительные, так и отрицательные аспекты данного явления.

Abstract: digital technologies are playing an increasingly important role in the legal system, transforming dispute resolution and the traditional understanding of legal proceedings. This article explores the impact of digitalization on the fundamental principles of the civil process, focusing on changing the principle of transparency. The author considers both positive and negative aspects of this phenomenon.

Ключевые слова: цифровизация, гражданский процесс, принцип гласности, публичность правосудия.

Keywords: digitalization, civil procedure, principle of transparency, publicity of justice.

Современный этап развития общества характеризуется стремительной трансформацией общественных отношений под влиянием повсеместной цифровизации. Этот процесс глубоко затрагивает и сферу правосудия, в частности, принцип гласности

судебного разбирательства, который приобретает особую актуальность и нуждается в переосмыслении с учетом новых реалий. Традиционно гласность рассматривается как один из фундаментальных принципов гражданского процесса, обеспечивающий прозрачность и доступность правосудия для всех участников и общества в целом. Данный принцип служит гарантом справедливого и беспристрастного судебного разбирательства, позволяя контролировать деятельность судебных органов. В условиях цифровизации принцип гласности сталкивается как с новыми возможностями, так и с серьезными вызовами.

С одной стороны, современные информационные технологии создают беспрецедентные условия для реализации гласности. Онлайн-трансляции судебных заседаний, публикация судебных актов в сети Интернет, электронные сервисы для обращения в суд – все это значительно расширяет доступ к информации о деятельности судов, делая правосудие более открытым и понятным для граждан. Такая «цифровая гласность» способствует повышению доверия к судебной системе, укреплению законности и правопорядка.

С другой стороны, цифровая среда порождает новые риски, требующие пристального внимания и тщательной проработки. Обеспечение защиты персональных данных участников судебного процесса, предотвращение несанкционированного доступа к информации, борьба с дезинформацией и потенциальной манипуляцией общественным мнением – эти проблемы выходят на первый план в условиях цифровой трансформации. Необходимо найти баланс между обеспечением гласности и защитой прав и интересов участников процесса, а также предотвращением злоупотреблений возможностями, предоставляемыми цифровыми технологиями. В противном случае, стремление к максимальной открытости может привести к нарушению прав граждан и подрыву доверия к правосудию.

Стоит отметить, что цифровизация судебной деятельности выводит принцип гласности на новый этап восприятия, расширяя доступ к информации и увеличивая прозрачность правосудия в таких формах и масштабах, о которых до внедрения информационных технологий говорить не приходилось. Онлайн-платформы и цифровые архивы делают судебные материалы доступными

для невероятно широкой аудитории. О развитии публичности правосудия такого уровня еще лет десять назад можно было только мечтать, а сейчас это самая обыденная реальность. Стоит отметить, что публичность достигается в полной мере лишь при открытости и доступности такой деятельности.

Открытость подразумевает под собой все возможные способы получения информации о судоустройстве, и, по мнению А. А. Смолы, соотносится с гласностью как целое и ее часть, включая в себя понятие гласности, как принцип, определяющий открытость рассмотрения дела во всех судебных органах¹. Наиболее актуальным элементом открытости в трансформации принципа гласности представляется трансляция на интернет-платформах судебных процессов, что обеспечивает гласность, публичность и открытость одновременно.

Этот инструмент был применен еще в 2009 году Верховным Судом Канады, а в 2018 году Апелляционный суд Англии и Уэльса стал проводить трансляции судебных заседаний в прямом эфире на YouTube-канале суда². С 2015 года такая практика стала возможной для реализации во всех федеральных судах РФ. Вероятно, на данном этапе этот инструмент требует наибольшего распространения, впрочем, нельзя забывать и о безопасности, которая без должной информационной защиты каналов связи и интернет-платформ может быть поставлена под угрозу, чего ни коем образом нельзя допустить.

В этой связи появляется вопрос о потенциальной проблеме незащищенности данных и возможности несанкционированного доступа к судебным материалам. Кажется, что такая задача не вызывает трудности в решении – профессиональные IT-специалисты могут установить необходимую информационную защиту. Однако здесь назревает новая проблема – привлечения таких специалистов и в дальнейшем использование работниками судов сложных технических программ. Идеальным решением видится подготовка межотраслевых специалистов, понимающих суть как цифровых, так и правовых явлений. Из более достижимого – необходимо проводить разъяснение основных понятий и обучать уже действующих судебных специалистов базовым принципам работы с IT-технологиям, но и данное решение указанной проблемы требует немалых человеческих ресурсов и материальных затрат.

Что касается доступности, то она неразрывно связана с открытостью правосудия и обеспечивается обнародованием актов суда через электронные сервисы правосудия; аудио- и видео-протоколированием судебного процесса; новыми формами извещения участников гражданского процесса – смс-оповещением, а также посредством Госуслуг³. Одним из самых важных, на наш взгляд, механизмов доступности правосудия является система видеоконференц-связи (далее – ВКС), которая все активнее применяется судами. Это позволяет проводить судебные заседания или отдельные процессуальные действия, не требуя физического присутствия всех участников в одном зале суда. Согласно статистическим данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ каждый год доля судебных заседаний, проводимых судами с использованием системы ВКС увеличивается примерно на 40 %⁴. Однако, несмотря на прогресс данного аспекта в связи с информатизацией судебного процесса, это явление приносит с собой новые сложности, наиболее актуальной из которых в настоящее время представляется отсутствие технических возможностей у большого количества граждан для участия в гражданском процессе с использованием новых технологий. Техническая неоснащенность не только затрудняет реализацию элемента доступности, но и может приводить к нарушению принципа равенства участников процесса, так как одни граждане имеют все средства и навыки и могут использовать новые инструменты в защите своих прав, а у других в силу различных обстоятельств такая возможность отсутствует⁵. Не исключены также технические сбои и неполадки, неподконтрольные участникам процесса. Так, 8 июля 2021 года Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ вынесла Определение № 302-ЭС21-3164 по делу № А74-14640/2019, которое касалось проведения судебного заседания посредством систем ВКС. Верховный Суд отменил решение, вынесенное по делу без участия истца, и отметил, что суды не должны нарушать положения о доступности правосудия, рассматривая дела в отсутствие одной из сторон, если такое отсутствие обусловлено невозможностью подключения посредством системы ВКС вследствие технических сбоев⁶.

В целом можно сделать вывод, что цифровизация судопроизводства предоставляет новые возможности для реализации

принципа гласности в гражданском процессе, делая его более прозрачным и доступным. Однако важно учитывать риски, связанные с конфиденциальностью, безопасностью и цифровым разрывом, и разрабатывать механизмы их минимизации. Отвечая на вопрос, поставленный в начале исследования, отметим, что в настоящее время трансформация принципа гласности не достигла идеального равновесия, однако законодательная и судебная деятельность направлена на поиск оптимального баланса между правом общества на доступ к информации о судопроизводстве и необходимостью защитить частную жизнь, государственную тайну и обеспечить безопасность участников процесса.

¹ Смола А. А. Актуальные вопросы реализации принципа гласности судебного разбирательства в арбитражных судах Российской Федерации // Вестник гражданского процесса. 2012. № 5. С. 47–77.

² Луконина Ю. А. Трансформация основополагающих начал гражданского процессуального права в аспекте цифровизации правосудия по гражданским делам // Арбитражный и гражданский процесс. 2020. №. 10. С. 42–45.

³ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 08.08.2024, с изм. от 01.09.2024) // СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.

⁴ Данные судебной статистики / Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ.

⁵ Искакова А. И., Ткачева Н. Н. Проявление принципа гласности судебного разбирательства по гражданским делам в условиях цифровизации // Вестник науки. 2024. Т. 2. №. 4 (73). С. 232–236.

⁶ Определение ВС РФ от 8 июля 2021 г. № 302-ЭС21-3164 по делу № А74-14640/2019.

Казанский филиал Российского государственного университета правосудия *Kazan Branch of the Russian State University of Justice*
Колобынина Екатерина Алексеевна *Kolobytnina Ekaterina Alekseevna*
E-mail: k.85.27.3@gmail.com *E-mail: k.85.27.3@gmail.com*

Луцаева Татьяна Дмитриевна

ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», г. Красноярск

**К ВОПРОСУ О НЕДОБРОСОВЕСТНЫХ ИСКАХ
КАК ФОРМЕ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ
ПРОЦЕССУАЛЬНЫМ ПРАВОМ**

Lushchaeva Tatiana Dmitrievna

Siberian Federal University, Krasnoyarsk

**ON THE ISSUE OF UNFAIR CLAIMS AS A FORM
OF ABUSE OF PROCEDURAL RIGHT**

Аннотация: целью исследования является обоснование необходимости разработки системы мер, препятствующих удовлетворению истцом корыстных целей посредством злоупотребления правом на обращение в суд. В данной статье особое внимание уделено подходам к пониманию злоупотребления процессуальным правом и характеристике такой формы, как злоупотребление правом на обращение в суд путем подачи недобросовестных основательных и неосновательных исков.

Abstract: the aim of the research is to substantiate the necessity to develop a system of measures that prevent the claimant from satisfying selfish goals through abuse of the right to apply to the court. In this article special attention is paid to approaches to understanding the abuse of procedural right and to the characterization of such a form as abuse of the right to apply to the court by making unfair reasonable and baseless claims.

Ключевые слова: злоупотребление правом, недобросовестные иски.

Key words: abuse of right, unfair claims.

На сегодняшний день в российском процессуальном законодательстве отсутствует достаточное урегулирование института злоупотребления правом. В первую очередь, это связано с тем, что закон не дает легальной дефиниции данного понятия. Отсут-

ствие правовой определенности порождает проблемы отнесения того или иного поведения субъекта к злоупотреблению правом, что препятствует эффективной работе системы правосудия в целом.

В юридической науке существуют несколько подходов к пониманию злоупотребления процессуальным правом. Так, Васильковский Е.В. считает, что такое злоупотребление представляет собой не что иное, как осуществление процессуальных прав тяжущимися для достижения целей, несогласных с основной целью процесса – правильным и скорым разрешением дел¹. Одновременно, Юдин А. В. рассматривает злоупотребление правом как форму гражданского процессуального правонарушения. Иными словами, он характеризует его как умышленные недобросовестные действия участников гражданского процесса (а также – суда), сопровождающиеся нарушением условий осуществления субъективных процессуальных прав. А под целью такого злоупотребления понимает ограничение возможности реализации или нарушение прав других лиц, участвующих в деле, а также воспрепятствование деятельности суда по правильному и своевременному разрешению дела².

Таким образом, согласно первой позиции, специфика процессуального злоупотребления правом заключается в направленности на причинения вреда интересам правосудия и интересам лиц, участвующих в деле. Сторонники данного подхода в качестве основы берут легальное определение из ст. 10 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ) и насыщают его материальный смысл процессуальными особенностями³.

Между тем в доктрине существует иная точка зрения. В рамках нее основной целью злоупотребления правом является стремление субъекта удовлетворить (или проявить) противоправным способом свои материальные интересы, стремления и эмоции⁴. Отсюда следует, что цель – выступает основным критерием разграничения подходов. В частности, во втором случае она имеет личный характер и направлена вовнутрь, а не вовне.

Возвращаясь к злоупотреблению правом, основным критерием его отграничения от правомерных действий выступает добросовестность. В ст. 35 Гражданского процессуального кодекса РФ (далее – ГПК РФ) установлено, что лица, участвующие в деле,

должны добросовестно пользоваться всеми принадлежащими им процессуальными правами⁵. Так, в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 21.01.2016 № 1 говорится, что «оценивая действия сторон как добросовестные или недобросовестные, следует исходить из поведения, ожидаемого от любого участника гражданского оборота, учитывающего права и законные интересы другой стороны, содействующего ей, в том числе в получении необходимой информации»⁶.

Между тем, помимо добросовестности, в науке выделяют еще такой критерий злоупотребления правом, как разумность. В частности, Боловнев М.А. считает, что разумное поведение субъекта предполагает учет сложившихся к нему требований и сформированных ценностей права и является правомерным, осмотрительным, соответствующим при этом ожиданиям иных участников⁷. Другими словами, если добросовестность отвечает за честность и прямоту, то разумность – за осознание целесообразности и причинно-следственной связи между действиями и их последствиями.

Таким образом, в основу отнесения того или иного поведения субъекта к злоупотреблению правом лежат критерии добросовестности и разумности. Их роль в данном вопросе нельзя недооценивать, так как исчерпывающий перечень злоупотреблений процессуальным правом отсутствует.

Между тем на практике и в доктрине существуют устоявшиеся примеры подобного злоупотребления правом. К ним, в частности, относят: неявку в суд без уважительной причины, непредоставление доказательств по запросу суда, бесосновательное заявление об отводе, злоупотребление правом на иск и прочее. Остановимся подробнее на рассмотрении злоупотребления правом на иск как на наиболее существенном злоупотреблении процессуальным правом.

Начнем с того, что, несмотря на наличие устоявшейся формулировки «злоупотребление правом на иск», на сегодняшний день будет точнее говорить о злоупотреблении правом на обращение в суд. Такая корректировка понятий важна в связи с двумя моментами.

Во-первых, в отечественной доктрине принято выделять три концепции понимания иска: материально-правовую, процессу-

ально-правовую, а также концепцию единства категории «иск» (смешанную). Первая заключается в том, что иск есть требование одного лица к другому, правомочие на защиту в рамках субъективного права; а вторая понимает иск как процессуальную категорию, то есть обращение в суд за защитой. В свою очередь, третий подход представляет собой синтез двух предыдущих концепций, и иск рассматривается сразу в двух аспектах: материально-правовом и процессуально-правовом. На сегодняшний день самой распространенной является смешанная концепция. Однако в рамках злоупотребления процессуальным правом наибольшее значение имеет именно процессуальная грань иска – обращение в суд за защитой.

Во-вторых, институт злоупотребления процессуальным правом возник в англо-саксонской системе, где особую роль играет судебный прецедент. В то же время в континентальной системе формулировка «злоупотребление правом на иск» тесно связана с правом на судебную защиту. Однако фактически злоупотребление данным правом не представляется возможным, так как осуществление правосудия, разрешение спора по существу – есть основная цель деятельности судебных органов в РФ. Такой подход способствует формированию идеи невозможности злоупотребления процессуальным правом в континентальном гражданском процессе. Вот почему следует говорить о злоупотреблении правом на обращение в суд за защитой, которое является процессуальным по своей природе.

Итак, злоупотребление правом на обращение в суд может быть реализовано путем предъявления: 1) недобросовестного основательного иска; и 2) недобросовестного неосновательного иска. В свою очередь, основательность или неосновательность исков здесь рассматривается в материально-правовом отношении⁸.

К первой группе следует отнести случаи, когда отсутствует надобность обращения в суд, например: 1) когда истец имеет возможность получить полное удовлетворение требований, но уклоняется от принятия исполнения; 2) когда истец не дает возможности или оснований ответчику предложить исполнение обязательства в досудебном порядке; 3) или когда им осознанно предъявляется основательный иск из неопределенной нормы

права, в основе которой лежит пробел, коллизия или неоднозначная формулировка⁹. Во всех ситуациях истец преследует собственную выгоду, не придавая значения тому, что своими действиями он нарушает интересы (напрасно тревожит) ответчика, увеличивает нагрузку на судебную систему.

В качестве примера злоупотребления правом в форме предъявления недобросовестного, но основательного иска можно привести часть требований истца по делу № 2-7/2020. Так, покупателю был продан товар ненадлежащего качества (со скрытым дефектом), а его требование о возврате денежных средств не было удовлетворено продавцом в установленный законом срок. Однако в суде было установлено, что истец уклонялся от получения корреспонденции от ответчика, где говорилось о том, что приедет специалист сервисного центра для проведения проверки качества, чем лишил ответчика возможности в срок провести проверку качества товара и принять решение по претензии. Кроме того, в силу обстоятельств дела обязанность по предоставлению товара на проверку лежала на потребителе, но он не предпринял какие-либо действия по ее исполнению. По итогу судом было вынесено решение о частичном удовлетворении требований. Однако во взыскании неустойки за нарушение сроков, а также штрафа за неудовлетворение в добровольном порядке требований потребителя было отказано. Суд согласился с доводами ответчика, что имело место недобросовестное поведение истца, «направленное на извлечение выгоды от применения к продавцу штрафных санкций»¹⁰.

Что касается второй группы исков, то их отличительной чертой является то, что истец, предъявляя иск, заранее знает о том, что у него нет нарушенного субъективного права. Средством противодействия такому поведению истца является право судей при выявлении факта злоупотребления процессуальным правом на его отражение в решении, которыми оканчивается рассмотрение дела¹¹. Это означает отказ в удовлетворении иска и возложение судебных расходов на недобросовестно действовавшее лицо.

В то же время Лазарев С. В. считает, что такие последствия являются недостаточно эффективными, так как выводы о злоупотреблении правом на обращение в суд делаются только по

результатам проведения состязательной процедуры. Исследователь утверждает, что когда для всех очевидно заведомое отсутствие материального права, разрешать вопрос о злоупотреблении правом на обращение в суд нужно путем отказа в принятии искового заявления или путем прекращения производства по делу. По его мнению, необходимость рассмотрения такого дела по существу и предшествующие подготовительные мероприятия необоснованно нарушают права ответчика и права участников других дел, время рассмотрения которых сдвигается в связи с необходимостью рассмотрения неосновательного иска¹².

И если согласно ст. 99 ГПК РФ в случае предъявления неосновательного иска суд может взыскать с истца в пользу ответчика компенсацию за фактическую потерю времени, то лица, не являющиеся сторонами по делу, претендовать на нее не могут. Более того, неосновательный иск не всегда означает отказ в удовлетворении требований. Так, в частности, Аболонин Г. О. приводит в пример ситуацию, когда недобросовестному истцу удалось вернуть деньги, ранее уплаченные за надлежаще выполненную работу. Ключевым моментом являлся тот факт, что согласно договору экспертное заключение считалось принятым после обоюдного подписания акта сдачи-приемки работ. Это условие не было соблюдено, и арбитражный суд истребовал вознаграждение как незаконно удерживаемый аванс¹³. Данный пример свидетельствует о том, что возможность принятия к рассмотрению неосновательного иска может позволить истцу реализовать корыстные цели путем злоупотребления правом.

Подводя итоги, необходимо отметить, что злоупотребление правом на обращение в суд – одна из основных форм злоупотребления процессуальным правом. Вот почему для борьбы с ним необходимо закрепить общее процессуальное понятие злоупотребления правом, а также разработать и усовершенствовать систему мер, препятствующих злоупотреблению правом на обращение в суд в рамках процессуальных отношений.

¹ Васильковский Е. В. Курс гражданского процесса: Субъекты и объекты процесса, процессуальные отношения и действия. М.: Статут, 2016. 624 с.

² Юдин А. В. Злоупотребление процессуальными правами в гражданском судопроизводстве: автореферат дис. ... доктора юрид. наук. СПб., 2009. 47 с.

³ Качмарев М. В. Особенности злоупотребления процессуальными правами в гражданском, арбитражном и административном судопроизводстве // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. № 10-3. С. 83–87.

⁴ Матвеева Е. С. Причины и условия злоупотребления правом в юридическом процессе России в свете издержек реализации состязательного начала // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 2. С. 20–31.

⁵ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 14.11.2002 № 138-ФЗ [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справочная правовая система.

⁶ О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.06.2015 № 25 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справочная правовая система.

⁷ Боловнев М. А. Эффективность противодействия злоупотреблениям процессуальными правами: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2018. 234 с.

⁸ Гурвич М. А. Право на иск. М.: Издательство Академии наук СССР, 1949. 215 с.

⁹ Аболонин Г. О. Недобросовестные иски как средство злоупотребления правом // Российский ежегодник гражданского и арбитражного процесса. 2004. № 3. С. 55–85.

¹⁰ Решение Безенчукского районного суда Самарской области от 25.02.2020 по делу № 2-7/2020 [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ.

¹¹ Боловнев М. А. Указ. соч. 234 с.

¹² Лазарев С. В. Отказ в судебной защите в случаях недобросовестного предъявления неосновательного (в материально-правовом отношении) иска // Арбитражный и гражданский процесс. 2023. № 7. С. 20–21.

¹³ Аболонин Г. О. Там же. С. 55–85.

ФГАОУ ВО «Сибирский
федеральный университет»

Луцаева Татьяна Дмитриевна
E-mail: lustatyana777@yandex.ru

Siberian Federal University

Lushchaeva Tatiana Dmitrievna
E-mail: lustatyana777@yandex.ru

Меркулова Вероника Николаевна

Воронежский государственный университет, г. Воронеж

**УТВЕРЖДЕНИЕ МИРОВОГО СОГЛАШЕНИЯ
В ОТНОШЕНИИ ЕДИНСТВЕННОГО ЖИЛЬЯ
ДОЛЖНИКА, ОБРЕМЕНЕННОГО ЗАЛОГОМ**

Merkulova Veronika Nikolaevna

Voronezh State University, Voronezh

**APPROVAL OF A SETTLEMENT AGREEMENT
IN RESPECT OF THE DEBTOR'S SOLE HOME,
BURDENED WITH COLLATERA**

Аннотация: в статье обсуждаются изменения, внесенные в ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», относительно единственного жилья должника. Анализируется судебная практика утверждения мирового соглашения в отношении ипотечного жилья в случае отсутствия просрочки по обязательству. Сделаны выводы о направленности изменений в сторону улучшения положения должника и членов его семьи в рамках рассмотрения дела о банкротстве.

Abstract: the article discusses the changes made to the Federal Law "On Insolvency (Bankruptcy)" regarding the debtor's only home. It analyzes the judicial practice of approving a settlement agreement regarding mortgaged housing in the absence of arrears on the obligation. Conclusions are made about the direction of the changes towards improving the situation of the debtor and his family members within the framework of the consideration of the bankruptcy case.

Ключевые слова: несостоятельность (банкротство), мировое соглашение, единственное жилье должника, залоговый кредитор.

Key words: insolvency (bankruptcy), settlement agreement, debtor's only home, secured creditor.

Мировое соглашение в делах о несостоятельности (банкротстве) – это процедура, применяемая на любой стадии рассмотрения в целях прекращения производства по делу о банкротстве путем достижения соглашения между должником и кредиторами. Заключение мирового соглашения дает возможность восстановить платежеспособность лица, вернуть доверие кредиторов¹. В настоящее время данный институт в отношении физических лиц находится на этапе становления, поскольку как на уровне доктринальных исследований, так и на уровне законодательства существует потребность в совершенствовании механизма заключения мирового соглашения.

В августе 2024 года в ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» была введена статья 213.10-1², посвященная заключению мирового соглашения с кредитором, требования которого обеспечены ипотекой жилого помещения. По условиям такого соглашения стороны, а иногда и третье лицо, согласовывают график платежей, взыскание на указанное имущество не обращается, при этом должник не освобождается от исполнения обязательств перед залоговым кредитором по завершении процедуры банкротства.

Данное мировое соглашение именуется локальным и имеет ряд отличительных особенностей. Так, например, мировое соглашение в банкротстве в целом уже отличается по критерию согласия всех участников от классического правила, вытекающего из принципа свободы договора, поскольку существует процедура легального принуждения несогласного меньшинства к его заключению. Как указывал Рухтин С. А., именно этим подчеркивается особая природа мирового соглашения в рамках института банкротства и его основное отличие от такового в исковом производстве³. При этом при заключении локального мирового соглашения должны участвовать только те кредиторы, требования которых обеспечены ипотекой жилого помещения и включены в реестр требований кредиторов, а согласия иных кредиторов гражданина вовсе не требуется.

Стоит указать, что предпосылки такого регулирования ипотечных отношений в рамках дел о банкротстве существовали и ранее. Так, в 2021 году Верховным судом была сформирована позиция относительно ипотечного жилья военнослужащих.

В Определении ВС РФ № 304-ЭС21-13091 от 13 августа 2021 г. по делу № А27-30713/2019 указывается, что в целях предотвращения обращения взыскания на принадлежащее военнослужащему жилое помещение по непросроченному долгу гражданин вправе обратиться с ходатайством об утверждении мирового соглашения, по условиям которого спорное жилое помещение не будет подлежать включению в конкурсную массу⁴. В последующем, судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ в своем Определении от 27 апреля 2023 г. № 305-ЭС22-9597 по делу № А41-73644/2020 указала, что если обеспеченное залогом обязательство исполняется надлежащим образом третьим, то между банком и должником возможно вынесение на обсуждение вопроса о заключении мирового соглашения в отношении единственного жилья⁵.

Данные правовые позиции, нашедшие свое логичное закрепление в вышеупомянутой статье, в сущности продиктованы ситуацией, возникающей на практике. Так как само по себе наличие у гражданина-должника жилого помещения, обремененного залогом, являющегося единственным пригодным для постоянного проживания, не является безусловным препятствием для обращения на него взыскания, оно включается в состав конкурсной массы и реализуется, что приводит к дисбалансу прав и законных интересов сторон, поскольку должник в отсутствие просрочки по обеспеченному обязательству фактически лишается единственного жилья.

Важным условием эффективного применения мирового соглашения в отношении единственного жилья является отсутствие просрочки исполнения требований, обеспеченных ипотекой жилого помещения. Это условие продиктовано прежде всего целью обеспечения интересов залогового кредитора. Так, в Постановлении Арбитражного суда Уральского округа от 02.09.2024 № Ф09-4766/24 по делу № А50-14149/2021 основанием для отказа в утверждении мирового соглашения выступило длительное неисполнение обязательства перед залоговым кредитором. Согласно позиции суда, в рамках данного дела в случае реализации заложенного имущества кредитор получит скорейшее удовлетворение требований, чем в результате утверждения графика погашения платежей⁶.

При этом законодатель все же допускает возможность заключения отдельного мирового соглашения, если должником допущена просрочка исполнения требований, но только в случае наличия в отдельном мировом соглашении условий о порядке и сроках устранения такого нарушения. Стоит скептически отнестись к указанной возможности и допускать заключение такого соглашения, только оценив всю совокупность обстоятельств, при этом учитывая не только платежеспособность третьего лица, которое принимает на себя права и обязанности, предусмотренные отдельным мировым соглашением, но и действительность его намерения осуществлять выплаты.

Также возможность заключения мирового соглашения нередко осложняется нежеланием залогового кредитора идти на компромисс, даже при условии выплаты должником денежных средств во исполнение кредитного договора и наличия возможности исполнять обязательства в дальнейшем согласно графику платежей. Это обусловлено прежде всего тем, что в процедуре банкротства банк получит денежные средства от реализации имущества намного быстрее, нежели в соответствии с графиком платежей по мировому соглашению, исполнимость которого может находиться под вопросом.

Вместе с тем, согласно позиции Верховного Суда РФ, в случае отказа кредитора от заключения мирового соглашения без разумных причин (в частности, если положение кредитора не ухудшается по сравнению с тем, как если бы процедуры банкротства не было) суд вправе утвердить локальный план реструктуризации применительно к правилам пункта 4 статьи 213.17 Закона о банкротстве. Согласия иных кредиторов для утверждения судом такого плана реструктуризации не требуется.

Проведя анализ вышеизложенных изменений, стоит прийти к выводу об их направленности в сторону существенного улучшения положения должника и членов его семьи в процедуре банкротства. При этом практика в настоящий момент только начинает формироваться, и насколько востребованным будет указанный механизм предугадать сложно, ведь процедура заключения локального мирового соглашения зачастую не соответствует интересам залогового кредитора и финансового управляющего и инициироваться должна должником, который зачастую или за-

нимает пассивную позицию, или не может представить доказательства исполнимости мирового соглашения ввиду отсутствия денежных средств или согласия третьих лиц, готовых взять на себя обязательство по оплате ипотечных платежей.

¹ См.: Бусыгин А. А. Мировое соглашение в процедурах несостоятельности (банкротства) граждан // Бизнес. Образование. Право. 2023. № 1 (62). С. 216–220.

² О несостоятельности (банкротстве): Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // Гарант: [сайт информ.-правовой компании]. URL: <http://www.garant.ru>

³ См.: Рухтин С. А. Мировое соглашение: проблемы заключения и исполнения при банкротстве // Журнал российского права. 2018. № 7. С. 6.

⁴ Определение Верховного Суда РФ от 13.08.2021 № 304-ЭС21-13091 по делу № А27-30173/2019. URL: <http://www.consultant.ru>

⁵ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 27.04.2023 № 305-ЭС22-9597 по делу № А41-73644/2020. URL: <http://www.consultant.ru>

⁶ Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 02.09.2024 № Ф09-4766/24 по делу № А50-14149/2021. URL: kad.arbitr.ru

Воронежский государственный университет *Voronezh State University*

Меркулова Вероника Николаевна *Merkulova Veronika Nikolaevna*
E-mail: vkabanova515@gmail.com *E-mail: vkabanova515@gmail.com*

**Попова Оксана Васильевна,
Черных Ярослава Павловна**

*Московская академия Следственного комитета
Российской Федерации имени А. Я. Сухарева, г. Москва*

ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВОПРЕЕМСТВО В СЛУЧАЕ СМЕНЫ ПОЛА

**Popova Oksana Vasilyevna,
Chernykh Yaroslava Pavlovna**

*Sukharev Moscow Academy of the Investigative Committee
of the Russian Federation, Moscow*

PROCEDURAL SUCCESSION IN CASE OF GENDER REASSIGNMENT

Аннотация: в статье рассматривается институт смены пола в России через социальные и законодательные аспекты. Авторы анализируют процессуальное правопреемство в судопроизводстве в случае смены пола, обращают внимание на существующие правовые нормы, регламентирующие трансгендерные трансформации, а также ограничения, которые накладываются на лицо, уже сменившее пол (авторы обращаются к Семейному кодексу Российской Федерации).

Abstract: *the article examines the institution of gender reassignment in Russia through social and legislative aspects. The authors analyze the procedural succession in legal proceedings in the event of a sex change, pay attention to the existing legal norms governing transgender transformations, as well as restrictions imposed on a person who has already changed his gender (the authors refer to the Family Code of the Russian Federation).*

Ключевые слова: *смена пола, процессуальное правопреемство, Семейный кодекс, традиционные российские духовно-нравственные ценности.*

Key words: *gender reassignment, procedural succession, Family Code, traditional Russian spiritual and moral values.*

Общепризнанным принципом российского судопроизводства является наличие сторон в судебном споре, без которых невозможно обеспечить надлежащее выполнение судебного разбирательства. В случае исчезновения одного из ключевых участников процесса суд сталкивается с невозможностью вынесения решения в установленном законом порядке. Для преодоления данной проблемы законодательством предусмотрен институт процессуального правопреемства, который позволяет продолжить рассмотрение дела в случае выбытия одной из сторон.

Процессуальное правопреемство представляет собой передачу процессуальных прав и обязанностей от одного лица к другому в связи с материальным правопреемством, что допускается как на стадии рассмотрения дела, так и в рамках исполнительного производства. Однако такая замена допустима исключительно в спорах имущественного характера ввиду специфики личного характера споров, где замена участников невозможна из-за тесной привязки к личности. Стоит отметить: правила замены субъектов процессуальных правоотношений варьируются, что обусловлено различной юридической природой соответствующих участников и спецификой регулирования в соответствующих процессуальных нормах¹.

Следует различать процессуальное правопреемство и материальную замену лица. При материальном правопреемстве правопреемник не получает полного объема процессуальных прав. Определение о замене участника процесса может быть обжаловано посредством подачи частной жалобы. Замена стороны в процессе осуществима лишь при условии существования правопреемника и поступления от него в суд соответствующего заявления, подтвержденного документами. При этом замена истца или третьего лица правопреемником возможна только с согласия последнего, тогда как замена ответчика может происходить без его согласия. Заявление о процессе замены рассматривается судом общей юрисдикции в той инстанции, где заявляется требование о правопреемстве.

Замена сторон в рамках процессуальных отношений может касаться практически любого лица, участвующего в деле, перечень которых определен в процессуальных кодексах Российской Федерации. Например, в Гражданском процессуальном кодексе

(статья 34), Арбитражном процессуальном кодексе (статья 40) и Уголовно-процессуальном кодексе (глава 5–8). При этом в разных нормативных актах данная ситуация может носить различные наименования. Так, в ГПК РФ и АПК РФ данное явление называется процессуальным правопреемством, в то время как в УПК РФ речь идет о признании потерпевшим одного из близких родственников в случае смерти потерпевшего, что также рассматривается как проявление правопреемства². Институт процессуального правопреемства характеризуется обязательной юридической силой всех процессуальных действий, предпринятых предшествующим участником до момента вступления правопреемника в процесс. Правопреемник принимает на себя все права и обязанности предшественника, продолжая участие в судопроизводстве с учетом уже совершённых процессуальных действий.

В свою очередь, Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации регламентирует институт процессуального правопреемства, предусматривая замену участника судебного процесса его правопреемником в случае выбытия первого. Выбытие может быть обусловлено смертью физического лица, реорганизацией юридического лица, переводом долга или иными обстоятельствами, влияющими на изменение лиц в обязательственных отношениях. Перечисленные основания не являются исключительными, однако они отражают наиболее типичные ситуации, требующие применения института процессуального правопреемства.

Право- и дееспособность физического лица зависят от множества факторов, таких как пол, возраст, здоровье и гражданское состояние и другие. Изменение этих факторов влияет на правовой статус лица, а значит, и на его возможность его участия в различных правоотношениях. Таким образом, реальная возможность обладания правами и обязанностями определяется не только абстрактной правоспособностью, но и конкретными условиями и обстоятельствами, которые для их приобретения и осуществления устанавливаются законодательством.

Сегодня под влиянием западных и европейских стран набирает популярность такой диагноз как «расстройство гендерной идентичности»: большое количество молодых людей меняют пол.

С юридической точки зрения изменение пола представляет собой комплекс событий, приводящих к возникновению новой личности с изменённым гражданским статусом и набором прав и обязанностей. После завершения процесса трансформации субъектный состав всех правоотношений, в которых участвует изменившее пол лицо, претерпевает качественные изменения. Однако это не означает фактическую замену одного физического лица другим, данное событие – лишь изменение правового статуса уже существующего индивида. Говоря о процессуальном правопреемстве в случае смены пола, можно заметить «пробел» в законодательстве. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации четко регламентирует процедуру правопреемства в случае смерти лица: в соответствии со ст. 215 ГПК РФ суд обязан приостановить производство по делу в случае смерти гражданина, являющегося стороной в деле или третьим лицом с самостоятельными требованиями, если спорное правоотношение допускает правопреемство³. Наследники могут вступить в процесс при условии предоставления доказательств своих прав на наследство, что может привести к возникновению наследственного спора.

В соответствии со ст. 45.1 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» смена пола в Российской Федерации запрещена.

Процессуальное правопреемство при смене пола – сложный и недостаточно юридически урегулированный вопрос. Поскольку, как уже было отмечено, смена пола предполагает лишь смену правового статуса уже существующего лица, в такой ситуации, на наш взгляд, отсутствует необходимость осуществления правопреемства. Лицо, сменившее пол должно предоставить в суд копии нового документа, удостоверяющего его личность (копию паспорта). Суд, в свою очередь, принимает к сведению изменения в документах лица и продолжает рассмотрение дела с учетом этих изменений. Именно такая практика распространена в зарубежных странах, где смена пола – обыденное дело. Смена пола не влечет автоматического прекращения процессуального участия лица в судебном процессе, нет необходимости в процессуальном правопреемстве, достаточно уведомить суд о произошедших изменениях. Однако это может вызвать проблемы с исполнением

судебных решений и требует внимательного подхода со стороны суда.

Запрет на смену пола законодательно был введен в России в июле 2023 года. Поскольку закон обратной силы не имеет, привлечь к ответственности лиц, сменивших пол до 2023 года, не представляется возможным. Однако данная поправка вызвала широкий общественный резонанс и споры среди правозащитников. Некоторые люди считают, что применение наказания в такой ситуации нарушают соматические права человека (право человека свободно распоряжаться своим телом)⁴. На наш взгляд, применение санкций за смену пола необходимо, поскольку введенный запрет направлен на защиту традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти нашего народа. Так, можно ввести ограничение по государственной гражданской службе, военной службе и государственной службе иных видов, поскольку для сохранения традиционных российских ценностей и самобытности российского народа этих ценностей должны придерживаться, в первую очередь, представители государственной власти и должностные лица государственных органов.

Вместе с введением рассмотренного запрета были внесены изменения в Семейный кодекс Российской Федерации: одним из оснований для расторжения брака является смена пола одним из супругов. На наш взгляд, это правильно: во-первых, согласно ст. 72 Конституции Российской Федерации, браком признается союз мужчины и женщины (данное определение брака закреплено также в Указе Президента Российской Федерации от 09.11.2022 №809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»⁵). Во-вторых, согласно ст. 54 Семейного кодекса Российской Федерации, ребенок имеет право жить и воспитываться в семье, право знать своих родителей, право на совместное с ними проживание, если это не противоречит его интересам. На наш взгляд, недопустимо наличие двух матерей или двух отцов у ребенка – семья играет важнейшую, основную роль в формировании мировоззрения и морально-нравственных качеств ребенка, в семье должны быть четкие ролевые модели поведения, как должен вести себя мужчина, как должна

вести себя женщина. Наличие матери и отца в семье способствует полному и сбалансированному воспитанию ребенка и формированию его характера.

Несмотря на то, что законодательные изменения были введены сравнительно недавно, уже складывается судебная практика по расторжению брака в связи со сменой пола одним из супругов. Так, «Центральный районный суд Тюмени признал недействительным брак между супругами, один из которых сменил пол. Поводом для суда стал запрос к прокурору сотрудников местного ЗАГСа, в котором говорилось, что 33-летний мужчина обратился с заявлением о смене фамилии, имени и отчества, а также пола с мужского на женский. «Принимая во внимание, что по Семейному кодексу регулирование семейных отношений осуществляется в соответствии с принципами добровольности союза мужчины и женщины, прокурор обратился в суд», – сообщила пресс-служба судов Тюменской области. При этом сообщается, что судебный процесс прошел в закрытом режиме. По его результатам брак признали недействительным с 29 сентября 2022 года, когда был выдан документ о смене пола, сообщает пресс-служба судов»⁶.

Таким образом, институт смены пола в Российской Федерации, вероятно, не будет развиваться, поскольку представители власти, правоохранительные органы и большинство граждан выступают за сохранение традиционных российских ценностей. На наш взгляд, сохранение брака как союза между женщиной и женщиной – одна из главных задач государства, поскольку семья – его оплот и сила.

¹ Носов Д. В. О правопреемстве в процессуальном праве // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2013. №2 (20). С. 179–187.

² Валеев Д. Х. Система процессуальных гарантий прав граждан и организаций в исполнительном производстве. М.: Статут, 2009. 351 с.

³ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ.

⁴ Смирнов А. М. К вопросу о праве человека на смену пола в контексте реализации соматических прав человека // Дневник науки. 2019. № 1(25). С. 55.

⁵ Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей.

⁶

*Московская академия
Следственного комитета
Российской Федерации
имени А. Я. Сухарева
Попова Оксана Васильевна
E-mail: Popova.Oksanoh2014@
yandex.ru*

*Черных Ярослава Павловна
E-mail: chernykh Yaroslava29@
mail.ru*

*Sukharev Moscow Academy of the
Investigative Committee
of the Russian Federation
Popova Oksana Vasilyevna
E-mail: Popova.Oksanoh2014@
yandex.ru*

*Chernykh Yaroslava Pavlovna
E-mail: chernykh Yaroslava29@
mail.ru*

**Трофимова Мария Юрьевна,
Шилова Диана Андреевна**

Воронежский государственный университет, г. Воронеж

**ПЕРЕСМОТР ПО ВНОВЬ ОТКРЫВШИМСЯ
ОБСТОЯТЕЛЬСТВАМ В ГРАЖДАНСКОМ
СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: ЗНАЧЕНИЕ ФАКТОВ,
УСТАНОВЛЕННЫХ В ПОСТАНОВЛЕНИИ
О ПРЕКРАЩЕНИИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА
ПО НЕРЕАБИЛИТИРУЮЩИМ ОСНОВАНИЯМ**

**Trofimova Maria Yurievna,
Shilova Diana Andreevna**

Voronezh State University, Voronezh

**REVIEW OF NEWLY DISCOVERED CIRCUMSTANCES
IN CIVIL PROCEEDINGS: THE SIGNIFICANCE
OF THE FACTS ESTABLISHED IN THE DECISION
TO TERMINATE THE CRIMINAL CASE
ON NON-REHABILITATIVE GROUNDS**

Аннотация: *в настоящей статье затрагивается проблема отнесения ко вновь открывшимся обстоятельствам фактов, установленных в ходе предварительного расследования и зафиксированных в постановлениях следственных органов на основании статьи 27 УПК РФ. Анализируется противоречивая судебная практика по данному вопросу, а также значение Постановления КС РФ от 16.01.2025 № 1-П для её гармонизации. Авторами делается вывод о необходимости внесения изменений в ГПК РФ и АПК РФ.*

Abstract: *this article addresses the problem of attributing to newly discovered facts the facts established during the preliminary investigation and recorded in the decisions of the investigating authorities. The contradictory judicial practice on this issue and the significance of the Resolution of the Constitutional Court of the*

Russian Federation dated January 16, 2025 No. 1-P for its harmonization is analyzed. The authors conclude that it is necessary to amend the Civil Procedure Code of the Russian Federation and the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation.

Ключевые слова: *пересмотр судебных актов, вновь открывшиеся обстоятельства, постановления органов предварительного расследования, нереабилитирующие основания.*

Key words: *review of judicial acts, newly discovered facts, investigative decision, non-rehabilitating grounds.*

В гражданском и арбитражном процессуальном законодательстве предусмотрена возможность пересмотра судебных актов по вновь открывшимся обстоятельствам, что является гарантией принятия обоснованного и законного судебного акта по делу.

Основные критерии для оценки обстоятельств как вновь открывшихся сформулированы в процессуальном законодательстве (п. 1 ч. 2 ст. 392 ГПК РФ, п. 1 ч. 1 АПК РФ). Исходя из содержания приведенных положений закона, вновь открывшиеся обстоятельства должны отвечать признакам объективной неизвестности и существенности.

Одним из спорных в судебной практике является вопрос о возможности отнесения ко вновь открывшимся обстоятельствам фактов, установленных в ходе предварительного расследования и зафиксированных не в приговоре, а в постановлениях следственных органов, а именно, по основаниям, перечисленным в статье 27 УПК, к которым относится: истечение срока давности уголовного преступления, вследствие акта об амнистии или акта о помиловании, а также по причине смерти обвиняемого (постановления об отказе в возбуждении или прекращении уголовного дела по нереабилитирующим основаниям). Речь идёт о преступлениях, которые оказали влияние на процесс доказывания по ранее рассмотренному гражданскому делу.

Процессуальные формулировки АПК РФ и ГПК РФ требуют рассмотрения данной категории фактов через призму их подтверждённости приговором суда.

Вместе с тем, данный вопрос не обошел внимание высших судебных инстанций. Так, в п. 6 Постановления Пленума ВАС РФ

от 30 июня 2011 г. № 52¹ отмечено, что обстоятельства, указывающие на пороки доказательств, должны быть установлены вступившим в законную силу приговором суда. Однако в случае если такие обстоятельства установлены постановлением следователя или дознавателя о прекращении уголовного дела за истечением срока давности, вследствие акта об амнистии или акта о помиловании, по причине смерти обвиняемого, они могут быть основанием для пересмотра судебного акта по вновь открывшимся обстоятельствам при условии признания их судом обстоятельствами, существенными для дела согласно п. 1 ч. 2 ст. 311 АПК РФ. Аналогичные разъяснения приведены в п. 10 Постановления Пленума от 11 декабря 2012 г. № 31².

Таким образом, Верховный Суд РФ допускает пересмотр судебных актов по вновь открывшимся обстоятельствам на основании постановлений органов предварительного расследования и, вместе с тем, подчеркивает нереабилитирующий характер таких актов. Данная позиция является последовательной, так как упомянутые постановления, «по сути, являются итоговыми, завершающими производство по уголовному делу процессуальными актами, не должны исключаться из числа актов, констатирующих событие преступления..., тем более, что здесь завершение дела приговором без волеизъявления подозреваемого или обвиняемого невозможно, ввиду недопустимости и нецелесообразности уголовного преследования»³.

При этом следует отметить, что данная позиция высших судебных инстанций находит своё отражение в правоприменительной деятельности и суды признают существенными и достаточными для пересмотра состоявшегося судебного акта по вновь открывшимся обстоятельствам факты, изложенные в постановлении об отказе в возбуждении или о прекращении уголовного дела по нереабилитирующим основаниям, например, в связи с истечением срока давности⁴ или назначением судебного штрафа⁵. Однако, данные случаи не имеют черты сформировавшегося правила. Суды чаще всего отказывают в удовлетворении заявлений о пересмотре дел, указывая, что такое постановление не может являться достаточным основанием, а единственным допустимым доказательством совершения преступных действий является вступивший в законную силу приговор⁶.

16 января 2025 года Конституционный Суд вынес Постановление № 1-П/2025, в котором выявил неконституционность положений ч. 3 ст. 392 ГПК РФ⁷ и подтвердил, что устоявшийся в судебной практике подход, согласно которому игнорируются объективные и существенные обстоятельства преступлений, является неверным. Обстоятельства, отраженные в процессуальном акте, принятом на досудебной стадии производства по уголовному делу, должны детально изучаться судом, рассматривающим заявление о пересмотре судебного постановления по вновь открывшимся обстоятельствам, и получать мотивированную оценку на предмет того, могли ли они повлиять на результат разрешения гражданского дела, будь они известны его участникам и суду. Изложенная позиция Конституционного Суда РФ касается обстоятельств, которые отражены в постановлении об отказе в возбуждении или о прекращении уголовного дела за истечением срока давности уголовного преследования, т.е. по нереабилитирующим основаниям.

Данное Постановление Конституционного Суда, представляется, должно положить конец практике игнорирования разъяснений Пленума ВС РФ и нарушения прав граждан на эффективную судебную защиту.

Стоит отметить, что Конституционный Суд и ранее в своих определениях высказывал аналогичную позицию, однако она, как видно, не была воспринята судами. Позиция КС РФ, обозначенная на этот раз в форме Постановления, подчёркивает сохранение масштабности проблемы распространённости порочной судебной практики.

Следует обратить внимание на то, что факты, установленные в ходе предварительного расследования, нередко являются не вновь открывшимися обстоятельствами, а новыми доказательствами по делу.

Определить, в каких случаях факты относятся ко вновь открывшимся обстоятельствам, а в каких к новым доказательствам – задача суда, поскольку это зависит от предмета доказывания по конкретному делу. Вместе с тем, встречающаяся в судебной практике оценка постановлений органов предварительного расследования в качестве «новых доказательств» не всегда является корректной, так как новые доказательства яв-

ляются дополнительными материалами, подтверждающими уже установленные обстоятельства, а вновь открывшиеся обстоятельства касаются реальных юридических фактов, которые изменяют объективную картину дела⁸. Однако, к сожалению, на сегодняшний день, нормы ГПК РФ и АПК РФ дают возможность судам для бесосновательного отнесения обстоятельств к понятию новых доказательств, а не вновь открывшихся обстоятельств⁹.

Таким образом, на сегодняшний день на основании одних и тех же правовых норм суды высказывают противоположные позиции, в соответствии с которыми факты, установленные в процессуальных решениях органов предварительного расследования: 1) вовсе не признаются вновь открывшимися обстоятельствами; 2) могут быть основаниями для пересмотра дела по вновь открывшимся обстоятельствам, если они отражены в постановлении об отказе в возбуждении или о прекращении уголовного дела лишь по нереабилитирующим основаниям; 3) могут быть основаниями для пересмотра, если они отражены лишь в постановлении о прекращении уголовного дела по нереабилитирующим основаниям; 4) могут быть основаниями для пересмотра дела по вновь открывшимся обстоятельствам даже при реабилитирующем характере таких актов (редчайшие случаи в судебной практике¹⁰).

В целях устранения правовой неопределённости, по нашему мнению, необходимо:

1. На основании Постановления КС РФ от 16.01.2025 № 1-П дополнить перечень оснований для пересмотра дела по вновь открывшимся обстоятельствам, указанный в ч. 3 ст. 392 ГПК. На данный момент в Государственную Думу внесен законопроект № 822883-8, в котором предлагается дополнить ч. 3 ст. 392 ГПК пунктом 4, в соответствии с которым ко вновь открывшимся относятся обстоятельства, отражённые в постановлении об отказе в возбуждении уголовного дела или о его прекращении в связи с истечением срока давности уголовного преследования при соблюдении совокупности критериев.

В целом, следует согласиться с предложенным подходом, изложенном в законодательной инициативе, дополнить уже существующие основания для пересмотра. Однако нельзя критически

не оценить немалый объём предлагаемого нововведения, причиной которого является излишне подробный перенос положений из Постановления Конституционного Суда в закон, что вряд ли можно считать удачным решением с учётом уже закрепленных в процессуальном законодательстве общих критериев вновь открывшихся обстоятельств и базовых положений юридической техники.

2. Представляется необходимым унифицировать подход к применению правовых позиций, изложенных в Постановлении Конституционного Суда, в арбитражных процессуальных правоотношениях. Ряд специалистов схожи во мнениях, что в использовании аналогии в арбитражном судопроизводстве нарушений не усматривается, поскольку законодатель напрямую не урегулировал данный вопрос, вместе с тем не установил и запрета¹¹. Полагаем, применение по аналогии правовых позиций Конституционного Суда, изложенных в постановлении по нормам ГПК, возможно, если положения АПК являются идентичными или схожими по содержанию и правовой природе. В судебной практике нередко применяется аналогия подходов КС при рассмотрении дел в смежных процессуальных областях¹². В соответствии с вышеизложенным, полагаем необходимым внести соответствующие изменения в АПК РФ, так как основания пересмотра дела по вновь открывшимся обстоятельствам в данных Кодексах идентичны.

¹ Постановление Пленума ВАС РФ от 30.06.2011 № 52 «О применении положений Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при пересмотре судебных актов по новым или вновь открывшимся обстоятельствам»: ред. от 19.11.2024 // КонсультантПлюс: сайт: некоммерч. интернет-версия.

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 11.12.2012 № 31 (ред. от 19.11.2024) «О применении норм Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении судами заявлений, представлений о пересмотре по вновь открывшимся или новым обстоятельствам вступивших в законную силу судебных постановлений»: ред. от 19.11.2024 // КонсультантПлюс: сайт: некоммерч. интернет-версия.

³ Постановление Конституционного Суда РФ от 16.01.2025 № 1-П «По делу о проверке конституционности статьи 390.14 и части третьей статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи

с жалобами граждан С. В. Вишнякова, Н. М. Волокитиной, М. З. Каримова и Н. Н. Наливайко» // КонсультантПлюс: сайт: некоммерч. интернет-версия.

⁴ Постановление Четырнадцатого арбитражного апелляционного суда от 02.11.2022 по делу № А52-595/2021 // КонсультантПлюс: сайт: некоммерч. интернет-версия.

⁵ Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 27.09.2024 № Ф10-533/2024 по делу № А09-2922/2023 // КонсультантПлюс: сайт: некоммерч. интернет-версия.

⁶ Постановление Девятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 01.09.2023 № 19АП-257/2020 по делу № А08-8742/2019 // КонсультантПлюс: сайт: некоммерч. интернет-версия.

⁷ Постановление Конституционного Суда РФ от 16.01.2025 № 1-П... // КонсультантПлюс: сайт: некоммерч. интернет-версия.

⁸ ВС напомнил о разнице между вновь открывшимися обстоятельствами и новыми доказательствами // advgazeta.ru.

⁹ Нечкин А. В., Стальнова М. А. Постановление о возбуждении уголовного дела как доказательство в арбитражном процессе (конституционно-правовой и процессуальный аспекты) // Российское право: образование, практика, наука. 2016. № 6 (96). С. 48–52.

¹⁰ Определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 17.04.2020 по делу № 88-5881/2020 // КонсультантПлюс: сайт: некоммерч. интернет-версия.

¹¹ Рехтина И. В. Аналогия в гражданском и арбитражном процессе: проблемы теории и практики применения // Современное право. 2009. № 11. С. 102–106 ; Микрюков В. А. Пределы аналогии в механизме ответственности с применением аналогии закона // Гражданское право. 2018. № 1. С. 15–17.

¹² Определение Конституционного Суда РФ от 16.03.2006 N 76-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Миронова Юрия Николаевича на нарушение его конституционных прав частью четвертой статьи 1 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

*Воронежский государственный
университет*

*Трофимова Мария Юрьевна
E-mail: marishka.2002@mail.ru*

*Шилова Диана Андреевна
E-mail: diana.shii@yandex.ru*

Voronezh State University

*Trofimova Maria Yurievna
E-mail: marishka.2002@mail.ru*

*Shilova Diana Andreevna
E-mail: diana.shii@yandex.ru*

Шапошников Егор Алексеевич

Воронежский государственный университет, г. Воронеж

**ОСОБЕННОСТИ ИНСТИТУТА СВИДЕТЕЛЬСКИХ
ПОКАЗАНИЙ В ЦИВИЛИСТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ**

Shaposhnikov Egor Alekseevich

Voronezh state university, Voronezh

**FEATURES OF THE INSTITUTE OF TESTIMONY
IN CIVIL PROCEDURE**

Аннотация: *в данной работе рассматриваются особенности института свидетельских показаний в цивилистическом процессе. Исследуется сущность свидетельских показаний, понятие свидетельских показаний и их отличия в гражданском и арбитражном процессе. Отдельное внимание уделяется критерию юридической заинтересованности свидетеля. В работе проводится анализ судебной практики допустимости использования свидетельских показаний заинтересованным в исходе дела лицом.*

Abstract: *this article examines the features of the institution of testimony in the civil process. The article examines the essence of witness testimony, the concept of witness testimony and their differences in civil and arbitration proceedings. Special attention is paid to the criterion of the witness' legal interest. The article analyzes the judicial practice of the permissibility of using witness testimony by a person interested in the outcome of the case.*

Ключевые слова: *свидетель, свидетельские показания, лицо, заинтересованное в исходе дела, цивилистический процесс.*

Key words: *witness, testimony, person interested in the outcome of the case, civil process.*

На современном этапе свидетельские показания в цивилистическом процессе регулируются в Гражданском процессуальном кодексе Российской Федерации¹ (далее ГПК РФ) и Ар-

© Шапошников Е. А., 2025

битражном процессуальном кодексе Российской Федерации² (далее АПК РФ). Ни один из указанных актов не закрепляет понятия свидетельских показаний, но вводит понятие «свидетель». Согласно ГПК РФ свидетель – лицо, которому могут быть известны какие-либо сведения об обстоятельствах, имеющих значение для рассмотрения и разрешения дела. В арбитражном процессе свидетель – это лицо, располагающее сведениями о фактических обстоятельствах, имеющих значение для рассмотрения дела.

Больших отличий от понятия свидетеля, данного в советском ГПК РСФСР 1964 г.³ нет, однако новейшие кодексы значительно усовершенствовали данный институт. В частности, в обоих кодексах закрепляется ограничение, так называемого в науке, свидетельства «по слуху». Помимо этого, появляется более широкий перечень лиц, обладающих свидетельским иммунитетом, например, медиаторы, арбитры, судьи и другие лица. Особо закреплён перечень лиц, которые вправе отказаться от дачи показаний.

В связи с отсутствием легального понятия свидетельских показаний, их определением занимается доктрина. Представляется, что наиболее точно данное понятие сформулировал В. В. Молчанов: «Свидетельские показания – это устное сообщение юридически незаинтересованным лицом сведений об отношениях к делу обстоятельствах, о которых оно осведомлено лично или из известных источников, полученных в установленном законом порядке»⁴.

Необходимо обратить внимание на то, что устные показания – требование гражданского процессуального права, в то время как в арбитражном процессе (п. 3 ст. 88 АПК РФ) показания можно изложить письменно. Указанное различие обнажает одну из важных проблем данного средства доказывания: насколько устность и непосредственность изложения влияет на сущность такого доказательства.

Свидетельские показания в процессуальном законодательстве указываются наравне с другими средствами доказывания, но, как отмечают многие юристы, на практике – в гражданском процессе свидетельские показания имеют больше значение, чем в арбитражном процессе. Об этом может говорить и последовательность размещения данных норм в главах «Доказательства и

доказывание» вышеназванных кодексов. В ГПК РФ они расположены в начале данной главы, а в АПК РФ – в конце.

М. С. Репникова связывают такое структурное различие с тем, что «В арбитражных же судебных делах, в отличие от гражданских, доказывание происходит, как правило, с использованием письменных доказательств, а роль свидетельских показаний сведена к минимуму. Очевидно, такое отличие обусловлено превалированием документарной формы в экономических правоотношениях и, напротив, пренебрежением к ней в бытовой сфере человеческой жизнедеятельности.»⁵

Хочется обратить внимание на юридическую заинтересованность свидетеля. В науке сложилось единое мнение, что свидетель – это лицо незаинтересованное в исходе дела. Это связано с тем, что свидетель по своей природе является не лицом, участвующим в деле, а лицом, содействующим правосудию. Если свидетель будет заинтересован в исходе дела, то это будет нарушать принцип состязательности сторон. Под юридической заинтересованностью, чаще всего, понимается ожидание какого-либо правового результата. Выделяют материальную заинтересованность и процессуальную заинтересованность. Под материальным интересом, зачастую, понимают интерес в исходе дела. В нашем случае важен именно интерес в исходе дела.

По мнению автора, отсутствие в процессуальном законодательстве определения заинтересованного лица само по себе создает определенные сложности для правоприменения не только применительно к статусу свидетеля. Существуют механизмы отводов судье, эксперту, переводчику и другим лицам, если они имеют заинтересованность в исходе дела, но в законодательстве нет прямых норм о заинтересованности свидетеля в исходе дела и, как следствие, нет ориентиров для суда как такая заинтересованность должна влиять на оценку данного доказательства.

В ч. 5 ст. 56 АПК РФ есть следующее ограничение: «Не подлежат допросу в качестве свидетелей судьи и иные лица, участвующие в осуществлении правосудия, об обстоятельствах, которые стали им известны в связи с участием в рассмотрении дела, представители по гражданскому и иному делу – об обстоятельствах, которые стали им известны в связи с исполнением обязанностей представителей, а также лица, которые в силу психических недо-

статков не способны правильно понимать факты и давать о них показания».

Однако при анализе судебной практики можно найти дела, где в качестве свидетеля привлекалось заинтересованное в исходе дела лицо, чаще всего это были исполнительные органы юридических лиц. В деле №А03-9057/2011⁶ Федеральный арбитражный суд Западно-сибирского округа рассмотрел кассационную жалобу на решения нижестоящих судов. В ходе рассмотрения дела в суде первой инстанции – директор ООО которое являлось истцом – выступал в качестве свидетеля. В апелляционной инстанции решение оставили без изменения. Как отметил суд: «Доводы жалобы о нарушении судом части 5 статьи 56 АПК РФ, выразившемся в допросе в качестве свидетеля по делу директора общества Радаева П.В., были предметом оценки апелляционного суда, мотивированно отклонены как основанные на неверном толковании норм процессуального права (статьи 54, 56, 88 АПК РФ)».

В данном деле судья сделал вывод, что допрашивать заинтересованное в исходе дела лицо можно, если оно свидетельствует относительно своих трудовых обязанностей: «в рамках настоящего дела свидетельствовал по обстоятельствам, касающимся его трудовых обязанностей в части подписания документов, то есть по вопросам, не связанным с реализацией процессуальных прав и обязанностей представителя истца».

Федеральный арбитражный суд Центрального округа рассматривая кассационную жалобу на решение и определение судов нижестоящих инстанций, пришел к выводу, что судом первой инстанции не был учтён тот факт, что свидетелями по делу являлись заинтересованные лица: «суд первой инстанции не принял во внимание, что все допрошенные судом свидетели являются работниками ОАО. Данное обстоятельство, свидетельствует о том, что для их оценки как беспристрастных и достоверных необходимо наличие иных прямых или косвенных доказательств, исходящих из других источников. Как указано апелляционным судом, учитывая возражения ответчика, одни только показания свидетелей – работников истца, не образуют достаточной совокупности, на которой суд может основывать свои выводы относительно как факта пользования, так и периода пользования»⁷.

В определении Верховного суда РФ от 14.02.2020 №303-ЭС19-27881 по делу № А73-17284/2017⁸ суд указал, что при отсутствии расписки довод ответчика об уплате за спорный автомобиль 555 000 руб. не может быть подтвержден исключительно пояснениями самого ответчика и свидетельскими показаниями заинтересованного по отношению к нему лица.

Полагаем, что сторона или третье лицо не могут быть свидетелями по тому же делу, поскольку любая их позиция должна рассматриваться как письменное или устное объяснение по делу. Что касается директора юридического лица, участвующего в деле, то по мнению автора, он не может быть свидетелем в деле, касающемся юридического лица им возглавляемого, поскольку он и есть данное лицо в силу фикции: действие органа есть действие самого лица.

¹ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 24.06.2023г.) с изменениями и доп. от 20.11.2023 // Собрание законодательства РФ. 18.11.2002. № 46. ст. 4532.

² Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 05.12.2022) с изменениями и доп. от 22.06.2023 // Собрание законодательства РФ 29.07.2002 г. № 30 ст. 3012

³ Гражданский кодекс РСФСР (утв. Верховным Советом РСФСР 11 июня 1964г.) // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1964. № 24. Ст. 407 (утра- тил силу).

⁴ Молчанов В. В. Свидетели и свидетельские показания в гражданском судопроизводстве. М. : Изд. Дом «Городец», 2010. С. 187.

⁵ Репникова М. С. Институт свидетельских показаний в российском законодательстве // Молодой учёный. 2017. № 16. С. 363.

⁶ Постановление Федерального арбитражного суда Западно-Сибирско- го округа от 31 мая 2012 года по делу №А03-9057/2011. [Электронный ре- сурс] // СПС «Гарант».

⁷ Постановление Федерального арбитражного суда Центрального окру- га от 12.04.2014 г. № Ф10-4747/13 по делу № А48-912/2013 [Электронный ресурс] // СПС «Гарант».

⁸ Определение Верховного Суда РФ от 14.02.2020 №303-ЭС19-27881 по делу № А73-17284/2017 [Электронный ресурс] // СПС «Гарант».

*Воронежский государственный
университет*

*Шапошников Егор Алексеевич
E-mail: shegor1337@bk.ru*

Voronezh State University

*Shaposhnikov Egor Alekseevich
E-mail: shegor1337@bk.ru*

Научное издание

**ТРИБУНА
МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ**

Сборник научных трудов

Выпуск 22

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ
РАЗВИТИЯ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА
И ЦИВИЛИСТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

(Материалы VII Международной студенческой конференции)

Под редакцией *О. С. Рогачевой*

Издано в авторской редакции
Компьютерная верстка *Н. А. Сегиды*

Подписано в печать 13.10.2025. Формат 60×84/16.
Уч.-изд. л. 8,3. Усл. п. л. 9,2. Тираж 30 экз. Заказ 420

Издательский дом ВГУ
394018 Воронеж, пл. Ленина, 10
Отпечатано в типографии Издательского дома ВГУ
394018 Воронеж, ул. Пушкинская, 3